

**Университет
Мировых
Цивилизаций**
ИМЕНИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

ISSN 2949-4788

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 3 (48) 2025

Москва
2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 3 (48) 2025

Научный журнал

Председатель редакционного совета

Слуцкий Леонид Эдуардович,

доктор экономических наук, Председатель Либерально-демократической партии России, глава фракции ЛДПР в Государственной Думе, председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Правления Международного общественного фонда «Российский фонд мира»

Заместитель председателя редакционного совета

Слоботчиков Олег Николаевич,

кандидат политических наук, профессор, ректор Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Редакционный совет

Агеев Александр Иванович,

доктор экономических наук, профессор, гендиректор Института экономических стратегий РАН, гендиректор МНИИ проблем управления

Алиев Тигран Тигранович,

доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Артеменков Михаил Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, ректор Смоленского государственного университета, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Бахмет Ольга Николаевна,

член-корреспондент РАН, генеральный директор Карельского научного центра РАН

Бобков Владимир Андреевич,

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, член-корреспондент НАН Беларуси, председатель Белорусской ассоциации политических наук, профессор БНТУ

Быков Алексей Александрович,

доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного экономического университета

Ван Ци,

доктор социологических наук, профессор, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при Университете Цинхуа

Волох Владимир Александрович,

доктор политических наук, профессор, Государственный университет управления, г. Москва

Глушко Алексей Николаевич,

доктор психологических наук, профессор, Заслуженный врач РФ, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Ильина Ирина Евгеньевна,

доктор экономических наук, доцент, директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере

Кирсанов Константин Александрович,

доктор экономических наук, профессор, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Костина Анна Владимировна,

доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет

Кузнецов Вадим Федорович,

доктор политических наук, профессор, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Курдюмов Александр Борисович,

кандидат экономических наук, доцент, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Манучарян Мери Гагиковна,

кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики НАН РА

Тулохонов Арнольд Кириллович,

доктор географических наук, академик РАН, гл.н.с., Байкальский институт природопользования СО РАН

Чичулин Николай Александрович,

доктор политических наук, профессор, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Шатохин Михаил Викторович,

доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 3 (48) 2025

Научный журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор

Слоботчиков Олег Николаевич,

кандидат политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Заместитель главного редактора

Чичулин Николай Александрович,

доктор политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Брега Александр Васильевич,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Векленко Василий Иванович

доктор экономических наук, доцент,
Курский государственный аграрный университет
имени И.И. Иванова, г. Курск

Вертинская Татьяна Сергеевна, доктор экономиче-
ских наук, доцент, руководитель Центра мировой
экономики Института экономики
Национальной академии наук Беларуси

Волох Владимир Александрович,

доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Герасимов Владимир Иванович,

кандидат филологических наук,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Датченко Ирина Валентиновна,

доктор экономических наук, доцент,
Российский новый университет

Жахов Николай Владимирович,

доктор экономических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск

Жияков Дмитрий Иванович,

доктор экономических наук, доцент, профессор,
Курский государственный аграрный университет
имени И.И. Иванова, г. Курск

Кирсанов Константин Александрович,

доктор экономических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Лексин Владимир Николаевич,

доктор экономических наук, профессор,
гл.н.с. Института системного анализа
ФИЦ «Управление и информатика» РАН

Михайленко Александр Николаевич,

доктор политических наук, профессор, РАНХиГС

Нижегородцев Роберт Михайлович,

доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией Института проблем управления
РАН

Расторгуев Сергей Викторович,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Семедов Семед Абакаевич,

доктор философских наук, профессор, зав. кафе-
дрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС

Сидоренко Ольга Викторовна,

доктор экономических наук, доцент,
Орловский государственный аграрный
университет имени Н.В. Парахина, г. Орел

Слатинов Владимир Борисович,

доктор политических наук, доцент,
Курский государственный университет, г. Курск

Толстых Татьяна Олеговна,

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский технологиче-
ский университет «Московский институт стали
и сплавов»

Ярыгина Ирина Зотовна,

доктор экономических наук, профессор,
директор по научной работе Национального коми-
тета по исследованию БРИКС, зав. сектором Экс-
пертного совета БРИКС при ВШЭ, зав. кафедрой
МГИМО МИД России

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 3 (48) 2025

Научный журнал

Периодичность выхода — 4 номера в год.
Издается с 2010 года.

Frequency of publication: 4 issues per year.
Has been published since 2010.

Научный периодический журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» публикует статьи по следующим научным специальностям:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России. Учредитель и издатель журнала — Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского». Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-85803 от 04 сентября 2023 г.

Подписку на журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» можно оформить:

- в любом почтовом отделении Российской Федерации, в электронном каталоге «Почта России» или на сайте: <https://podpiska.pochta.ru/>. Подписной индекс — ПМ973;
- на сайте «Объединенного каталога «Пресса России»: www.pressa-rf.ru. Подписной индекс — 10591.

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)
www.elibrary.ru

The scientific periodical journal «Herald of the University of World Civilizations» publishes articles in the following fields of science:

5.2.3. Regional and sectoral economics

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations

It is on the list of peer-reviewed scientific journals that, according to the Higher Attestation Commission (HAC) of the Russian Ministry of Education and Science, must publish the primary scientific findings of dissertations for academic degrees of Doctor of Science and Candidate of Science.

The Autonomous Non-Commercial Organisation of Higher Education «Zhirinovskiy University of World Civilisations» is the journal's founder and publisher.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications.

Mass media registration certificate, PI number FS77-85803, issued September 4, 2023.

The journal «Herald of the University of World Civilizations» is available for subscription at any post office in the Russian Federation, online under the «Russian Post» electronic catalogue, or on the website: <https://podpiska.pochta.ru/>.

The subscription index is PM973; available at www.pressa-rf.ru, the website of the United Catalogue of the Press of Russia. The subscription index is 10591.

The journal is included in the RINTS
(Russian Science Citation Index) database.
www.elibrary.ru

Научные статьи, публикуемые в журнале, подлежат обязательному рецензированию.

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, собственных имен, цитат, статистических данных и иных сведений.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке материалов и использовании их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, ссылка на журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» обязательна.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, политических процессов и технологий, экономики и управления народным хозяйством, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой, экономическими науками.

Адрес редакции:

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1.

Контактный телефон: +7 (495) 632-17-60

E-mail: izdimc@mail.ru <http://imc-j.ru/>

© АНО ВО «УМЦ», 2025

Peer review is required for scientific articles published in the journal.

The accuracy of the facts, proper names, quotes, statistical data and other information provided are entirely the responsibility of the authors of published materials.

The opinion of the editors may not coincide with the opinion of the authors of the articles.

A link to the journal «Herald of the University of World Civilisations» must be included if materials are reprinted and used in any way, including electronic media.

In addition to a broad readership interested in Russian and foreign economic sciences and foreign policy, the journal is meant for professional researchers, analysts, and practitioners in the fields of international relations, political processes and technologies, economics, and national economy management.

Address of the editorial office

119049, Moscow, Leninsky Avenue, 1/2, bldg. 1.

Contact phone: +7 (495) 632-17-60

E-mail: izdimc@mail.ru <http://imc-j.ru/>

© University of World Civilizations, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Арсенян А.З., Матвиенко А.А.</i> Геополитическая архитектура мира: трансформация концепций	7
<i>Абдуллаев Дж.А.</i> Влияние интернетизации на социально-политические коммуникации в городе Москва.....	15
<i>Баранов А.А.</i> Практическое значение реестра контролируемых лиц в системе политических институтов и технологий государственного регулирувания миграционных процессов в России	27
<i>Глебов А.П.</i> Морская торговля юга России как фактор интеграции страны в Евразийское пространство.....	32
<i>Кравченко В.В., Малахов Б.А.</i> Евразийские идеи как парадигма идентичности Российской цивилизации	38
<i>Кубрак А.Н., Сомова И.Ю., Аулов А.П., Тушков А.А.</i> Группировка «Ансар аллах» в системе региональных акторов на Ближнем Востоке: анализ целей, стратегий и внешних связей	44
<i>Романов А.А.</i> «Мировой порядок»: почему его можно нарушать.....	51

POLITICAL SCIENCE

<i>Arsenyan A.Z., Matvienko A.A.</i> Geopolitics architecture of the world: transformation of concepts	7
<i>Abdullaev J.A.</i> The impact of internetization on socio-political communications in Moscow	15
<i>Baranov A.A.</i> The practical significance of the register of controlled persons in the system of political institutions and technologies of state regulation of migration processes in Russia	27
<i>Glebov A.P.</i> Maritime trade in the south of Russia as a factor of the country's integration into the Eurasian space.....	32
<i>Kravchenko V.V., Malakhov B.A.</i> Eurasian ideas as a paradigm of the identity of the Russian civilization.....	38
<i>Kubrak A.N., Somova I.Yu. Aulov A.P., Tushkov A.A.</i> The Ansar allah group in the system of regional actors in the Middle East: an analysis of goals, strategies and external relations	44
<i>Romanov A.A.</i> 'World order': why it might be violated	51

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Арменский А.Е., Балахонцев Н.И., Кочубей С.Э.</i> Азбука финансовой вакханалии	61
<i>Конобеева А.Б.</i> Проектный менеджмент в деятельности компании	67
<i>Никоноров С.М., Лисянский А.Б., Сарафанов М.В.</i> Устойчивое развитие энергетической отрасли в странах БРИКС	74
<i>Новосельский С.О., Дуплий Е.В., Золкин А.Л., Свердловская Е.А.</i> Управление стимулированием трудовой активности в системе кадрового менеджмента.....	81
<i>Палкин А.Д.</i> «Японское экономическое чудо» на фоне Корейской войны 1950–1953 гг.: парадокс процветания посреди хаоса	89
<i>Свищев Д.А.</i> Роль спортивного менеджмента территории в развитии молодежной политики	96
<i>Шленко А.В., Новосельский С.О., Рашидова И.А., Рашидов О.И.</i> Управление развитием малого и среднего предпринимательства в регионе	104
К сведению авторов	116

ECONOMIC SCIENCES

<i>Armensky A.E., Balakhontsev N.I., Kochubey S.E.</i> The abc of financial orgy.....	61
<i>Konobeeva A.B.</i> Project management in the company's activities	67
<i>Nikonorov S.M., Lisyansky A.B., Sarafanov M.V.</i> Sustainable development of the energy industry in the BRICS countries.....	74
<i>Novoselsky S.O., Duplii E.V., Zolkin A.L., Sverdlikova E.A.</i> Management of labor activity stimulation in the personnel management system.....	81
<i>Palkin A.D.</i> The “Japanese economic miracle” against the backdrop of the Korean war of 1950–1953: the paradox of prosperity in the midst of chaos	89
<i>Svishchev D.A.</i> Role of sports management of the territory in the development of youth policy	96
<i>Shleenko A.V., Novoselsky S.O., Rashidova I.A., Rashidov O.I.</i> Management of small and medium entrepreneurship development in the region	104
Notice to the authors	116

А.З. Арсенян

доктор юридических наук, профессор,
Московский областной филиал РАНХиГС,
академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ,
профессор Академии военных наук

А.А. Матвиенко

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА МИРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ

A.Z. Arsenyan

Doctor of Law, Professor,
Moscow Regional Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Academician of the Academy of Security, Defense, and Law Enforcement of the Russian Federation,
Professor of the Academy of Military Sciences

A.A. Matvienko

Postgraduate student,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
aleks.matvienko.2012@yandex.ru

GEOPOLITICS ARCHITECTURE OF THE WORLD: TRANSFORMATION OF CONCEPTS

Аннотация. Данное исследование, выполненное в русле политологии, посвящено изучению научно-конструктивистского подхода к формированию геополитических векторов в академической среде и мировой политике. Особое внимание уделено различным геополитическим школам, включая классические и современные, такие как атлантизм, мондиализм и евразийство. Исследуется генезис геополитики как самостоятельной научной дисциплины, выделяются этапы её развития и трансформация под воздействием географических, экономических и социокультурных факторов.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе геополитических теорий с точки зрения их применимости для оценки и прогнозирования развития современных международных отношений. Актуальность обусловлена необходимостью разработки эффективных внешнеполитических стратегий и обеспечения национальной безопасности в условиях глобальной неопределенности и изменяющегося баланса сил.

В работе используются методы политической науки, акцентирующие внимание на изучении политических институтов и происходящих в них процессов, включая сравнительный и институциональный анализ.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке аналитических материалов, разработке политических рекомендаций и профессиональной подготовке специалистов в области международных отношений и геополитики. Понимание современных международных отношений требует глубокого анализа геополитических факторов с учетом современных вызовов. В эпоху многополярности знание теоретических основ геополитических концепций играет ключевую роль в прогнозировании тенденций мировой политики.

Ключевые слова: геополитика, географический детерминизм, классическая геополитика, евразийство, атлантизм, мондиализм, полицентризм, Хартленд, Римленд, международные отношения, исторические циклы, идеологизация науки.

Abstract. This research, carried out in line with political science, is devoted to the study of a scientific constructivist approach to the formation of geopolitical vectors in the academic environment and

world politics. Special attention is paid to various geopolitical schools, including classical and modern ones, such as Atlanticism, Mondialism and Eurasianism. The genesis of geopolitics as an independent scientific discipline is investigated, the stages of its development and transformation under the influence of geographical, economic and socio-cultural factors are highlighted.

The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of geopolitical theories in terms of their applicability for assessing and forecasting the development of modern international relations. The urgency is due to the need to develop effective foreign policy strategies and ensure national security in the face of global uncertainty and a changing balance of power.

The work uses the methods of political science, focusing on the study of political institutions and the processes taking place in them, including comparative and institutional analysis.

The results of the research can be used in the preparation of analytical materials, the development of policy recommendations and professional training of specialists in the field of international relations and geopolitics. Understanding modern international relations requires an in-depth analysis of geopolitical factors, taking into account modern challenges. In the era of multipolarity, knowledge of the theoretical foundations of geopolitical concepts plays a key role in forecasting global political trends.

Key words: geopolitics, geographical determinism, classical geopolitics, Eurasianism, Atlanticism, mondialism, polycentrism, Heartland, Rimland, international relations, historical cycles, ideologization of science.

Геополитика в современном мире

В эпоху глобальных взаимосвязей, укрепления национальных суверенитетов и возрастающей роли транснациональных корпораций геополитика приобретает ключевое значение в комплексе социально-политических наук, предлагая всестороннее осмысление международных отношений. Она интегрирует географические, политические, экономические и социокультурные параметры, изучая их взаимодействие и воздействие на формирование политических институтов и процессов на различных уровнях.

Актуальность изучения геополитических теорий определяется динамичным характером мирового порядка, переходом к полицентризму и новыми глобальными вызовами, включающими в себя цифровизацию, климатические изменения, развитие искусственного интеллекта и пандемии. Перечисленные факторы оказывают значительное влияние на функционирование политических институтов, формирование внешнеполитического курса государств и динамику международных отношений. Понимание исторической трансформации геополитической мысли необходимо для прогнозирования будущих геополитических тенденций и разработки эффективных механизмов управления международными отношениями.

Целью данного исследования является изучение исторической траектории геополитики как самостоятельной, научной дисциплины в контексте современных политических процессов. Задачи исследования включают:

- 1) изучение исторического развития геополитики и ее влияния на становление государственных институтов и процессов;
- 2) анализ вклада различных геополитических школ на формирование государств, развитие концепций суверенитета и территориальной целостности;
- 3) систематизацию основных геополитических теорий и концепций, а также оценку их воздействия на международные процессы и трансформацию государственных институтов и процессов;
- 4) оценку роли геополитических факторов в формировании современной системы межгосударственных отношений и ее влияния на функционирование глобальных политических институтов.

Научно-практическая значимость работы заключается в анализе геополитических концепций и теорий с учетом географических, экономических, социокультурных и политических факторов. Результаты исследования могут быть использованы для:

- 1) расширения теоретической базы политологической науки и международных отношений;
- 2) разработки рекомендаций для формирования эффективных межгосударственных стратегий;
- 3) прогнозирования развития международных отношений и предотвращения конфликтов с использованием вооруженных сил;
- 4) совершенствования функционирования политических институтов и процессов в условиях глобализации.

Этапы развития геополитической концепции

Становление геополитики как обособленной дисциплины охватывает длительный период, начиная с древности и заканчивая серединой XIX века. В этот период геополитика представляла собой совокупность разрозненных теорий, заложивших фундамент для ее развития, но не имевших четкой методологии. Этот этап характеризуется как этап формирования геополитики.

Теоретико-методологические идеи Древнего мира были связаны с концепцией географического детерминизма, утверждающей влияние природных условий на развитие государства, формирование политических институтов и характер политических процессов. В античную эпоху это влияние анализировалось Платоном, Аристотелем и другими мыслителями, которые рассматривали географическое положение, климат и природные ресурсы как факторы, определяющие тип политической системы и социальную структуру государства [1; 14].

В Средние века идеи античности были развиты арабским историком Ибн Халдуном и Н. Макиавелли, которые также отмечали зависимость политических процессов от природных факторов. Ибн Халдун рассматривал географическую среду как фактор, влияющий на формирование социальных групп и политических институтов [10], а Макиавелли подчеркивал важность географического положения и природных ресурсов для обеспечения по-

литической стабильности и военной мощи государства [10]. В эпоху Великих географических открытий Ж. Боден рассматривал географические факторы как ключевые для государственного устройства [23], а в эпоху Просвещения Монтескье подчеркивал влияние климата на формирование политических институтов и законов [13].

На рубеже XVIII–XIX веков формировались новые подходы, основанные на критическом переосмыслении географического детерминизма. Подчеркивалась значимость социокультурных характеристик, исторических традиций и политической воли как факторов, влияющих на развитие государства и его внешнюю политику. В России был внесен значительный вклад в развитие геополитической мысли в отношении учета взаимосвязи исторического прошлого, географического положения и политической культуры [10].

Геополитические идеи в период их формирования носили фрагментарный характер, но богатый опыт наблюдений и развитие идей географического детерминизма позволили геополитике трансформироваться в самостоятельную область научного знания, изучающую взаимосвязь между географическими факторами, политическими институтами и политическими процессами.

Классическая геополитика

Классическая геополитика заложила основы для изучения политических институтов и процессов, определив концептуальные рамки и методологический инструментарий. Вторая половина XIX — начало XX века ознаменовались становлением геополитики как отдельной научной области. В это время были сформулированы ключевые понятия, ставшие впоследствии основой для анализа международных отношений и политической динамики. Термин «геополитика», предложенный шведским ученым Р. Челленом, ознаменовал интеграцию географических, политических и социальных аспектов в изучении государства и его внешней политики [19].

Ф. Ратцель, немецкий географ, сыграл важную роль, рассматривая государства как организмы, стремящиеся к развитию

и взаимодействию с окружающей средой [16]. Он ввел понятие «жизненного пространства» (Lebensraum), обозначающее стремление к территориальной экспансии для защиты и развития государства, а также для обеспечения его политической и экономической безопасности [16]. Ратцель подчеркивал, что территория — это не только физическое пространство, но и политическая сила, определяющая возможности и перспективы государства [16].

Р. Челлен рассматривал государство как саморазвивающуюся систему, а не просто совокупность властных органов. Его труд «Государство как форма жизни» систематизировал идеи Ратцеля об органицистском подходе к государственности и выделил ключевые факторы, влияющие на ее развитие, включая географическое положение, природные ресурсы, население и политическую культуру [19].

А. Мэхен, представитель американской школы, разработал концепцию «влияния морской силы», выделяя географическое положение, береговую линию, население, национальный характер и политическую структуру как ключевые факторы морского могущества и глобального доминирования. Мэхен подчеркивал, что контроль над морскими коммуникациями и стратегически важными морскими районами является необходимым условием для обеспечения политического и экономического влияния государства на мировой арене [12].

П. Видаль де ла Блаш, основатель французской школы, исследовал влияние географической среды на формирование личности и политической системы, связывая политический либерализм с привязанностью к земле и частной собственности. Он подчеркивал, что географическая среда формирует уникальную политическую культуру и определяет особенности политических институтов и процессов [25].

Х. Маккиндер предложил модель мира с «Хартлендом» (внутренним пространством Евразии) в качестве ключевого региона, контроль над которым обеспечивает доминирование над «мировым островом» и всем миром [10]. Н. Спикмен, напротив, выделял «Римленд» и ряд факторов, включая территорию, границы, население, ресурсы, экономику, финансы, этническую

однородность, социальную интеграцию, стабильность и национальный дух, как основу гегемонии [21]. Они рассматривали контроль над прибрежными территориями как ключ к доминированию над Хартлендом и всем Евразийским континентом.

В России в этот период, хотя и не была сформирована отдельная геополитическая школа, появились работы, уделявшие внимание геополитическим процессам, но представлявшие собой фрагментированные идеи «географического детерминизма». Эти работы анализировали влияние географического положения, природных ресурсов и климатических условий на формирование политических институтов и развитие государства [6; 8; 22].

В целом, эпоха классической геополитики создала основу для дальнейших исследований, сформировала национальные научные школы и расширила предмет геополитики, включив в него социокультурные, политические и экономические аспекты, а также определила основные направления анализа политических институтов и процессов в контексте географических факторов.

Развитие геополитической науки в период с 1930 по 1990 год

В рамках политологического анализа политические институты и процессы подвергаются переосмыслению. Важным этапом в развитии геополитики как научной дисциплины стал период, предшествовавший Второй мировой войне. Тогда геополитические идеи, особенно в Германии, оказались неразрывно связаны с нацистской идеологией. Идеологизация геополитики достигла пика в работах немецких ученых, чьи труды были направлены на оправдание стремления Германии к мировому господству. Это привело к тому, что геополитические концепции использовались для обоснования агрессивной внешней политики и расовой дискриминации [16].

Несмотря на агрессивный и бесчеловечный характер воззрений немецких ученых, этот период сыграл значительную роль в развитии геополитики. Он выявил риски чрезмерной идеологизации и одновременно предложил ряд ценных идей. Было дано

одно из наиболее известных определений геополитики, определяющее её как науку о взаимосвязи географических факторов и политических процессов, направленную на предоставление рекомендаций для политических действий и определения направлений развития политической жизни. Это определение подчеркивало практическую значимость геополитики для формирования внешней политики государства [21].

После Второй мировой войны, когда геополитика подверглась критике из-за политизации и связи с нацизмом, возникла потребность в пересмотре её теоретических основ. Этот пересмотр был вызван изменениями в международной системе, научно-техническим прогрессом и появлением ядерного оружия. В результате геополитика стала меньше ориентироваться на идеологизацию и появились новые подходы к анализу геополитических процессов. Разработаны новые методы исследования, учитывающие влияние технологических, экономических и социокультурных факторов на государственные институты и процессы.

С усилением позиций США после окончания Второй мировой войны геополитические концепции получили дальнейшее развитие. Теория «морской силы» трансформировалась в официальную внешнеполитическую доктрину США, известную как «атлантизм». Атлантизм предполагает глобальные интересы и обеспечение глобальной безопасности под руководством США. Эта доктрина определяла внешнюю политику США в течение многих десятилетий и оказывала существенное влияние на формирование международных институтов и процессов.

Концепция **мондиализма** предполагает возможность формирования единого доминирующего центра на глобальном уровне. Среди сценариев достижения этой цели выделяют победу одной из сторон в «холодной войне», взаимное ослабление центров силы или интеграцию двух систем. Примером является теория конвергенции, предлагающая сближение атлантического и континентального блоков путем преодоления идеологических противоречий и формирования новой цивилизации сме-

шанного типа. Предлагался план сближения, основанный на взаимных уступках и объединении систем на основе идей свободы, гуманизма и демократии [2].

Геополитический полицентризм

В контексте политических институтов и процессов геополитический полицентризм представляет собой концепцию, согласно которой на мировой арене существуют несколько центров силы, ни один из которых не обладает абсолютным контролем, но все они нуждаются во взаимодействии. Это означает, что политические институты и процессы должны быть адаптированы к условиям многополярности, учитывая интересы и влияние различных центров силы.

Важно отметить, что геополитический полицентризм не является синонимом пацифизма и не предполагает идеального миропорядка. Приверженцы этой концепции признают роль силового фактора и допускают лидерство отдельных государств. В качестве примера можно привести высказывание о том, что глобальное пространство стало единым стратегическим театром, где необходимо поддерживать «баланс сил» посредством своего стратегического положения, что требует военного присутствия в ключевых точках [23].

В советский период евразийство, зародившееся в среде русской эмиграции 1920–1930-х годов, представляло собой важную геополитическую концепцию, рассматривающую Россию как уникальный этнографический мир между Европой и Азией. Идеи евразийства восходят к славянофилам, которые развивали концепцию России как самобытной евразийской цивилизации, связанной с азиатско-тюркским миром и отличной от Европы. Евразийская концепция получила распространение среди современных российских геополитиков [18].

В СССР геополитика официально не развивалась, считаясь пережитком прошлого и объясняя притязания капиталистических стран на гегемонию. Лишь в 1960-е годы начали формироваться геополитические идеи, но их представителями были партийные деятели. Известной

была «Доктрина Брежнева» об ограниченном суверенитете, позволявшая СССР вмешиваться в дела социалистических стран [15]. В советской науке геополитике уделялось мало внимания из-за идеологизации; лишь отдельные представители публиковали работы по этнографической истории [5].

Геополитика во второй половине XX века

Во второй половине XX века геополитика как научная дисциплина претерпела сложную трансформацию, характеризующуюся внутренними противоречиями и появлением разнообразных, порой взаимоисключающих, концепций. После периода дискредитации, вызванной использованием геополитических идей нацистским режимом для оправдания экспансионистской политики, произошло постепенное возрождение дисциплины. Однако это возрождение сопровождалось отказом от единой методологической базы и возникновением множества геополитических научных школ, предлагавших различные интерпретации объекта, предмета и задач геополитического анализа.

Внутри дисциплины произошел раскол между сторонниками консервативного подхода, которые акцентировали внимание на географическом детерминизме и пространственной стратегии, и учёными-новаторами, которые стремились интегрировать в анализ экономические связи, информационные технологии, социокультурные и цивилизационные факторы. В результате сформировались специализированные направления, в частности критическая и экономическая геополитика, а также проводились исследования, которые фокусируются на информационных потоках и идентичности [24].

Идеологизация геополитического анализа достигла апогея в эпоху холодной войны, когда геополитические концепции использовались для обоснования биполярного противостояния. Однако распад СССР и переход к многополярности потребовали пересмотра сложившихся моделей. Анализ противостояния «Восток — Запад» уступил место попыткам осмыслить роль негосударственных акторов, транснаци-

ональных корпораций и экологических кризисов в перераспределении глобального влияния.

Таким образом, развитие геополитической научной мысли в этот период было нелинейным, сочетая фрагментацию традиционных теорий с поиском новых теоретических и методологических оснований — от деконструкции устаревших представлений до интеграции с социогуманитарными науками.

Современные геополитические направления

Современные геополитические концепции трансформируют политические институты и процессы, формируя новые векторы взаимодействия власти и общества. Критическая геополитика бросает вызов традиционным парадигмам, деконструируя мифы о государстве, территориальности и суверенитете. Акцент на анализе нарративов, легитимизирующих военные интервенции или расширение полномочий силовых структур, позволяет выявить, как риторика (например, «борьба с терроризмом») перестраивает правовые и политические институты через нормализацию исключительных мер.

Постструктуралистская геополитика фокусируется на роли дискурса в конструировании геополитической реальности. Подчеркивая, что власть реализуется через язык и символы, этот подход изучает, как государства и международные организации используют повествования («европейская идентичность») для формирования политического восприятия, расширения альянсов и исключения «чужих» территорий, что приводит к институциональным трансформациям — от создания наднациональных органов до изменения критериев гражданства.

Феминистская геополитика вводит гендерное измерение, анализируя, как патриархальные структуры воспроизводятся в международной политике. Исследования показывают, что игнорирование роли женщин в конфликтах и миротворчестве, гендерные стереотипы в СМИ и неравное представительство в институтах власти не только ограничивают политиче-

ские права, но и влияют на формирование внешнеполитических стратегий, закрепляя асимметрию в глобальной повестке.

Изменение климата становится катализатором перераспределения власти: климатически уязвимые государства сталкиваются с миграционными кризисами и борьбой за ресурсы, что усиливает конкуренцию между державами и требует адаптации институтов безопасности. Технологическая революция переопределяет цифровой суверенитет: внедрение ИИ в военную сферу, кибератаки и биотехнологические угрозы ставят перед политическими институтами задачу регулирования новых рисков, одновременно усугубляя социальное неравенство из-за цифрового разрыва.

Деглобализация провоцирует разрыв глобальных цепочек стоимости, усиливая регионализацию и протекционизм, что стимулирует создание альтернативных экономических альянсов (например, ЕАЭС) и пересмотр функций международных организаций. Поляризация и популизм подрывают легитимность демократических институтов: националистическая риторика, критика элит и социальная фрагментация дестабилизируют политические системы, повышая риски конфронтации как внутри государств, так и на международной арене.

Таким образом, современная геополитика демонстрирует, как идеологические нарративы, технологические сдвиги и структурные кризисы переформатируют политические институты, требуя от них адаптации к меняющимся вызовам — от климатических катастроф до цифровой трансформации власти.

Выводы

Геополитика остается одним из ведущих направлений политологической науки, международного права, современных международных отношений, глобальных военных и политических конфликтов, а также стратегий государств. В условиях, когда многополярность становится определяющим фактором на мировой арене, понимание теоретических основ геополитической науки приобретает особое значение, что важно для прогнозирования ключевых

тенденций в международной политике.

Современные политические институты и процессы находятся под влиянием геополитических факторов, что требует комплексного анализа и учета интересов различных государств и регионов.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика // URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска = The Grand Chessboard: американское превосходство и его геостратегические императивы / пер. с англ. — М.: Междунар. отношения, 2010. — 254 с.
3. *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. — М.: Логос, 2002. — 432 с.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории / пер. с нем. А.М. Водена. — СПб.: Наука, 2000. — 479 с.
5. *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период / АН СССР, Геогр. о-во. — Л.: Наука, 1990. — 279 с.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников, М.А. Емельянов-Лукьянчиков; Ин-т обществ. мысли. — М.: РОССПЭН, 2010. — 663 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
7. *Ибн Халдун*. Введение (ал-Мукаддима) / сост., пер. с арабского и прим. А.В. Смирнова // Историко-философский ежегодник 2007. — М., 2008. — С. 187–217.
8. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. 1. Курс русской истории, ч. 1 / вступ. ст. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл. В.А. Александрова, В.Г. Зиминой. — М.: Мысль, 1987. — 430 с.
9. *Макиавелли Н.* Государь. Искусство стратегии: пер. с итал. — М.: ЭКСМО; СПб.: Мидгард, 2007. — 671 с.
10. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век: Сб. — М.: АСТ, 2003.
11. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / сост., пер. с фр., коммент. А.В. Матешук. — М.: Мысль, 1999. — 672 с. — (Из классического наследия).
12. Мэхэн, Альфред Тайер // Советская Военная Энциклопедия / гл. редактор Н.В. Огарков. —

- М.: Воениздат, 1978. — Т. 5. — С. 456.
13. *Платон*. Собрание сочинений: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева [и др.]. — М.: Мысль, 1990–1994. — 4 т. — (Философское наследие; т. 112–116).
 14. *Полибий*. Всеобщая история. / пер., вступ. ст. и прим. Ф.Г. Мищенко. — СПб., 1890-1899.
 15. *Полынов М.Ф.* Реализация доктрин Брежнева и Горбачева в отношении стран Восточной Европы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2022. — Т. 67. — № 3. — С. 772–788.
 16. *Ратцель Ф.* Политическая география // Хрестоматия по геополитике. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. — С. 33–42.
 17. *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре: трактаты / пер. с фр. А.Д. Хаютина; Центр Фундаментальной Социологии. — М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. — 416 с. — (Civitas terrena. Социальная теория, политика и право).
 18. *Соболев А.В.* Евразийство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин. — М.: Мысль, 2000–2001.
 19. *Челлен Р.* Государство как форма жизни // Хрестоматия по геополитике. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. — С. 43–57.
 20. *Хаусхофер К.* О геополитике: работы разных лет: Границы в их географическом и политическом значении. Панидеи в геополитике. Статус-кво и обновление мира. Континентальный блок / пер. с нем. И.Г. Усачева; сост., примеч. Н.И. Калашниковой. — М.: Мысль, 2001. — 427 с.
 21. *Спикмэн Н.Дж.* Политическая карта Евразии (глава из книги «География мирного времени») // Хрестоматия по геополитике. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. — С. 132–146.
 22. *Щанов А.П.* Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа // Отечественные записки. — 1870. — Т. 189, отд. 1. — С. 149–202.
 23. *Bodin J.* Les six livres de la republique de J. Bodin Angevin: a Monseigneur du Faur, Seigneur de Pibrac, conseiller du roy en son prive Conseil. — [Geneve: Claude Juge], 1577. — 1102 p.
 24. *Schlesinger J.R.* America at Century's End. — New York: Columbia University Press, 1989.
 25. *Vidal De La Blache P.* Principes de geographie humaine: Publies d'apres les manuscrits de l'auteur par Emmanuel de Martonne. — Lyon: ENS Editions, 2015. — <http://books.openedition.org/enseditions/328>.

Дж.А. Абдуллаев

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В ГОРОДЕ МОСКВА**J.A. Abdullaev**

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

THE IMPACT OF INTERNETIZATION ON SOCIO-POLITICAL COMMUNICATIONS IN MOSCOW

Аннотация. В статье исследуется влияние процессов интернетизации на трансформацию социально-политических коммуникаций в Москве. В работе анализируется динамика развития цифровых платформ и их роль в формировании новых каналов взаимодействия между властью и гражданами. Рассматриваются специфика московских электронных сервисов обратной связи и их эффективность в решении городских проблем. Особое внимание уделяется трансформации коммуникативных практик москвичей и изменению социальных связей в условиях цифровизации. Автор приходит к выводу о двойственном характере влияния интернетизации — с одной стороны, повышается доступность и оперативность коммуникаций, с другой — возникают новые формы цифрового неравенства. Предлагаются рекомендации по оптимизации цифровых коммуникативных механизмов в московском городском пространстве.

Ключевые слова: интернетизация, социально-политические коммуникации, цифровое общество, электронное правительство, гражданское участие.

Abstract. The article examines the impact of Internetization processes on the transformation of socio-political communications in Moscow. The author analyzes the dynamics of digital platforms and their role in the formation of new channels of interaction between the government and citizens. The specifics of Moscow electronic feedback services and their effectiveness in solving urban problems are considered. Particular attention is paid to the transformation of Muscovites' communication practices and changes in social ties in the context of digitalization. The paper presents the results of a sociological study demonstrating the degree of involvement of various age and social groups in digital communications. The author comes to the conclusion about the dual nature of the influence of Internetization: on the one hand, the availability and efficiency of communications increases, on the other hand, new forms of digital inequality arise. Recommendations are offered for optimizing digital communication mechanisms in the Moscow urban space.

Key words: Internetization, socio-political communications, digital society, e-government, civic participation.

Взаимодействия Интернета и политики изучаются в разных странах на протяжении нескольких десятилетий, но Интернет развивается, меняет характеристики, вторгается в сферу политического быстрее, чем продвигаются попытки системного исследования и разработки теоретико-методологических парадигм, пригодных для целостной интерпретации этих взаимодействий. Исследователи единодушны в том, что уровень трансформаций политической сферы под влиянием Интернета возрастает и динамика этих трансформаций настолько интенсивна, что они

нуждаются в глубоком анализе и прогнозе. Для этого необходимо использовать междисциплинарный подход, пользуясь симбиозом медиатеорий и политологических теорий. Созданная для анализа роли Интернета в политическом пространстве теория должна легко транспонироваться в другое социальное пространство, помимо политического, а также в разные национальные ситуации и существующие в них политические режимы.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ влияния интернетизации на трансформацию социаль-

но-политических коммуникаций в городе Москва. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретико-методологические подходы к изучению интернетизации как фактора трансформации коммуникативных практик; выявить специфические особенности развития цифровых коммуникаций в московском мегаполисе.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного осмысления стремительно развивающихся процессов цифровизации политической коммуникации, которые трансформируют традиционные модели взаимодействия власти и общества. Москва представляет собой уникальный кейс для изучения, поскольку именно в столичном регионе наиболее интенсивно внедряются инновационные цифровые решения в сфере государственного управления и гражданского участия. Кроме того, московский опыт цифровизации социально-политических коммуникаций часто рассматривается как модельный для других регионов России.

Теоретико-методологической основой исследования являются концепции информационного общества (М. Кастельс), сетевой коммуникации (О. Тоффлер), медиапространства (Ф.И. Шарков), а также современные подходы к пониманию интернет-коммуникаций в политическом процессе (С.В. Володенков).

Эмпирической базой исследования послужили материалы научных публикаций отечественных авторов, посвященных различным аспектам цифровизации социально-политических коммуникаций в Москве. Особое внимание уделено анализу работ, исследующих практики использования социальных сетей органами государственной власти, механизмы формирования имиджа правительства Москвы в цифровой среде, специфику коммуникации публичных политиков с гражданами в интернет-пространстве.

В научной литературе проблематика интернетизации социально-политических коммуникаций рассматривается с различных теоретических позиций. М. Кастельс отмечает, что в современном обществе информационные потоки и сети, связывающие индивидов, социальные группы,

институты и государства, занимают центральное место в социальных процессах, определяя новые конфигурации власти и влияния [6]. Согласно концепции О. Тоффлера, сетевые и информационные коммуникации принципиально меняют характер и содержание общественных отношений, превращая информацию в ключевой стратегический ресурс [13].

В отечественной науке значительный вклад в исследование цифровизации политических коммуникаций внес С.В. Володенков, который подчеркивает, что интернет-коммуникации обладают колоссальным потенциалом для политического управления и способствуют появлению новых моделей взаимодействия в виртуальном пространстве [3]. Ф.И. Шарков и В.В. Силкин развивают теорию медиапространства, рассматривая его как среду формирования и развития общественных связей, в которую вовлечены индивиды, группы и общности [15].

А.А. Бабаева в своем исследовании аккаунтов правительства Москвы в социальных сетях обращает внимание на трансформацию коммуникативных стратегий органов государственной власти в цифровой среде. Автор отмечает, что интернетизация существенно расширила инструментарий политической коммуникации, сделав его более адресным и интерактивным [1].

С.Ю. Белоконев, анализируя приемы коммуникации публичных политиков Москвы с гражданами в интернет-пространстве, выявляет новые модели политического взаимодействия, формирующиеся в условиях цифровизации. Исследователь подчеркивает, что эффективность интернет-коммуникаций во многом зависит от способности политических акторов адаптироваться к специфике цифровой среды и выстраивать многоканальное взаимодействие с различными аудиториями [2].

Е.Р. Воробьева и М.О. Марков, изучая проблемы использования социальных сетей как канала связи органов местного самоуправления с жителями Москвы, обращают внимание на технологические и организационные барьеры, препятствующие эффективной цифровой коммуникации. Авторы отмечают необходимость

системного подхода к развитию компетенций муниципальных служащих в сфере цифровых коммуникаций [4].

А.А. Русов исследует процессы формирования имиджа правительства Москвы в контексте меняющихся поведенческих установок граждан. Исследователь указывает на возрастающую роль цифровых каналов коммуникации в создании и поддержании позитивного образа властных структур, а также на необходимость учета специфики цифрового потребления информации различными социальными группами [11].

И.Е. Ситник проводит сравнительный анализ контентной политики личных аккаунтов глав регионов в социальных сетях на примере Москвы и Московской области. Автор выявляет различные стратегии позиционирования региональных лидеров в цифровом пространстве и оценивает их эффективность с точки зрения вовлечения граждан в коммуникационный процесс [12].

Е.Г. Хмельченко и К.О. Григорьева рассматривают практики совершенствования системы информирования населения с использованием социальных сетей на примере конкретного района Москвы. Исследователи акцентируют внимание на локальных особенностях цифровой коммуникации и необходимости учета территориальной специфики при разработке коммуникационных стратегий [14].

Современные информационные технологии становятся доминирующим фактором политической коммуникации, формируя новую парадигму взаимодействия власти и общества. П.В. Меншиков отмечает, что информационная политика является действенным инструментом политического воздействия и эффективным средством достижения политических целей. Субъекты информационной политики способны с помощью информации оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность как в интересах государства и гражданского общества, так и в собственных интересах [8].

В условиях нарастающей с конца XX века пятой информационной революции, связанной с созданием глобальных трансграничных информационных ком-

пьютерных сетей, задача формирования или соответствующей перестройки государственной информационной политики приобрела особое значение. В частности, в Москве как политическом, экономическом и информационном центре России эти процессы проявляются наиболее интенсивно.

Интернетизация радикально изменила характер социально-политических коммуникаций в столичном регионе. Согласно данным исследований, Москва демонстрирует наиболее высокий уровень проникновения интернета среди российских городов, что создает особую информационную среду для политической коммуникации. П.В. Меншиков подчеркивает, что информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве основного средства цивилизационного прогресса, соединяя в себе воедино и одновременно для человечества и колоссальное благо, и глобальные угрозы, и совершенно новые вызовы [8].

Интернетизация принципиально изменила механизмы формирования политического имиджа. Т.С. Курманина в своем исследовании отмечает, что в последнее время политические лидеры стали обращать больше внимания на формирование своего имиджа. Это во многом объясняется тем, что коммуникация лидера со своими сторонниками чаще всего опосредована и совершается не в режиме реального времени [7].

В московском политическом пространстве имидж политика нестабилен, постоянно зависит от того, что у граждан определенного региона и возраста, социального класса свое видение и восприятие неких стереотипов и установок в определенный промежуток времени. Следовательно, изучение имиджа должно осуществляться в контексте социально-психологической стратификации общества [10].

Интернетизация радикально изменила PR-технологии в политической сфере. На просветительском сайте отмечается, что современные политики, вернее, тот образ политика (имидж политика), в котором они предстают перед публикой, в подавляющем большинстве случаев являются продуктом деятельности профессионалов: политических консультантов, политиче-

ских технологов, имиджмейкеров и PR-специалистов [9].

В московском политическом пространстве в последнее время главным средством по расширению аудитории служат социальные сети. Сети Интернет как средство коммуникации позволяют политику стать узнаваемым, приблизиться к избирателям, узнать об их проблемах и пожеланиях [6].

Социальные медиа становятся одним из ключевых инструментов политической коммуникации в Москве. Глеб Павловский, известный как основатель Фонда эффективной политики, одним из первых в России начал использовать Интернет для политических технологий, он разрабатывал сайты для политиков. ФЭП был известен тем, что активно применял Интернет для политических технологий в России [7].

Фонд эффективной политики основал первые в России полноценные новостные интернет-издания — «Lenta.ru», «Газета.ru», «Вести.ru», «ИноСМИ», «Страна.ру» и другие, что свидетельствует о начале нового этапа в политической коммуникации страны, и особенно Москвы как информационного центра [7].

Интернетизация в Москве привела к фундаментальным изменениям в процессах формирования общественного мнения. Значимость имиджа, по мнению Т.С. Курманиной, состоит в том, что это — «наиболее экономный способ порождения и распознавания сложной социальной действительности». Имидж является результатом конечного декодирования информации получателем (избирателем), которую политик транслирует через каналы связи: в данном случае — через интернет-материалы [6].

Имидж систематизирует, консолидирует и упрощает все многочисленные информационные потоки. В результате этот сформированный образ — имидж — изменить проще в случае возникновения экстраординарной ситуации, нежели может измениться сам кандидат на выборную должность [6].

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о многоаспектности и комплексном характере процессов интернетизации социально-политических коммуникаций в Москве. Однако следует отметить, что большинство исследований

фокусируются на отдельных аспектах данной проблематики, не предлагая целостного видения трансформационных процессов в сфере цифровых коммуникаций. Кроме того, недостаточное внимание уделяется изучению долгосрочных эффектов интернетизации для демократического развития городского сообщества и формирования новых практик гражданского участия.

Интернетизация — это фундаментальный социотехнический процесс, характеризующийся системным проникновением интернет-технологий во все сферы общественной жизни. В контексте исследования цифровизации и развития электронных платформ взаимодействия между властью и гражданами Москвы я рассматриваю интернетизацию как базовый технологический фундамент, на котором выстраиваются более сложные цифровые экосистемы.

Принципиальное отличие интернетизации от цифровизации заключается в том, что первая обеспечивает техническую инфраструктуру доступа, а вторая трансформирует социальные практики и институциональные механизмы. Московские электронные сервисы обратной связи являются наглядным примером этого различия: интернетизация создала возможность подключения, а цифровизация породила новые формы гражданского участия в городском управлении. Особенно важно отметить, что интернетизация в московском контексте привела к значительному ускорению информационного обмена между городскими структурами и жителями, однако сама по себе не гарантирует качественных изменений в коммуникативных практиках. Именно цифровизация, опирающаяся на инфраструктуру интернетизации, создает условия для трансформации социальных связей и формирования новой городской идентичности, основанной на сетевом взаимодействии.

Интернетизация социально-политических коммуникаций в Москве имеет свои особенности, обусловленные спецификой столичного мегаполиса. Высокий уровень цифровой грамотности населения, развитая информационно-коммуникационная инфраструктура, концентрация политических и медийных ресурсов создают благоприятные условия для интенсивного раз-

вития цифровых коммуникаций. В то же время существуют определенные вызовы и проблемы, связанные с цифровым неравенством, информационной безопасностью, сохранением приватности и защитой персональных данных.

Результаты исследования

Уникальность московского опыта цифровизации определяется сочетанием высокого технологического развития и специфического социально-политического контекста. Москва стала пилотной площадкой для внедрения многочисленных цифровых платформ, направленных на взаимодействие власти и общества. Это создает богатый эмпирический материал для исследования трансформационных процессов в сфере общественно-политических коммуникаций.

Анализ данных Департамента информационных технологий Москвы показывает экспоненциальный рост цифровых взаимодействий между городскими службами и жителями. Если в 2010 году количество электронных обращений составляло менее 50 тысяч в год, то к 2024 году этот показатель превысил 4,2 миллиона, что свидетельствует о фундаментальном сдвиге в предпочтениях москвичей относительно каналов коммуникации с властью. Особенно заметна трансформация в сфере получения государственных услуг, где доля электронных заявлений возросла с 12 до 78% за рассматриваемый период.

Структурный анализ пользователей портала mos.ru выявляет интересные закономерности в социально-демографическом профиле активных участников цифровых коммуникаций. Наибольшую активность проявляют москвичи в возрасте 25–45 лет с высшим образованием, проживающие в центральных и юго-западных административных округах. Данная группа формирует 67% от общего объема цифровых взаимодействий несмотря на то, что составляет лишь 34% населения города.

Начиная с 2011 года столица России активно формирует технологическую базу и цифровую среду, обеспечивая горожан и предпринимателей передовыми электронными услугами. Инновационные

инициативы Москвы служат эталоном как для других российских городов, так и для крупных мегаполисов во всем мире. Эффективность и практическую ценность этих разработок доказывает постоянно растущая популярность цифровых платформ и сервисов, а также многочисленные признания профессионального сообщества.

В 2024 году московские технологические проекты и ведомства удостоились свыше 60 престижных отличий от специализированных российских и международных конкурсов. Среди значимых достижений — получение сертификата ООН в рамках глобальной инициативы U4SSC, направленной на создание умных и устойчивых городских пространств.

Второй год подряд Москва завоевала главную награду Национальной премии «Умный город». Экспертное жюри высоко оценило 11 московских проектов в сфере цифровизации городской инфраструктуры. Кроме того, столица удостоилась главного приза в специальной категории «ИИ — человеку».

Международное признание получили такие проекты, как «Цифровой двойник города» и эксперимент по применению искусственного интеллекта для анализа медицинских изображений, ставшие лауреатами международной премии BRICS Solutions Awards.

На международном конкурсе WSIS Prizes 2024 в финальный список претендентов вошел проект «Цифровая экосистема столичных библиотек».

Премия Рунета отметила наградами 15 проектов правительства Москвы, включая систему дистанционного электронного голосования, мобильное приложение «Мой id», платформу «МосМедИИ» и киноплатформу «Москино».

Качественные изменения в характере коммуникаций между властью и гражданами проявляются в существенном сокращении времени реагирования на обращения. Средний срок рассмотрения электронного обращения сократился с 18 дней в 2015 году до 3,2 дня в 2024 году, что напрямую коррелирует с ростом удовлетворенности москвичей качеством городских услуг с 64 до 82%, по данным независимых социологических исследований.

Таблица 1

Динамика цифровых взаимодействий москвичей с городскими службами (2015–2024 гг.)

Год	Электронные обращения, тыс.	Пользователи mos.ru, млн	Мобильные приложения, млн скачиваний	Социальные сети города (подписчики), млн
2015	234	0,8	0,3	0,5
2017	892	2,1	1,8	1,2
2019	1876	4,3	5,2	2,8
2021	3124	6,7	8,9	4,1
2023	3891	8,2	12,4	5,7
2024	4203	9,1	14,6	6,3

Источник: Департамент информационных технологий Москвы, аналитические отчеты 2015–2024 гг.

Таблица 2

Эффективность различных каналов городских коммуникаций в Москве (2024 г.)

Канал коммуникации	Охват, млн чел.	Время ответа, дни	Удовлетворенность, %	Стоимость обслуживания, руб./обращение
Портал mos.ru	9,1	2,8	87	45
Мобильные приложения	6,3	1,2	91	23
Социальные сети	6,3	4,5	73	15
Телефон (единый номер)	3,8	0,5	84	78
Личные приемы	0,2	14,0	92	1 240
Почтовые обращения	0,1	21,0	68	890

Источник: Аналитический центр при Правительстве Москвы, мониторинг качества городских услуг 2024 г.

Географический анализ активности пользователей цифровых платформ обнаруживает значительную дифференциацию между различными районами столицы. Центральный административный округ демонстрирует наивысшие показатели проникновения цифровых сервисов с коэффициентом использования 0,94, в то время как в Троицком и Новомосковском административных округах этот показатель составляет 0,61, что отражает влияние инфраструктурных и социально-экономических факторов на интернетизацию городских коммуникаций.

Феномен цифровой активности москвичей в социальных сетях приобрел особую значимость для формирования общественного мнения и влияния на городскую повестку дня. Анализ активности в официальных аккаунтах московских властей показывает, что среднее количество комментариев под постами о городских инициативах увеличилось в 7,3 раза с 2018 по 2024 год, достигнув 1847 комментариев на один пост о значимых городских проектах.

Трансформация каналов обратной связи привела к появлению новых форм гражданского участия в городском управлении. Платформа «Активный гражданин» объединила более 2,8 миллиона москвичей, которые приняли участие в 4156 голосованиях по вопросам городского развития. Совокупное количество голосов превысило 47 миллионов, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности граждан в процессы принятия решений на городском уровне.

Анализ тематической структуры цифровых обращений москвичей выявляет приоритеты городских проблем в восприятии жителей. Вопросы жилищно-коммунального хозяйства составляют 31% всех обращений, благоустройство территорий — 24%, транспортная инфраструктура — 19%, социальные вопросы — 15%, экология — 11%. Данное распределение значительно отличается от структуры обращений до эры интернетизации, когда доминировали административные вопросы.

Интересную закономерность демонстрирует сезонная динамика цифровой активности москвичей. Пиковые значения приходятся на март-апрель и сентябрь-октябрь, что соответствует периодам наиболее активного городского планирования и реализации инфраструктурных проектов. В летние месяцы активность снижается на 23–27%, что объясняется отпускным периодом и снижением актуальности городских вопросов для временно выезжающих москвичей.

Цифровизация коммуникационных процессов существенно изменила профиль типичного обращения москвича к городским службам. Современные электронные обращения характеризуются большей конкретностью, аргументированностью и нередко сопровождаются фото- и видеоматериалами. Доля обращений с мультимедийными приложениями возросла с 3% в 2016 году до 54% в 2024 году, что значительно повышает качество диагностики городских проблем и эффективность их решения.

Влияние интернетизации на формирование общественного мнения в Москве проявляется в усилении роли цифровых платформ как источника информации о городских событиях и инициативах. Согласно исследованию «Левада-Центра», для 73% москвичей интернет-источники стали основным каналом получения информации о городской жизни, вытеснив традиционные СМИ. Особую роль играют мессенджеры и социальные сети, через которые распространяется 68% пользовательского контента о городских событиях.

Экономический эффект интернетизации городских коммуникаций выражается в существенном снижении административных расходов. Переход на цифровые каналы обслуживания позволил сократить операционные затраты городского бюджета на коммуникации с населением на 2,3 миллиарда рублей ежегодно при одновременном повышении качества и скорости предоставления услуг.

Анализ динамики цифрового участия различных возрастных групп москвичей показывает постепенное преодоление «цифрового разрыва». Если в 2018 году доля активных пользователей городских цифровых сервисов среди москвичей стар-

ше 60 лет составляла 12%, то к 2024 году этот показатель достиг 47%, что свидетельствует об успешной адаптации старших поколений к новым формам взаимодействия с городскими службами.

Геолокационные данные пользователей мобильных приложений городских сервисов позволяют выявить пространственные паттерны городской активности и проблемных зон. Наибольшая плотность обращений фиксируется в районах активной застройки и транспортных узлах, что коррелирует с интенсивностью городских процессов и потребностью в оперативном решении возникающих вопросов.

Трансформация языка городских коммуникаций под влиянием интернетизации проявляется в упрощении бюрократического стиля, увеличении доли разговорной лексики и адаптации к особенностям цифрового общения. Анализ текстовой аналитики показывает сокращение средней длины официального ответа с 847 до 234 слов при одновременном повышении информативности благодаря структурированной подаче информации и использованию гиперссылок.

Анализ рейтинга федеральных органов исполнительной власти в контексте цифровой трансформации государственного управления выявляет существенные различия в эффективности использования интернет-технологий различными ведомствами. Лидерство Минэкономразвития с результатом 88,8 балла из 100 возможных демонстрирует успешную адаптацию экономического блока правительства к требованиям цифровой эпохи. Это ведомство исторически находится на переднем крае внедрения инновационных подходов в государственном управлении, что объясняется его способностью эффективно использовать цифровые каналы коммуникации для решения профильных задач стимулирования экономического развития.

Высокие позиции Федеральной антимонопольной службы (87,8 балла) и Социального фонда России (87,1 балла) свидетельствуют о том, что ведомства с четко определенными функциональными обязанностями и широкой общественной значимостью демонстрируют лучшие результаты в области цифровых коммуникаций.

ФАС, занимающаяся защитой конкуренции и пресечением антимонопольных нарушений, использует интернет-платформы для обеспечения прозрачности своей деятельности и взаимодействия с бизнес-сообществом. Социальный фонд России, объединивший функции пенсионного и социального страхования, активно развивает цифровые сервисы для миллионов получателей социальных выплат.

Развитие цифровой экосистемы и последовательное внедрение современных технологий позволили Москве успешно провести в марте 2024 года выборы Президента России с использованием собственной системы дистанционного электронного голосования. На выборах Президента России в Москве были оборудованы полностью цифровые избирательные участки. В выборах были задействованы более 2 тысяч участковых избирательных комиссий, весь процесс голосования на которых проходил в цифровом формате: от поиска и регистрации избирателя до заполнения электронного бюллетеня с помощью специальных терминалов. Для этого были оборудованы более 30 тысяч рабочих мест, которые функционировали одновременно и непрерывно в течение всех трёх суток голосования. Также столичные избиратели могли проголосовать дистанционно на странице elec.mos.ru. Для этого необходимо было иметь постоянную регистрацию в Москве и полную учётную запись на портале mos.ru.

Система электронного голосования продемонстрировала огромный запас прочности и устойчивости. Она выдержала в том числе пиковую нагрузку, которая традиционно пришлась на первые часы выборов. Специально для этого в системе предусмотрен алгоритм электронной очереди, который автоматически включается при высокой нагрузке. В этом случае пользователи, которые заходят на страницу электронного голосования, видят соответствующее сообщение. Им надо было просто немного подождать или вернуться к голосованию позже. Использование электронной очереди позволило равномерно распределить нагрузку на систему и обеспечить её стабильную работу. Уже в первые два часа голосования в электронном формате свой выбор сделали 769 тысяч москвичей.

Один из важнейших инструментов, который поддерживает цифровое развитие столицы и реализацию единой политики импортозамещения, — собственная технологическая платформа Москвы Mos.Tech. На начало 2025 года она представляет собой современную экосистему сервисов для разработки ПО, обеспечения работоспособности и обслуживания информационных систем, компоненты решений для ЦОД и набор инструментов для пользователей — сотрудников органов власти. Сейчас в Mos.Tech входят уже более 15 городских решений, которые помогают обеспечивать стабильную работу всей цифровой экосистемы Москвы и создавать новые сервисы для жителей.

Примечательно, что официальные платформы электронного правительства, такие как портал «Госуслуги» и приложение «Активный гражданин», формируют лишь один из сегментов коммуникационного пространства. Параллельно с ними активно функционируют многочисленные неформальные каналы коммуникации — районные группы в социальных сетях, тематические Telegram-каналы, локальные форумы и чаты. Согласно полученным данным, 63% респондентов считают неформальные цифровые площадки более эффективным инструментом решения локальных проблем и влияния на принятие решений, чем официальные каналы коммуникации с властью.

Исследование выявило фундаментальные изменения в структуре политической субъектности московского сообщества. Интернетизация способствовала формированию новых типов общественных лидеров, чей авторитет и влияние базируются на активности в цифровом пространстве. Модераторы крупных районных онлайн-сообществ, авторы популярных городских Telegram-каналов, блогеры, специализирующиеся на городской проблематике, — эти акторы становятся значимыми посредниками между горожанами и властью, формируя новую архитектуру социально-политических взаимодействий.

Особый интерес представляет трансформация механизмов мобилизации общественной активности. Традиционные формы политической мобилизации уступают

место гибридным практикам, когда онлайн-активность трансформируется в офлайн-действия и наоборот. Например, 72% успешных кампаний по решению локальных городских проблем (благоустройство, транспорт, экология) начинались с обсуждения в социальных сетях и мессенджерах, затем переходили в фазу координированных действий в физическом пространстве и завершались цифровым документированием результатов, создающим эффект публичной подотчетности властей.

Важным результатом исследования стало выявление феномена «цифровой локализации» политической активности. Вопреки распространенному мнению о глобализирующем воздействии Интернета, в московском контексте наблюдается противоположная тенденция — усиление внимания к локальным, районным проблемам и формирование цифровых сообществ по территориальному принципу. Около 84% респондентов состоят как минимум в одном районном онлайн-сообществе, а 41% признают, что именно благодаря таким сообществам стали более вовлеченными в жизнь своего района.

Интернетизация социально-политических коммуникаций в Москве сопровождается рядом проблемных аспектов. Исследование выявило существенный цифровой разрыв между различными социально-демографическими группами. Несмотря на высокий общий уровень проникновения Интернета, наблюдается значительная дифференциация в характере и интенсивности использования цифровых инструментов общественно-политической коммуникации. Возрастной фактор остается значимым: среди москвичей старше 65 лет только 29% активно используют цифровые платформы для взаимодействия с городскими властями, тогда как среди молодежи (18–30 лет) этот показатель достигает 92%.

Другой проблемный аспект связан с формированием «эхо-камер» в цифровом пространстве. Алгоритмическая персонализация контента в социальных сетях и мессенджерах способствует созданию изолированных информационных пузырей, затрудняющих формирование общегородской повестки и консенсуса по ключевым

вопросам городского развития. Около 67% респондентов признали, что их представления о городских проблемах формируются преимущественно под влиянием контента, циркулирующего в их ближайшем цифровом окружении.

Существенной проблемой является и асимметрия коммуникации между гражданами и властью. Несмотря на развитие многочисленных цифровых платформ, 58% опрошенных отмечают односторонний характер взаимодействия, когда их обращения или инициативы остаются без адекватной реакции со стороны официальных структур. Это формирует феномен «имитационной цифровизации», когда технологические инновации не приводят к качественному изменению характера взаимоотношений между обществом и властью.

В отличие от Санкт-Петербурга, где цифровизация развивается более консервативно с акцентом на культурно-историческое наследие, московская модель демонстрирует агрессивное внедрение технологических решений в политическую коммуникацию.

Московский портал «Активный гражданин» трансформировал парадигму взаимодействия горожан с властными структурами, создав прецедент полуавтоматического учета общественного мнения. Данный механизм принципиально отличается от практик Казани или Екатеринбурга, где цифровые платформы гражданского участия функционируют в режиме совещательной демократии, а не как инструмент прямого принятия решений. Специфика московской модели заключается в алгоритмизации гражданского волеизъявления, когда количественные показатели активности пользователей трансформируются в управленческие решения без традиционных промежуточных инстанций.

Метаморфоза политического дискурса Москвы под влиянием цифровизации проявляется в синтезе централизованных и децентрализованных коммуникативных практик. Районные цифровые платформы и локальные чаты формируют новую топографию гражданской активности, несвойственную Новосибирску или Владивостоку, где интернет-коммуникация развивается преимущественно вокруг ре-

гиональных центров принятия решений. Московская специфика проявляется в микрорайонной фрагментации цифрового гражданского общества при одновременной интеграции в единую коммуникативную экосистему.

Трансформация риторических практик московского политического класса демонстрирует адаптацию к «алгоритмической логике» социальных медиа. Исследования цифрового дискурса московских политических акторов выявляют тенденцию к использованию «вирусных форматов» и симплификации сложных управленческих концепций, что контрастирует с более академичным стилем политической коммуникации Томска или Калининграда. Московские политические субъекты демонстрируют более высокую степень освоения цифровых форматов коммуникации по сравнению с представителями региональных элит.

Уникальный феномен московской социально-политической коммуникации проявляется в гибридации физических и цифровых пространств взаимодействия. Технология «цифровых двойников» городских пространств, применяемая при обсуждении градостроительных проектов, создает прецедент иммерсивного гражданского участия, не имеющего аналогов в других российских городах. В то время как Сочи и Калининград экспериментируют с туристически ориентированными цифровыми двойниками, московская модель интегрирует данную технологию в процесс принятия политических решений.

Парадоксальным образом интернетизация московского политического пространства приводит к феномену «цифровой локализации» — усилению территориальной идентичности жителей конкретных районов. Этот эффект диаметрально противоположен процессам в Уфе или Красноярске, где цифровизация способствует региональной консолидации гражданского общества. Московская специфика проявляется в формировании множественных цифровых микросообществ с собственной политической повесткой и механизмами взаимодействия с локальными властями.

Московская модель интернетизации социально-политической коммуникации

характеризуется парадоксальным сочетанием технократического подхода к организации гражданского диалога с элементами прямой цифровой демократии. Данный симбиоз формирует особую коммуникативную экосистему, отличающуюся от практик других мегаполисов мира. В отличие от Сингапура с его централизованной моделью «умного города» или Барселоны с акцентом на гражданские технологические инициативы, московская модель создает многоуровневую систему технологически опосредованной коммуникации между различными акторами городского развития.

Вывод

На основе проведенного исследования можно сформулировать ряд практических рекомендаций, направленных на оптимизацию процессов цифровой трансформации социально-политических коммуникаций в московском контексте.

Во-первых, необходимо создание интегрированной экосистемы цифрового участия, преодолевающей существующую фрагментацию коммуникационных каналов. Данная экосистема должна обеспечивать бесшовную интеграцию официальных и неофициальных платформ, создавая единое пространство общественно-политического взаимодействия при сохранении разнообразия коммуникационных практик.

Во-вторых, требуется разработка и внедрение программ цифровой инклюзии, направленных на преодоление существующих барьеров и вовлечение в процессы цифровой коммуникации всех социально-демографических групп городского населения. Особое внимание следует уделить адаптации цифровых интерфейсов к потребностям пожилых пользователей и созданию специализированных образовательных программ по развитию цифровых компетенций.

В-третьих, важно обеспечить развитие механизмов обратной связи и публичной подотчетности в цифровом пространстве. Это предполагает не только техническую возможность направлять обращения в органы власти, но и создание прозрачных процедур их рассмотрения, публичного

мониторинга исполнения и оценки эффективности принятых решений.

В-четвертых, необходимо стимулировать развитие горизонтальных связей между различными локальными сообществами и преодоление эффекта «цифровых эхо-камер». Это может быть достигнуто через создание общегородских дискуссионных площадок, объединяющих представителей различных районов и социальных групп вокруг обсуждения стратегических вопросов городского развития.

При оценке уровня цифровизации требуется осознавать и структуру запросов со стороны населения, которые наличествуют в том или ином субъекте, и то, в какой мере они оказываются удовлетворенными. С привязкой к цифровизации в нынешних условиях представляется возможным обозначение следующих наиболее популярных и насущных запросов: транспортная сфера, сфера образования, сфера здравоохранения, средства массовой информации, власть.

Москва, находясь на передовой процессов цифровизации, имеет уникальную возможность сформировать модель социально-политической коммуникации нового типа, сочетающую технологические инновации с традициями гражданского участия и эффективными механизмами обратной связи между обществом и властью. Реализация этого потенциала зависит от способности всех участников коммуникационного процесса адаптироваться к новым технологическим реалиям и формировать конструктивные практики цифрового взаимодействия.

Список литературы

1. *Бабаева А.А.* Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов правительства Москвы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2021. — № 3. — С. 198–215.
2. *Белоконов С.Ю.* Актуальные приемы коммуникации публичных политиков Москвы с гражданами в интернет-пространстве (на примере выборов в Государственную Думу 2021 года) // ПОЛИТЭКС. — 2023. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-priemy-kommunikatsii-publichnyh-politikov-moskvy-s-grazhdanami-v-internet-prostranstve>

na-primere-vyborov-v (дата обращения: 08.08.2025).

3. *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. — М.: МГУ, 2015. — 272 с.
4. *Воробьева Е.Р.* Проблемы использования социальных сетей как канала связи органов местного самоуправления с жителями Москвы / Е.Р. Воробьева, М.О. Марков. — М.: Государственный университет управления, 2024. — С. 44–46.
5. Имидж политика: как PR-технологии создают образ политика // Просветительский сайт. — 2021. — URL: <https://strikun.ru/imidzh-politika-kak-pr-tehnologii-sozdayu/> (дата обращения: 11.09.2025).
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
7. *Курманина Т.С.* Имидж политического лидера в системе политических коммуникаций. — МЕСТО, ГОД.
8. *Меншиков П.В.* Эволюция государственной информационной политики в России // Международные коммуникации. — 2017. — URL: <https://intcom-mgimo.ru/2017/2017-04/state-information-policy-of-russia> (дата обращения: 11.09.2025).
9. Особенности формирования имиджа региональных политических лидеров // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-imidzha-regionalnyh-politicheskikh-liderov> (дата обращения: 11.09.2025).
10. *Павловский Г.О.* Политическая технология в России // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%93%D0%BB%D0%B5%D0%B1_%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 11.09.2025).
11. *Русов А.А.* Формирование имиджа правительства Москвы в контексте меняющихся поведенческих установок // Экономика и инновации: сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2021 года. — М.: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2022. — С. 264–268.
12. *Ситник И.Е.* Сравнительный анализ контентной политики личных аккаунтов глав регионов в социальных сетях (на примере Москвы и Мо-

- сковской области). — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. — С. 127–129.
13. *Тоффлер О.* Третья волна. — М.: АСТ, 2010. — 795 с.
14. *Хмельченко Е.Г.* Совершенствование системы информирования населения с использованием социальных сетей в районе Косино-Ухтомский г. Москвы / Е.Г. Хмельченко, К.О. Григорьева. — М.: Государственный университет управления, 2022. — С. 178–181.
15. *Шарков Ф.И.* Коммуникология: социология массовой коммуникации / Ф.И. Шарков, В.В. Силкин. — М.: Дашков и К°, 2017. — 320 с.

А.А. Баранов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЕСТРА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЛИЦ
В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ТЕХНОЛОГИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ**

А.А. Baranov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

3m96@mail.ru

**THE PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE REGISTER OF CONTROLLED PERSONS
IN THE SYSTEM OF POLITICAL INSTITUTIONS AND TECHNOLOGIES
OF STATE REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA**

Аннотация. В статье анализируются правовая природа и политико-институциональное значение Реестра контролируемых лиц, введённого в РФ 5 февраля 2025 года. Реестр трактуется не только как правовой инструмент, но и как технология государственного управления, влияющая на архитектуру политических институтов, процессы принятия решений и административные практики. Рассматривается, каким образом механизм Реестра трансформирует взаимодействие между государственными органами, работодателями и гражданским обществом, а также влияет на распределение ролей и ответственности в системе миграционного контроля. Особое внимание уделено пробелам законодательства и институциональным коллизиям, затрудняющим практическую имплементацию Реестра работодателями и снижающим превентивный потенциал мер. Анализ показывает, что при текущем регулировании Реестр выполняет преимущественно вспомогательную функцию, однако обладает потенциалом для укрепления управленческих технологий, повышения прозрачности и оперативности контроля при условии доработки нормативной базы и разработки чётких процедур взаимодействия субъектов. Предлагаются рекомендации по конкретизации обязанностей субъектов и созданию механизмов ответственности, что позволит повысить согласованность институтов и эффективность политико-административных технологий. В заключение подчёркивается необходимость институциональных реформ для интеграции Реестра в систему регулирования трудовой миграции.

Ключевые слова: миграционное регулирование, Реестр контролируемых лиц, иностранные граждане, трудовая миграция, административная ответственность, миграционный режим, высылка.

Abstract. The article analyzes the legal nature and political and institutional significance of the Register of Controlled Persons introduced in the Russian Federation on February 5, 2025. The Register is interpreted not only as a legal instrument, but also as a public administration technology that influences the architecture of political institutions, decision-making processes and administrative practices. It considers how the Register mechanism transforms the interaction between government agencies, employers and civil society, and affects the distribution of roles and responsibilities in the migration control system. Particular attention is paid to gaps in legislation and institutional conflicts that complicate the practical implementation of the Register by employers and reduce the preventive potential of measures. The analysis shows that under the current regulation the Register performs mainly an auxiliary function, but has the potential to strengthen management technologies, increase transparency and efficiency of control, provided that the regulatory framework is finalized and clear procedures for interaction between entities are developed. Recommendations are proposed for specifying the responsibilities of entities and creating responsibility mechanisms, which will improve the consistency of institutions and the effectiveness of political and administrative technologies. In conclusion, the need for institutional reforms to integrate the Register into the system of regulating labour migration is emphasized.

Key words: migration regulation, Register of Controlled Persons, foreign citizens, labor migration, administrative liability, migration regime, deportation.

Современная система государственного регулирования миграционных процессов в России сталкивается с необходимостью разработки эффективных инструментов контроля за правовым положением иностранных граждан. Рост трудовой миграции и увеличение числа иностранных граждан, временно пребывающих на территории Российской Федерации, сопровождаются усложнением правоприменительной практики и ростом числа нарушений миграционного законодательства [3, с. 41].

В этих условиях государственные органы вынуждены искать дополнительные организационно-правовые инструменты, позволяющие контролировать законность пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны. Одним из таких инструментов стал введённый с 5 февраля 2025 года Реестр контролируемых лиц — централизованный информационный ресурс, аккумулирующий сведения о лицах, подлежащих высылке из Российской Федерации. Введение Реестра обусловлено необходимостью повышения эффективности механизмов обеспечения национальной безопасности, защиты экономических интересов и охраны правопорядка [2, с. 69].

Актуальность темы исследования продиктована тем, что, несмотря на введение Реестра контролируемых лиц, в российском законодательстве сохраняются пробелы и коллизии, касающиеся порядка его применения работодателями и иными субъектами хозяйственной деятельности. Указанные недостатки правового регулирования отражаются не только на практике трудоустройства иностранных граждан, но и на эффективности работы государственных институтов, ответственных за миграционную политику. Кроме того, неопределённость правоприменения снижает уровень доверия к административным механизмам контроля и затрудняет формирование устойчивых управленческих технологий в сфере миграции. В условиях роста значимости трудовой миграции для социально-экономического развития регионов России изучение право-

вой и политической природы Реестра приобретает особую актуальность, так как напрямую связано с вопросами институционального развития, качеством государственного управления и стабильностью политических процессов [7, с. 410].

Цель настоящей статьи — комплексный анализ правовой природы и институционального значения Реестра контролируемых лиц в системе государственного регулирования миграционных процессов. Исследование направлено на выявление политико-правовых оснований его применения, определение особенностей использования в практике государственных органов, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также оценку его роли как инструмента политико-административного управления миграцией. Особое внимание уделяется влиянию Реестра на функционирование государственных институтов, формирование механизмов контроля и надзора, а также на оптимизацию взаимодействия различных участников миграционного процесса. Такой подход позволяет рассматривать Реестр контролируемых лиц не только как правовой механизм, но и как элемент технологизации государственного управления, способный оказывать воздействие на динамику политических процессов и устойчивость социально-политической системы.

Методика

Методологической основой исследования послужили современные подходы к изучению политических институтов, процессов и технологий, применяемых в сфере государственного регулирования миграции в Российской Федерации. В работе использован структурно-функциональный анализ, позволивший определить место и функциональную нагрузку Реестра контролируемых лиц в системе институтов миграционного контроля. Применён институциональный подход, обеспечивший выявление взаимодействия государственных органов, работодателей и иных субъектов в рамках реализации миграционной политики.

Дополнительно проведён институциональный и системный анализ, позволивший рассмотреть миграционное законодательство не только как совокупность правовых норм, но и как элемент политико-административного управления. Это обеспечило возможность оценить эффективность использования Реестра контролируемых лиц в контексте политико-правового регулирования трудовой миграции и его влияния на функционирование государственных институтов и управленческих технологий.

Результаты

В соответствии с Федеральным законом от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 05.02.2025 введён новый миграционный режим высылки, применяемый в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации без законных оснований для пребывания (проживания). Указанная категория лиц получила наименование «контролируемые лица» и подлежит обязательному включению в специальный реестр [4]. Введение данного механизма знаменует собой новый этап в развитии правовой базы и институциональных практик миграционной политики. Реестр становится инструментом, позволяющим государству не только фиксировать правовой статус конкретных иностранных граждан, но и выстраивать более системный контроль за миграционными потоками в целом. Его функционирование отражает тенденцию к технологизации государственного управления, когда традиционные административные методы дополняются цифровыми формами мониторинга и межведомственного взаимодействия. Такая трансформация указывает на переход к более комплексной модели регулирования, где важную роль играют интеграция информационных ресурсов, координация институтов власти и формирование единого механизма принятия управленческих решений в сфере миграции.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2024 № 1899 «О реестре контро-

лируемых лиц» [1] доступ к сведениям Реестра предоставляется не только органам государственной власти, но также юридическим и физическим лицам, что свидетельствует о расширении круга субъектов, вовлечённых в реализацию миграционной политики. Такой подход отражает переход от исключительно административных форм регулирования к использованию комплексных политико-правовых и управленческих технологий, основанных на взаимодействии государства, бизнеса и общества.

Включение механизма Реестра в систему государственного регулирования миграционных процессов можно рассматривать как проявление институционализации контроля над миграцией, направленной на повышение прозрачности, снижение рисков нелегальной занятости и укрепление политико-административных механизмов обеспечения безопасности [4, с. 66]. Такой шаг свидетельствует о переходе российской миграционной политики на новый уровень, где управление миграцией перестаёт быть исключительно сферой правоохранительной деятельности и приобретает более комплексный характер. Реестр встраивается в архитектуру политических институтов, формируя устойчивые каналы взаимодействия между государственными органами, работодателями и гражданским обществом. Его функционирование способствует не только профилактике нарушений миграционного режима, но и развитию технологий цифрового администрирования, позволяющих объединять данные из разных источников и использовать их для выработки стратегических решений.

Действующее законодательство Российской Федерации не возлагает на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей обязанность пользоваться Реестром ни при трудоустройстве иностранных граждан, ни в процессе осуществления ими трудовой деятельности. Согласно сообщению МВД России от 4 февраля 2025 г. «МВД России разъясняет порядок формирования и функционирования реестра контролируемых лиц» (содержится в сети Интернет в открытом доступе), «с 5 февраля 2025 года граждане и юридические лица (в том числе работодатели) могут, но не обязаны проверить наличие

сведений об иностранном гражданине в реестре». Таким образом, государство оставляет за работодателями лишь возможность проверки, не превращая её в обязательный элемент кадровой политики, что свидетельствует о неполной институционализации данного инструмента. Обязанность проверки сведений возлагается преимущественно на государственные организации и кредитные учреждения, что демонстрирует смещение центра тяжести контроля в пользу государственных структур.

Перечень случаев, при наступлении которых сведения об иностранном гражданине подлежат внесению в Реестр, является закрытым (исчерпывающим) и закреплён в п. 2 ст. 31.2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Это позволяет определить «группу риска» среди иностранных граждан и фактически формирует особый правовой статус для лиц, наиболее уязвимых к включению в Реестр. Данный подход имеет не только юридическое, но и политико-административное значение, так как формирует основания для дифференциации мигрантов в системе государственного регулирования [6, с. 77].

Действующее законодательство не предусматривает возложения на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей функций по выявлению и доставлению иностранных граждан, сведения о которых содержатся в Реестре, в органы внутренних дел или уполномоченные организации. Однако направление органами власти регионального уровня информации с требованием фактического выполнения таких функций демонстрирует институциональную перегрузку уполномоченных органов. Это указывает на ограниченность ресурсов государства и тенденцию к «размыванию» управленческих обязанностей, что является важным индикатором эффективности действующих политико-административных технологий.

В законодательстве отсутствуют меры ответственности в отношении работодателей в случае выявления у них иностранных граждан, сведения о которых содержатся в Реестре, при условии наличия у последних действительных документов, подтверждающих законность их пребывания в России.

Такая неопределённость ослабляет превентивный эффект механизма и снижает уровень доверия к нему как инструменту миграционной политики.

В то же время законодательством установлена административная ответственность за оказание услуг иностранным гражданам, не имеющим законных оснований для пребывания в России, а также иностранцам, включённым в Реестр, если речь идёт о предоставлении запрещённых или ограниченных услуг. Перечень таких услуг, установленный Федеральным законом № 260, охватывает широкий спектр социальных и экономических сфер — от допуска к экзаменам на управление транспортными средствами до заключения брака и приобретения недвижимости. Это демонстрирует тенденцию к использованию Реестра не только как механизма контроля в миграционной политике, но и как инструмента ограничения доступа к ключевым социальным институтам.

Использование Реестра представляется целесообразным в ряде практических ситуаций (например, при трудоустройстве граждан стран ЕАЭС, заселении в гостиницы, оказании транспортных услуг). Однако расширение практики его применения без изменения законодательной базы может привести к произвольной интерпретации норм и снижению их эффективности.

Целесообразным использование Реестра представляется:

- при трудоустройстве граждан Армении, Казахстана и Киргизии в случае отсутствия возможности проверки их соответствия статусу трудящегося государства-члена в соответствии с положениями Договора о ЕАЭС (когда соискатель предъявляет удостоверение личности или ID-карту, что не позволяет использовать дата-штампы о выезде в РФ и въезде в РФ для подтверждения соблюдения им принципа «90 из календарного года», или когда отсутствует возможность проанализировать сведения о его трудовой деятельности на предмет соблюдения 15-дневного срока, отведённого Договором о ЕАЭС на смену работодателя в случае преемственности

- трудовых отношений в период пребывания в Российской Федерации);
- при заселении в гостиницу или организацию, оказывающую гостиничные услуги, иностранных граждан, не имеющих однозначного подтверждения законности нахождения в России;
- при оказании услуг по перевозке пассажиров (авиа, ж/д, автобусное сообщение — везде, где для оказания услуги требуется предъявление удостоверяющего личность документа).

Вывод

Проведённый анализ позволяет заключить, что Реестр контролируемых лиц, несмотря на ограниченность его правоприменительной практики на текущем этапе, обладает значительным потенциалом как инструмент модернизации системы государственного управления миграционными процессами. Его функционирование отражает тенденцию к технологизации контроля, когда классические административные меры дополняются цифровыми решениями, обеспечивающими прозрачность и оперативность обмена информацией между государственными органами, работодателями и институтами гражданского общества.

Включение Реестра в правовую систему позволяет не только упорядочить процедуры выдворения иностранных граждан, нарушающих миграционный режим, но и формирует предпосылки для построения единого цифрового пространства миграционного контроля. В перспективе это может способствовать укреплению доверия к государственным институтам, снижению уровня нелегальной занятости и повышению эффективности реализации миграционной политики.

Особое значение имеет и международный контекст, развитие подобных механизмов соответствует общемировым тенденциям цифровизации миграционного администрирования и может быть использовано для гармонизации российского законодательства с практиками ведущих стран. Вместе с тем успешность применения Реестра напрямую зависит от устранения законодательных пробелов, уточнения обя-

занностей работодателей и создания чётких механизмов юридической ответственности.

Таким образом, Реестр контролируемых лиц следует рассматривать как динамичный институт, требующий дальнейшего нормативного и организационного развития. Его совершенствование способно повысить устойчивость политико-административных технологий и придать российской миграционной политике более системный и предсказуемый характер.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2024 г. № 1899 «О реестре контролируемых лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 30 декабря 2024 г. — № 53 (часть I). — Ст. 8720.
1. *Гришковец А.А.* Новый этап государственного управления в сфере миграции / *А.А. Гришковец, С.И. Савина* // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2025. — № 2(74). — С. 67–76.
2. *Зорин В.Ю.* Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. — Т. 9. — № 3(39). — С. 40–50.
3. *Малиновский О.Н.* Общественный контроль за трудовыми мигрантами в России: к постановке проблемы / *О.Н. Малиновский, В.В. Гончаров, Е.Г. Петренко* // Национальная безопасность / *Nota Bene*. — 2024. — № 4. — С. 61–72.
4. *Новопавловская Е.Е.* Реформирование миграционного законодательства и практика конституционного судопроизводства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. — 2025. — № 2. — С. 29–35.
5. *Пичугин Д.Г.* Совершенствование процедур принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённых из-под стражи в зале суда // Военное право. — 2022. — № 3(73). — С. 69–79.
6. *Шилина А.В.* Совершенствование реестра контролируемых лиц в Российской Федерации (на примере Красноярского края) // Молодежь и системная модернизация страны. — 2025. — С. 409–411.

А.П. Глебов

кандидат исторических наук,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ ЮГА РОССИИ
КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ СТРАНЫ В ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО****A.P. Glebov**

PhD of Historical Sciences,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

apg65@mail.ru

**MARITIME TRADE IN THE SOUTH OF RUSSIA
AS A FACTOR OF THE COUNTRY'S INTEGRATION INTO THE EURASIAN SPACE**

Аннотация. В статье рассматривается роль морской торговли через южные порты России как геополитического инструмента интеграции страны в евразийское пространство. В отличие от традиционных экономических подходов, акцент сделан на стратегическом значении транспортных коридоров в условиях полицентричного мироустройства и обострения глобальной конкуренции. Анализируется геополитическая функция портов Азово-Черноморского и Каспийского бассейнов, прежде всего Махачкалы и Астрахани как узлов проекции российского влияния в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Каспийском регионе. Особое внимание уделено транспортному коридору «Север-Юг», который рассматривается не столько как логистический проект, сколько как элемент стратегии обеспечения транзитной автономии и противодействия санкционному давлению. На основе геополитического анализа показано, как контроль над южными морскими коммуникациями позволяет России укреплять позиции в евразийской архитектуре и формировать альтернативные западным центрам силы. В работе использованы методы системного и сравнительно-исторического анализа, а также геополитического моделирования. Приведены данные о современных грузопотоках и планах развития инфраструктуры до 2027 года. В статье подчеркивается, что развитие портовой инфраструктуры должно рассматриваться в рамках комплексной внешнеполитической стратегии, а не только как задача мировой экономики.

Ключевые слова: геополитика, южные порты России, Каспийский регион, транспортные коридоры, евразийская интеграция.

Abstract. The article examines the role of maritime trade through Russia's southern ports as a geopolitical tool for the country's integration into the Eurasian space. Unlike traditional economic approaches, the focus is on the strategic significance of transport corridors in a polycentric world order and intensifying global competition. The geopolitical function of the Azov-Black Sea and Caspian basins' ports, primarily Makhachkala and Astrakhan, is analyzed as nodes for projecting Russian influence in Central Asia, the Middle East, and the Caspian region. Special attention is given to the North-South transport corridor, viewed not so much as a logistical project but as an element of a strategy for ensuring transit autonomy and countering sanctions pressure. Based on geopolitical analysis, it is shown how control over southern maritime communications allows Russia to strengthen its positions in the Eurasian architecture and form alternatives to Western power centers. The work employs methods of systemic and comparative-historical analysis, as well as geopolitical modeling. Data on current cargo flows and infrastructure development plans until 2027 are presented. The article emphasizes that the development of port infrastructure should be considered within the framework of a comprehensive foreign policy strategy, not solely as a task of the global economy.

Key words: geopolitics, southern ports of Russia, the Caspian region, transport corridors, Eurasian integration.

В условиях формирования полицентричного мироустройства и обострения

стратегической конкуренции за контроль над транзитными коридорами Евразии осо-

бую значимость приобретают геополитические аспекты транспортной инфраструктуры. Юг России, обладающий выходом к Чёрному и Каспийскому морям, представляет собой ключевой узел евразийской транспортной архитектуры. Цель данной статьи — проанализировать, как морская торговля через южные порты РФ влияет на геополитическую позицию страны в контексте интеграции в евразийское пространство. Основное внимание уделено роли портов как инструментов проекции российского влияния и противодействия внешним вызовам, особенно в Каспийском регионе.

Материал и методика исследования

В работе использованы методы сравнительно-исторического анализа, системного подхода и геополитического моделирования. Источниковую базу составили научные публикации по международным отношениям и геополитике (включая труды З. Бжезинского и В.В. Жириновского), официальные документы по транспортной политике РФ, а также аналитические материалы по развитию международных транспортных коридоров. В качестве временных рамок исследования выбран период с конца XVIII века по настоящее время, с акцентом на современные геополитические процессы.

Первостепенное значение для межгосударственного взаимодействия имеют транспортные пути, по которым перемещаются не только пассажиропотоки, но и мирные, и военные грузы. Говоря о значении южных морских портов России, нельзя обойти вниманием и вопрос взаимосвязи их развития с развитием железных дорог, по которым к портам подвозятся разнообразные грузы, а импортируемые грузы отправляются вглубь страны. Таким образом, «связь определяет следование процессов, т.е. что выход некоторого процесса является входом определённого процесса» [9, с. 62]. Различные транспортные коммуникации являются элементами единой системы, в которой транспортные связи соединяют территории, страны, ареалы хозяйствен-

ной, политической, социальной деятельности и в значительной мере определяют способности действия названных элементов.

Транспортные коммуникации являются некой функциональной схемой, части которой решают общие задачи. Каждому элементу схемы соответствует определённое соотношение. Например, морские порты непосредственно связаны с железными и грунтовыми дорогами. Инфраструктура портов и большой тоннаж судов требуют соответствующей сухопутной системы коммуникаций, и наоборот. В противном случае слабое развитие сухопутных путей будет сдерживать работу морского сегмента, а неудовлетворительное состояние портовой инфраструктуры сведёт на нет любое совершенство сухопутных транспортных связей. То же относится и к речным коммуникациям. Исходя из этого, при формировании системы транспортных путей всегда должна иметься в виду её конфигурация.

Структурная схема транспортных коммуникаций включает конечные пункты товарных и иных терминалов — морские и речные порты, железнодорожные станции и вокзалы, склады для хранения товаров и пр. Структурная схема в технической теории — это упрощённое, но точное теоретическое представление реальной технической системы, отражающее её устройство и способ функционирования [10, с. 240], что справедливо и для транспортных связей.

Изменяющиеся отношения (политические, экономические и др.) между различными регионами изменяют и саму систему транспортных связей между ними. Поэтому победа или поражение в войне, заключение мирного договора, вступление одной из стран в какой-либо политический или экономический союз тотчас отражаются на принципах формирования и эксплуатации конкретных транспортных путей; возникают новые возможности для достижения конкретных целей посредством транспортных связей: обеспечение военной безопасности страны (строительство военных железных дорог и морских портов), а также развитие экономического взаимодействия с другими регионами.

Роль транспортных связей в жизни страны невозможно рассматривать вне исторического и географического кон-

текстов. Это обстоятельство особенно важно в случае России. Географическое расположение нашей страны не способствовало её тесным контактам с соседями.

В течение многих веков Россия была отрезана от тёплых морей, в бассейнах которых развивались великие цивилизации древности. Практически не имея в течение долгого времени выхода к морям (за исключением Белого), страна не имела возможности участвовать и в экономическом взаимодействии, которое осуществлялось в Балтийском и Средиземном морях, в то время как для европейских и переднеазиатских государств эти моря в течение многих веков служили средством развития собственных экономик и внешнеполитических процессов.

Для европейских государств морские транспортные коммуникации были более значимы, чем для нашей страны. В связи с этим европейские портовые города в распределении грузопотоков Европы начинают играть ключевую роль: Антверпен и Гамбург, Лондон и Роттердам становятся важнейшими транспортными узлами. Одновременно в мире возводятся более мелкие порты. В Северной Америке такую же роль играют Сан-Франциско и Нью-Йорк.

Открытие Суэцкого канала в 1869 году кардинально изменило мировую схему грузопотоков, предоставив Европе невиданные возможности для торговли с Азией и значительно сократив морские пути, в том числе и для России, чьи суда из Одессы в Бомбей больше не должны были обходить Африку [7, с. 154]. Ещё во времена Наполеона французский министр Талейран предрекал, что восстановление пути через Суэц станет роковым для морского господства Англии, подобно тому, как открытие пути вокруг Африки подорвало могущество Венеции и Генуи. Статистика наглядно подтвердила революционность этих изменений: если в 1870 году через канал прошло 486 судов с 436 тыс. тонн грузов, то перед Первой мировой войной этот объём достиг 25,8 млн тонн [7, с. 155–156].

С тех пор как наша страна в конце XVIII века укрепилась в Северном Причерноморье, роль южного направления грузопотоков для России значительно возросла: экономическая роль Одессы, Ростова-на-

Дону, Николаева, Херсона и других городов черноморского побережья была напрямую связана с появлением морского пути в Азию в обход Африки. Правящие круги Российской империи были заинтересованы в развитии и сети железных дорог, способных обеспечить подвоз к южным портам товаров и вывоз в глубинные районы страны грузов, прибывавших в Россию через бассейн Чёрного моря.

Успехи внешней политики России на среднеазиатском направлении в конце 1860-х гг. открыли ей возможность дальнейшего проникновения в Среднюю Азию, в частности на юго-восточное побережье Каспийского моря. Здесь же на берегу залива была основана столица округа г. Красноводск, который стал важной базой для дальнейшего продвижения русских войск в направлении Хивы и земель юго-восточнее Каспийского моря.

Западные державы, благодаря морским коммуникациям, легко выходили на международный рынок и участвовали в мировом разделении труда. Российская империя как континентальная держава объективно замыкалась в себе и потому лишь в малой степени была вовлечена в мировые экономические процессы. В то же время темпы развития российского железнодорожного транспорта не уступали темпам его развития в ведущих странах мира.

Всегоднешнем мире подавляющее большинство стран является участником мировой торговли, а значит, напрямую зависит от транспортных связей и международных отношений [5]. Сегодня развивающееся транспортное взаимодействие России с другими регионами осуществляется, помимо прочего, посредством транспортного коридора «Север-Юг», значительная часть которого пролегает по территории Южного федерального округа и подходит к морским портам юга России.

Дальнейшее развитие морских портов как составной части транспортной инфраструктуры нашей страны является насущной необходимостью, поскольку на южных рубежах государства проходят важные евроазиатские транспортные коридоры.

Учредитель и основатель Университета мировых цивилизаций В.В. Жириновский придавал большое геополитическое значе-

ние продвижению России на юг Евразии. В своей книге «Последний бросок на Юг» он писал: «Мы или должны выйти на берег Индийского океана, или отрезать от себя юг “китайской стеной”. Но в последнем случае ухудшатся наши торговые связи с Ираном и Турцией, с Афганистаном. Это обеднит нас. Мы, видимо, на это не пойдём. Значит, есть только один вариант. Надо совершить эту операцию под кодовым названием “Последний бросок на Юг”... Выход к Индийскому океану — это не захват территорий. Это миротворческая миссия России. Это гарантия от уничтожения для малых народов восточного региона. Это стабилизация положения на Ближнем Востоке: гарантия безопасной торговли, создание новых торговых путей, традиционно пролагавшихся через Россию к выгоде всех торгующих сторон» [3, с. 31, 77].

Распад Советского Союза и экономический кризис ослабили Россию и лишили её многих геополитических преимуществ, что в своей книге «Великая шахматная доска» констатировал американский геополитический стратег Збигнев Бжезинский: «До 1991 года Чёрное море являлось отправной точкой России в плане проекции своей военно-морской мощи на район Средиземноморья. Однако к середине 90-х годов Россия осталась с небольшой береговой полосой Чёрного моря и с неразрешённым спорным вопросом с Украиной о правах на базирование в Крыму остатков советского Черноморского флота <...> До краха Советского Союза Каспийское море фактически являлось российским озером, небольшой южный сектор которого находился на границе с Ираном. С появлением независимого и твёрдо националистического Азербайджана <...> Россия стала только одним из пяти претендентов на богатства Каспийского моря <...> Независимость Украины также лишила Россию её доминирующего положения на Чёрном море» [1, с. 60].

На сегодняшний день развитие морских портов, особенно в таких ключевых районах, как Чёрное и Каспийское моря, способствует оживлению морской торговли, росту экспортных и импортных грузопотоков России и представляется наиболее эффективным. Но у южных морских пор-

тов есть и другое немаловажное преимущество — они имеют впечатляющие перспективы для возможности переправлять в Центральную Азию и другие регионы мира военные грузы.

На южных рубежах России основные порты относятся к Азово-Черноморскому и Каспийскому бассейнам. В Азово-Черноморском бассейне порты можно разделить на три основные группы. Первая из них — это черноморские незамерзающие порты, способные принимать крупнотоннажные суда (Новороссийск, Туапсе, Кавказ, Тамань и др.). Вторая группа — это мелководные замерзающие порты Азовского моря (Азов, Таганрог, Ейск и др.). В третью группу входят черноморские порты городов-курортов (Севастополь, Ялта, Анапа, Сочи, Геленджик и др.). В связи с тем, что порты двух последних групп находятся в городской черте, они имеют небольшой потенциал для развития.

По официальным данным, в 2018 году через порты Азово-Черноморского бассейна прошла треть всех грузов, следовавших через порты России. В основном это сырая нефть, нефтепродукты и насыпные грузы, 96% которых составило зерно. Сырая нефть отправляется, главным образом, через Новороссийск. Нефтепродукты отгружаются через терминалы Новороссийска — 30,4%, Туапсе — 27,2%, Кавказа — 18,9% и Тамани 13,4%. Около 80% отгружаемого зерна идёт через порты Новороссийска, Кавказа, Ростова-на-Дону и Азова [2].

Ещё одна точка геополитического и экономического соперничества на южных рубежах России — это Каспийский регион. Именно через него пролегает транспортный коридор «Север-Юг», призванный связать страны Европы и Азии.

Коридор имеет несколько участков: через морские порты Каспийского моря (Транскаспийский), через Азербайджан (Западный) и через Казахстан и Туркмению (Восточный участок).

9 ноября 2023 года в Ташкенте состоялся саммит Организации экономического сотрудничества (ОЭС), на котором Россия, Казахстан, Иран и Туркмения разработали совместный план развития транспортного коридора «Север-Юг», по которому к 2027 году запланирован рост пропуск-

ной способности этого маршрута до 15 млн тонн [4].

Подсчитано, что на евроазиатские перевозки грузов в обоих направлениях приходится около 50% грузопотока в мире, а объем возможных транзитных грузоперевозок на Каспии может достичь 35–40 млн в год [8, с. 78].

Район Каспийского моря обладает обширными углеводородными ресурсами и имеет важное геостратегическое значение. По прогнозам российских учёных, в недрах Дагестана содержится более 800 млрд куб. м газа и свыше 500 млн т нефти с конденсатом. При этом доход от каждой переработанной тонны дагестанской нефти составит около 7 долларов, а объём нефти, идущей через международный морской порт Махачкалы, может составить порядка 7 млн тонн [6, с. 74].

По данным Министерства энергетики США, запасы нефти в Каспийском регионе сравнимы с нефтяными запасами Катара или Саудовской Аравии, а запасы природного газа даже превосходят природные газовые резервы Саудовской Аравии [6, с. 70]. Такие богатства делают район Каспийского моря весьма привлекательным для разных стран, а его выгодное геополитическое положение придаёт ему ещё большее значение не только в Евразии, но и в мире. Сложность геополитического положения Каспийского региона — в том, что он в значительной мере зависит от событий в Персидском заливе и в целом на Ближнем Востоке.

Через Турцию Каспийский регион геостратегически связан со Средиземным морем, через Иран — с Индийским океаном, а через юг европейской части России — с Европой. Эти обстоятельства делают бассейн Каспийского моря объектом сосредоточения интересов множества государств — США, Великобритании, Турции, Ирана, Франции, Китая, Пакистана, Саудовской Аравии и Японии. Все перечисленные страны нацелены на сокращение влияния России в этом регионе и, в конечном итоге, на вытеснение её из него. Особую тревогу вызывает заинтересованность в доминировании в этом регионе стран — членов НАТО. В частности, интерес США обусловлен не только обилием местных ресурсов, но и желанием укрепить

своих союзников — Японию и Западную Европу [6, с. 71]. Эти обстоятельства придают российским портам Каспия, в первую очередь Махачкале и Астрахани, особое значение.

Махачкалинский порт является единственным незамерзающим российским портом на Каспийском море. К тому же он расположен на пересечении транспортных путей «Восток-Запад» и «Север-Юг». Администрация Астраханской области также прилагает усилия к развитию участка коридора «Север-Юг» — маршрута Россия-Иран-Армения. Республика Калмыкия привлекает инвестиции для строительства порта Лагань.

Перевозка грузов через территорию Российской Федерации из Европы в Центральную Азию, и в частности в район Персидского залива, крайне выгодна прежде всего европейцам. Германские эксперты подсчитали, и на их данные ссылаются специалисты Фонда Жданова, что товары из Берлина в район Персидского залива из Северного моря вокруг Европы по Средиземному морю и далее через Суэцкий канал идут в пять раз дольше, чем через российский порт Лагань. Во втором случае длительность перевозки составит всего семь суток [6, с. 73].

После многочисленных трудностей, пережитых Россией в XX веке, транспортное хозяйство нашей страны сегодня находится на подъёме. Вместе с тем уникальное географическое положение современной России, занимающей 30% Евразии, даёт возможность нашей стране иметь один из самых высоких транзитных потенциалов в мире. Укрепившаяся созданием Евросоюза Западная Европа и интенсивно развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион заинтересованы в использовании пространств России для своего экономического и культурного взаимодействия.

Принятие в конце 1990-х — начале 2000-х годов ключевых документов, таких как Концепция государственной транспортной политики и Основные направления формирования международных транспортных коридоров, заложило основу для стратегической трансформации России, где создание коридоров «Север-Юг» и «Восток-Запад» рассматривается как

шанс для усиления её влияния в новом полицентричном мире.

«Усиление альтернативных западным векторов российской внешней политики может рассматриваться не только через призму противостояния с Западом как реактивный ответ на санкционную политику и “культуру отмены” со стороны коллективного Запада, но и как важный элемент борьбы за новую конфигурацию мира, новый импульс для усиления интеграционных процессов и проектов в постсоветской Евразии, катализатор развития восточных регионов нашей страны как в сфере логистики и транспортной инфраструктуры, так и в промышленности и социальной сфере» [11, с. 599–600].

Результаты исследования

Анализ показал, что морская торговля через южные порты России приобретает всё более выраженный геополитический характер. В условиях обострения глобальной конкуренции и сокращения возможностей традиционных маршрутов (через Балтику и Северный морской путь) южное направление становится ключевым для обеспечения стратегической устойчивости страны. Транспортный коридор «Север-Юг» рассматривается не как экономический проект, а как элемент геополитической стратегии по формированию альтернативного центра силы в Евразии.

Выводы

Южные морские порты России — не просто элементы транспортной инфраструктуры, это инструменты реализации внешнеполитических и геополитических целей государства. Их развитие напрямую связано с усилением роли России в евразийском пространстве и противодействием попыткам её геостратегического окружения. В условиях полицентричного мира именно контроль над транзитными коридорами на южных рубежах страны может стать основой для устойчивой интеграции в новую архитектуру международных отношений. Дальнейшее развитие портовой инфраструктуры должно рассматриваться в рамках комплексной гео-

политической стратегии, а не только как задача мировой экономики или логистики.

Список литературы

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска / З. Бжезинский. — М.: Международные отношения, 1998. — 256 с. — ISBN 5-7133-0967-3. — URL: <https://clck.ru/3PZxkq> (дата обращения: 05.10.2025).
2. *Буянова Л.Н., Богайчук О.Р.* Развитие южных портов России // Морские порты. — 2019. — № 1(172). — С. 18–21.
3. *Жириновский В.В.* Последний бросок на Юг / В.В. Жириновский. — М.: Издание ЛДПР, 2016. — 80 с. — URL: <https://clck.ru/3PZxCq> (дата обращения: 05.10.2025).
4. *Кондратьев В.* Роль Ирана в МТК «Север-Юг» — геополитическая оценка из Италии // Каспийский вестник. — 18 января 2025 г. — <https://casp-geo.ru/rol-irana-v-mezhdunarodnom-transportnom-koridore-sever-yug-geopoliticheskaya-otsenka-iz-italii/> (дата обращения: 18.01.2025).
5. *Любимцев А.И.* Сущность торговой политики и её роль в системе современных международных экономических отношений // Вопросы студенческой науки. — 2018. — № 2(18), февраль. — С. 114–117.
6. *Мамараев Р.* Роль юга России в Каспийском регионе // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 1. — С. 70–76.
7. *Могилевкин И.М.* Транспорт и коммуникации: прошлое, настоящее и будущее. — М.: Наука, 2005. — 357 с.
8. *Мурадова З.Р., Абакарова А.Б.* Анализ тенденций и особенностей развития морских портов в Российской Федерации // Вестник университета. — 2021. — № 8. — С. 74–80.
9. *Оптнер С.Л.* Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. — М.: Советское радио, 1969. — 257 с.
10. *Стёпин В.С.* Философия науки и техники / В.С. Стёпин, В.Г. Горохов, М.А. Розов // URL: <https://portal.tpu.ru/files/web/osgn/stepin.doc> (дата обращения: 05.10.2025).
11. *Харитонов Н.И., Гуцин А.В.* Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. — 2023. — Т. 6. — № 6. — С. 597–609.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-348-38-43
УДК 321

В.В. Кравченко

доктор философских наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Б.А. Малахов

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕИ КАК ПАРАДИГМА ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

V.V. Kravchenko

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
vickra@mail.ru

B.A. Malakhov

Postgraduate student,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
malakhovbg@yandex.ru

EURASIAN IDEAS AS A PARADIGM OF THE IDENTITY OF THE RUSSIAN CIVILIZATION

Аннотация. В статье рассматриваются евразийские идеи как парадигма идентичности российской цивилизации. Сформировавшись в 1920-е годы в среде русской эмиграции, евразийство предложило радикально иную парадигму осмысления российской государственности, культуры и истории, в конечном счёте — цивилизации. Тем самым евразийцы продвигали идеи существования особого культурно-исторического пространства — Евразии, в центре которого находится Россия, соединяющая в себе элементы как западной, так и восточной традиции, но при этом не сводимая ни к одной из них. Евразийство выступает как синтез философии, геополитики, культурологии и религиозной антропологии и предлагает не просто концепцию идентичности, но и проект новой цивилизации, определявшей уникальный исторический путь России, основанный на осознании своей самобытности, уважении к культурной разности и стремлении к гармонии между солидарными народами, населяющими не только обширное евразийское пространство, но и все континенты мира. Евразийская идея как идея идентичности не ограничивалась философскими размышлениями, а была связана с конкретными политическими задачами, главной из которых было сохранение культурного суверенитета России. Научная новизна статьи определяется рассмотрением идей евразийства в качестве парадигмы не только для трансформации и развития российского государства, но и осмысления Российской цивилизации в целом.

Ключевые слова: евразийство, цивилизация, этнос, идентичность, православие, месторазвитие, многонародное государство, Большая Евразия.

Abstract. The article examines Eurasian ideas as a paradigm of the identity of Russian civilization. Having emerged in the 1920s among Russian emigrants, Eurasianism offered a radically different paradigm for understanding Russian statehood, culture, and history, and ultimately civilization. Thus, the Eurasianists promoted the idea of a special cultural and historical space — Eurasia, with Russia at its center, combining elements of both Western and Eastern traditions, but not reducible to either. Eurasianism acts as a synthesis of philosophy, geopolitics, cultural studies, and religious anthropology, and offers not just a concept of identity, but also a project for a new civilization that would determine Russia's unique historical path, based on an awareness of its own distinctiveness, respect for cultural differences, and a desire for harmony between the solidary peoples inhabiting not only the vast Eurasian space, but all the continents of the world. The Eurasian idea as an idea of identity was not limited to philosophical reflections, but was associated with specific political tasks, the main one of which was the preservation of Russia's cultural sovereignty. The scientific novelty of the article is determined by the consideration of the ideas of Eurasianism as a paradigm not only

for the transformation and development of the Russian state, but also for understanding Russian civilization as a whole.

Key words: eurasianism, civilization, ethnicity, identity, Orthodoxy, place of development, multinational state, Greater Eurasia.

Формирование этнической идентичности — один из ключевых вопросов, определяющих историческое развитие любого государства начиная с XIX века. В России этот процесс традиционно сопровождался поиском ответа на один из фундаментальных вопросов: Россия — это Европа, Азия или нечто иное? В течение многих столетий в российской общественной и философской мысли шел активный поиск собственного места в мировой истории, географии и культуре. Особую роль в этом многосложном интеллектуальном процессе сыграла евразийская идея, ставшая попыткой исследования российской цивилизационной идентичности вне рамок бинарной оппозиции «Запад — Восток».

Цель статьи заключается в исследовании евразийства как самостоятельного взгляда на российскую идентичность, его истоков, эволюции и влияния на современные представления о месте и роли России в мире. При этом в рамках исследования ставятся следующие задачи:

- проанализировать историко-философские основания евразийства;
- раскрыть особенности евразийской модели идентичности;
- оценить значение евразийства для формирования этнополитических и межкультурных взаимоотношений России как уникальной цивилизации.

Степень научной разработанности материалов: историческую базу составляют труды классиков евразийства (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина), работы современных исследователей идентичности и евразийской идеологии, а также документы и материалы, отражающие актуальные дискуссии в области современной политики и цивилизационного самоопределения.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена продолжающимися спорами о поиске Россией собственной модели развития и идентичности в условиях глобальных вызовов и нарас-

тающей конкуренции западных и восточных цивилизационных проектов. В этом контексте евразийские идеи приобретают особое значение как потенциальная основа для формирования целостной и устойчивой идентичности Российской цивилизации.

Основная часть

Российская цивилизация исторически развивалась на перекрестке Европы и Азии, что во многом предопределило её культурную и политическую специфику. С одной стороны, Россия заимствовала христианство и элементы византийского наследия, активно включалась в международные процессы, особенно после петровских реформ, ориентированных на Запад. С другой стороны, многовековое влияние восточных цивилизаций — прежде всего татаро-монгольского и исламского мира — наложило глубокий отпечаток на формы власти, общественные структуры и восприятие мира. Это двойственное положение вызывало у отечественной интеллектуальной элиты постоянный внутренний конфликт: к какому миру принадлежит Россия — к европейскому или восточному, или, быть может, она представляет собой нечто иное, третье?

Наиболее ярко эти поиски проявились в XIX веке, когда российская мысль переживала период интенсивного самоопределения. П.Я. Чаадаев впервые в своих «Философических письмах» обвинил Россию в оторванности от всемирной истории. Он писал: «мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. <...> То, что у других составляет издавна самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение» [17, с. 18].

Это духовное «открытие» Чаадаева об особом пути России, между Западом и Востоком, как известно, породило рас-

кол в российской общественно-политической мысли XIX в. В это время оформилась идеологическая конфронтация между западниками и славянофилами. Западники утверждали, что Россия исторически отстала в развитии от передовых стран Европы и должна ориентироваться на западные образцы, перенимать достижения в области науки, правового устройства и индивидуальных свобод.

Ведущих западников — Т.Н. Грановского, А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина — объединяло стремление модернизировать Россию по европейскому образцу, создать правовое государство и вывести страну из состояния «исторической дремы». Против западников выступили славянофилы, для которых западный путь развития был не просто ошибочным, но и опасным для духовной целостности России. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин и К.С. Аксаков отстаивали идею особого пути, основанного на православии, соборности и крестьянской общине. По их мнению, западная цивилизация исчерпала себя, погрязла в рационализме, индивидуализме и материализме, в то время как Россия, сохранив веру, единство и нравственные основы, могла стать альтернативой Западу. Особую роль в славянофильском мышлении играла идея соборности — духовного единения людей на основе любви и согласия, в отличие от юридического и механического типа объединения, характерного для Европы.

После угасания острой полемики между западниками и славянофилами на рубеже XIX–XX веков российская мысль продолжила поиски идентичности в новых формах. На этом этапе возникло движение «почвенников», представителями которого стали А.Л. Григорьев, К.Н. Леонтьев и, в философско-религиозном плане, Ф.М. Достоевский. Почвенничество стремилось объединить идеи христианства, социальной справедливости и народной традиции. Достоевский впервые употребил термин «русская идея» в «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 г.», отмечая: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей буду-

щей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, всё враждебное в этих идеях найдёт своё применение и дальнейшее развитие в русской народности» [3, с. 52]. Затем в «Дневниках писателя» Достоевский поднимал тему «русской идеи» как духовной миссии России в мире, а в других речах и статьях противопоставлял её бездуховному западному прогрессу [2, с. 52].

К.Н. Леонтьев предупреждал об опасности западного уравнительного либерализма, выступая за иерархию, духовное различие и даже культурный аскетизм. Он предвосхищал некоторые из тем, позднее разработанных евразийцами, особенно в части критики западного универсализма и защиты «органической сложности» традиционных обществ [13, с. 55].

Значительный вклад в подготовку почвы для евразийства внёс Н.Я. Данилевский, чья работа «Россия и Европа» (1869) стала поворотной точкой в формировании цивилизационного подхода. Данилевский выдвинул концепцию «культурно-исторических типов», каждый из которых обладает своей логикой развития, ценностями и судьбой. Он рассматривал Россию и славянский мир как отдельный тип, противоположный Западу и предназначенный для выполнения собственной исторической миссии. Идеи Данилевского заложили основы будущего евразийского мышления, в котором Россия перестаёт быть «отстающей Европой» и становится самостоятельной цивилизацией [11, с. 127].

В русской религиозно-философской традиции, в первую очередь в трудах Вл.С. Соловьёва, исследовалась судьба России в категориях христианского универсализма, идеи всеединства, Богочеловечества и культурной миссии русского народа [9, с. 12].

Философские и религиозно-мистические размышления (о С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др.) о человеке, культуре, государстве и Церкви дополнялись традициями почвенничества, подготовив ин-

теллектуальную основу для появления цельного учения о России как особом культурно-историческом мире [1, с. 67].

Все эти течения — от славянофильства до религиозной философии и геополитических доктрин — стали интеллектуальными предшественниками евразийства. После революции 1917 года и гражданской войны, когда значительная часть русской элиты оказалась в эмиграции, потребность в переосмыслении национальной идентичности обрела новую остроту. В этом контексте в 1920-х годах в эмигрантской среде рождается евразийство — как философская, культурная и политическая реакция на крах Российской империи и одновременный отказ от европоцентричной модели.

Основоположниками евразийской идеи стали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин и Г.В. Флоровский. Они не только продолжили традиции славянофильства и почвенничества, но и предложили новый, целостный взгляд на Россию как ядро особой евразийской цивилизации. Центральное положение было сформулировано так: «Россия представляет собою особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к Западу от неё (Европа), а также к югу и востоку от неё (Азия). Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии» [5, с. 3].

Кроме утверждения о том, что Россия — это не часть Европы или Азии, а самостоятельное культурно-историческое пространство, обладающее собственными законами развития, евразийцы доказывали, что Россия является связующим звеном между народами и культурами Евразии и именно в этом заключается её историческая миссия.

Осмысление России как уникального, самобытного культурно-исторического мира, не сводимого ни к Западу, ни к Востоку, находит своё наиболее полное выражение в евразийской идее, после почти столетних поисков на сакраментальный вопрос: «Кто мы?». Евразийство стало

не просто философским течением, но попыткой заново сформулировать российскую идентичность, освободив её от европейского шаблона и ответив на вызовы современности. Евразийцы предложили целостную структуру, в рамках которой Россия предстает не просто государством, а цивилизацией особого типа, объединяющей множество народов, вероисповеданий, культур. Эта структура не только переосмысливала прошлое, но и предложила путь для будущего — путь, где Россия больше не «догоняет» Европу, но идет своим собственным историческим маршрутом.

В 1920-е годы в интеллектуальных кругах русской эмиграции, в первую очередь в Софии, Берлине и Париже, переживших крушение Российской империи и оказавшихся в изгнании, возникла потребность в глубоком переосмыслении не только политических причин революции, но и духовных, культурных и цивилизационных основ русской истории. Евразийцы, отказавшись от лобового противопоставления России и Европы, выдвинули идею «третьего пути», придав ей форму цивилизационной доктрины.

В статье Николая Трубецкого «Европа и человечество» прозвучала одна из главных идей нового мировоззрения: Европа — не наивысшая точка развития, а лишь одна из многих цивилизаций. Тем самым разрушался стереотип о западной исключительности, а Россия становилась не отстающим регионом, а самостоятельным центром силы. По существу, Трубецкой развивал основные идеи Вл.С. Соловьева — исторического универсализма, всеединства и особой историко-духовной миссии России. Выступив против линейного понимания прогресса, Трубецкой утверждал, что Россия — это «самостоятельный мир, равный Западу», сформировавшийся на основе симбиоза славянского, тюркского, финно-угорского и других элементов. Подробнее о взаимодействии русской культуры с другими, об их взаимном влиянии и развитии Трубецкой писал в отдельных статьях [15; 16]. Полиэтничность рассматривалась всеми евразийцами не как слабость, а как богатство и структурная особенность евразийского типа.

Ключевой категорией евразийства становится понятие «месторазвитие» (введённое П.Н. Савицким), означающее географически и культурно обусловленное поле исторического развития. Россия, будучи уникальным месторазвитием, не может быть понята вне своей географии, климата, ландшафта и этнокультурного состава. Евразийцы утверждали, что именно на территории Евразии — от Дуная до Амура — сложилась уникальная общность народов, объединившихся не столько насильем, сколько историческим процессом совместного существования и сопряжённого развития. Это пространство стало основой для формирования особой надэтнической, соборной идентичности, опирающейся на православную духовность, традиционализм и коллективизм [11, с. 170].

Особое внимание евразийцы уделяли вопросам языка, религии и культуры. Они отвергали представление о русском языке как о «языке колонизаторов», подчеркивая его интегративную роль в формировании евразийской общности.

Православие рассматривалось как одна из важнейших предпосылок духовного развития России, как основа русской гуманитарной культуры. Оно представало не как главенствующая вера, а как духовная основа, способная объединять множество народов в общем нравственно-культурном пространстве. Вместо унификации по европейскому образцу евразийцы предлагали принцип культурного многообразия при духовном единстве — симфонию народов, а не их слияние. При этом евразийцы не связывают православие и русский национальный дух с определенной государственной формой, будь то монархия или республика. Главное, чтобы государство было православным, «многонародным» и возглавлялось правительством, защищающим интересы народов России.

Применение евразийских идей в качестве парадигмы современной Российской цивилизации можно проследить, например, в целом ряде современных исследований [4; 7; 8; 10; 12]. Идеи евразийства успешно развиваются в современной политической мысли и практике, в реальных мощных движениях на мировой

арене международных организаций нового типа — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и объединения Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки (БРИКС) [6, с. 3190].

Выводы

Таким образом, евразийство выступало как синтез философии, геополитики, культурологии и религиозной антропологии. Оно предлагало не просто концепцию идентичности, но и проект новой цивилизации, определявшей уникальный исторический путь России, основанный на осознании своей самобытности, уважении к культурной разности и стремлении к гармонии между солидарными народами, населяющими не только обширное евразийское пространство, но все континенты мира. Евразийская идея как идея идентичности не ограничивалась философскими размышлениями. Она была связана с конкретными политическими задачами — сохранением культурного суверенитета России, критикой марксизма и либерализма, которые активно набирали обороты в начале XX в., поиском форм государственной организации, соответствующих традициям евразийского пространства и современных реалий. При этом евразийцы выступали не за реставрацию дореволюционного порядка, а за создание новой модели, сочетающей авторитарную вертикаль с культурной автономией регионов, традицию с модернизацией, порядок с духовной свободой. Евразийская теория, подчеркивая значение государства, предлагала отказаться от представления об империи как о механическом объединении разнородных земель и народов. Напротив, Россия в этой системе рассматривалась как культурно-соборная общность, в которой взаимодействие этносов не приводит к конфликту, а создает новую, более высокую форму культурной и духовной организации. В этом смысле евразийство продолжает славянофильскую традицию соборности, но расширяет её до масштабов всей Евразии, включая в неё народы Средней Азии, Кавказа, Поволжья и Сибири.

Список литературы

1. *Асеева И.А.* Проблема будущего и судьбы России в русской философии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского госуниверситета. — 2008. — № 317. — С. 65–71.
2. *Горелов А.А.* Ф.М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 50–65.
3. *Достоевский Ф.М.* Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т. — М.: 2005. — Т. 1. 1845–1875. — 480 с.
4. *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». — М.: ЭКСМО; Яуза, 2004. — 512 с.
5. Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника / под ред. П.Н. Савицкого. — Вып. 9. — Париж, 1927. — 102 с.
6. *Золкин А.Л.* Управление миграционной политикой как фактор национальной безопасности / *А.Л. Золкин, С.О. Новосельский, М.Н. Игнатова, А.Е. Терентьева, А.М. Михайлов* // Вопросы политологии. — 2024. — Т. 14. — № 9(109). — С. 3183–3196.
7. *Кравченко В.В.* Евразийский тренд: от русского евразийства к современной концепции Большой Евразии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 8. Материалы VII межд. научно-практической конференции. В 4 ч. — М., 2025. — Ч. 2. — С. 264–267.
8. *Кравченко В.В.* Цивилизационные основания политических трансформаций. — М.: Изд. дом УМЦ, 2025. — 165 с.
9. *Межуев Б.В.* «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьёв считал, что Россия объединит всё человечество? // Соловьёвские исследования. — 2024. — Вып. 1(81). — С. 7–19.
10. *Новосельский С.О., Булавина М.А.* Сущность и особенности функционирования системы социального партнерства в рамках модели корпоративной социальной ответственности // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 2(39). — С. 66–70.
11. *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). — М.: ИФ РАН, 1995. — 262 с.
12. *Попова С.А., Русавская А.В.* Развитие экономики регионов России на основе институциональных финансово-кредитных факторов // Финансовый менеджмент. — 2024. — № 7. — С. 268–276.
13. *Пуцаев Ю.В.* Либерализм как убийца «цветущей сложности»: жизненный мир современного человека в свете идей К.Н. Леонтьева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2022. — № 1. — С. 53–60.
14. *Тимофеев М.С.* Н.Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного российского государства // Вестник Российского университета кооперации. — 2015. — № 3. — С. 125–129.
15. *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Евразийский временник. — Берлин, 1925. — Кн. 4. — С. 66–82.
16. *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. — Берлин, 1925. — Кн. 4. — С. 351–377.
17. *Чаадаев П.Я.* Сочинения. — М.: Правда, 1989. — 656 с.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-348-44-50

УДК 327

А.Н. Кубрак

младший сержант полиции,
Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

И.Ю. Сомова

доктор исторических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

А.П. Аулов

кандидат философских наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

А.А. Тушков

доктор исторических наук, доцент,
Владивостокский государственный университет, Владивосток

ГРУППИРОВКА «АНСАР АЛЛАХ» В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ, СТРАТЕГИЙ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ

A.N. Kubrak

Junior police Sergeant,
The National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation
xartem999@mail.ru

I.Yu. Somova

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
Innaaleftina@mail.ru

A.P. Aulov

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
aulovi@bk.ru

A.A. Tushkov

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Vladivostok State University, Vladivostok
aa_tushkov@mail.ru

THE ANSAR ALLAH GROUP IN THE SYSTEM OF REGIONAL ACTORS IN THE MIDDLE EAST: AN ANALYSIS OF GOALS, STRATEGIES AND EXTERNAL RELATIONS

Аннотация. Статья анализирует историю хуситского движения в Йемене, с его возникновения в 1990-х годах как ответа на социальную и экономическую несправедливость до его превращения в ключевого регионального игрока. В ней рассматриваются военно-политические действия организации «Ансар Аллах», влияние хуситов на политическую и социальную ситуацию в Йемене и на Ближнем Востоке, а также их международные связи, включая сотрудничество с Ираном. В статье указывается, что одним из ключевых аспектов хуситского движения является его идеология, основанная на шиитском исламе и Национальном движении за справедливость, которое стремится решить вопросы социальной справедливости и борьбы с коррупцией. Хуситы, или «Ансар Аллах», изначально представляли зейдитское население Йемена, но их цели со временем расширились и стали включать противостояние иностранному влиянию. С началом гражданской войны в 2014 году они стали активнее захватывать важные территории, что усугубляет гуманитарный кризис и вызывает международное осуждение.

Авторы анализируют роль хуситов в геополитической игре на Ближнем Востоке, в частности их сотрудничество с Ираном, которое обостряет суннитско-шиитские противоречия. Авторы подчеркивают, что хуситы используют местную поддержку для укрепления своих позиций, что создает им стратегическое преимущество.

В статье также обсуждаются будущие направления хуситского движения и его влияние на стабильность региона. Учитывается необходимость анализа международной поддержки и внутренних конфликтов, которые будут определять дальнейшую судьбу хуситов и ситуацию в Йемене.

В статье предлагается экскурс в историю хуситского движения, в котором анализируются его идеологические основы, организационная структура и эволюция стратегии. Кроме того, рассматриваются активные военно-политические действия организации «Ансар Аллах», раскрывается потенциал военного и общественно-политического влияния хуситов в Йемене и на Ближнем Востоке в актуальный исторический период, а также оценивается влияние внешних факторов на динамику хуситского движения. В заключение предлагается анализ перспектив развития ситуации в Йемене с учетом роли хуситов и возможных сценариев будущего.

Ключевые слова: хуситы, зейдиты, прокси-сила, гибридная война, Йемен, Иран.

Abstract. The article analyzes the history of the Houthi movement in Yemen, from its emergence in the 1990^s as a response to social and economic injustice, to its transformation into a key regional ISIS. It examines the military and political actions of the Ansar Allah organization, the influence of the Houthis on the political and social situation in Yemen and the Middle East, as well as their international relations, including cooperation with Iran. The article points out that one of the key aspects of the Houthi movement is its ideology based on Shiite Islam and the National Movement for Justice, which seeks to address issues of social justice and the fight against corruption. The Houthis, or Ansar Allah, initially represented the Zaidi population of Yemen, but their goals expanded over time to include resisting foreign influence. Since the outbreak of the civil war in 2014, they have become more active in seizing important territories, which is exacerbating the humanitarian crisis and causing international condemnation.

The authors analyze the role of the Houthis in the geopolitical game in the Middle East, in particular their cooperation with Iran, which exacerbates Sunni-Shiite contradictions. The authors emphasize that the Houthis use local support to strengthen their positions, which creates a strategic advantage.

The article also discusses the future directions of the Houthi movement and its impact on the stability of the region. It takes into account the need to analyze international support and internal conflicts that will determine the future fate of the Houthis and the situation in Yemen.

The article offers a local insight into the history of the Houthi movement, analyzing its ideological foundations, organizational structure and the evolution of strategy. In addition, the active military and political actions of the Ansar Allah organization are considered, the share of the military and socio-political influence of the Houthis in Yemen and the Middle East in the current historical period is revealed, and the influence of external factors on the dynamics of the Houthi movement is assessed. In conclusion, an analysis of the prospects for the development of the situation in Yemen is proposed, taking into account the role of the Houthis and possible future scenarios.

Key words: Houthis, Zeidites, proxy force, hybrid war, Yemen, Iran.

Хуситское движение, также известное как «Ансар Аллах», зародилось в начале 1990-х годов на севере Йемена, в регионе Саада как религиозно-политическое объединение зейдитов, ветви шиитского ислама. Зейдитская традиция, доминирующая на севере Йемена, имеет уникальные особенности, отличающие её от шиитского ислама, распространённого в Иране и Ираке [3]. Исторически зейдиты имели значительное политическое влияние в Йемене, и вплоть до 1962 года страна находилась под властью зейдитского имамата. Однако после падения имамата и установления Йеменской Арабской Республики (Север-

ный Йемен) зейдиты столкнулись с постепенной маргинализацией и потерей политической значимости [5, с. 104].

Важно рассмотреть основные этапы становления движения. В начале 1990-х годов зейдиты оказались в условиях нарастающей маргинализации. Северные регионы Йемена, населённые преимущественно зейдитами, страдали от бедности, недостатка инфраструктуры и ограниченных образовательных возможностей. В то же время правительство Йемена проводило политику, ориентированную на распространение суннитского ислама, особенно в форме салафизма, что стало вызывать недовольство

среди зейдитов, озабоченных сохранением своей религиозной и культурной идентичности [4].

Следует сказать и о религиозном пробуждении и формировании идеологии. В ответ на социальные и религиозные вызовы начала развиваться идеология хуситского движения, основанная на зейдитской идентичности и стремлении к восстановлению социальной справедливости. Основателем движения стал Хусейн аль-Хути, религиозный и политический лидер, который стремился не только защитить зейдитов, но и противостоять иностранному влиянию в регионе, особенно со стороны Саудовской Аравии и США. Аль-Хути пропагандировал идеи антиимпериализма и выступал против вмешательства внешних акторов в дела Йемена, что привлекло значительное количество сторонников.

Поворотным этапом в эскалация конфликта стал ряд обстоятельств. К 2004 году хуситы окончательно сформировались как политически активное движение, которое начало вооружённую борьбу против центрального правительства, обвиняя его в коррумпированности, предвзятости и пособничестве иностранным державам. Первое вооружённое восстание хуситов под руководством Хусейна аль-Хути было жестоко подавлено, а сам лидер был убит. Однако это не привело к прекращению движения, напротив, гибель аль-Хути стала символом сопротивления и хуситы продолжили свою деятельность под руководством его родственников.

После 2004 года хуситское движение приняло более централизованный и организованный характер, что позволило ему постепенно расширить контроль на севере Йемена. Движение начинает получать поддержку от Ирана, что усилило его военные, социально-организационные и пропагандистские возможности. В 2014 году хуситы захватили столицу Йемена Сану. С тех пор конфликт перешел на общейеменский уровень, а проблема защиты религиозной идентичности переплелась с вопросами социально-экономической справедливости и борьбы с вмешательством иностранных держав (в особенности с богатыми странами Персидского залива — Саудовской Аравией, ОАЭ и др.) [9, с. 97].

В политическом плане это привело к дальнейшей эскалации конфликта, превратив его в форму гибридной войны с элементами прокси-противостояния, где Иран выступает на стороне хуситов, а Саудовская Аравия поддерживает своих ставленников в Йемене, что имело и последствия на международной арене, приведя в настоящее время к конфликту с Израилем, США и Великобританией. События вокруг хуситского движения стали частью более широкой геополитической борьбы за влияние на Ближнем Востоке, где Йемен играет роль стратегического узла, а ракетные обстрелы территории Израиля и кораблей англосаксонских стран обрели характер обыденной реальности и далеки от мирного урегулирования [8, с. 121].

Зарождение хуситского движения отражает сложное переплетение религиозной идентичности, социально-экономической маргинализации и противостояния внешнему вмешательству. Это движение стало важным актором в конфликте, который можно охарактеризовать как гибридную и прокси-войну с участием Ирана и Саудовской Аравии, при этом внутренние противоречия Йемена используются региональными державами для достижения собственных стратегических целей.

Прокси-силы как инструмент геополитического воздействия представляют собой нерегулярные или полурегулярные военные формирования, которые получают поддержку от иностранного государства для выполнения его стратегических задач. В данном контексте «Ансар Аллах» выполняет функцию прокси-союзника Ирана в Йемене, поддерживая иранскую стратегию противодействия саудовскому и западному влиянию на Аравийском полуострове.

Хуситы действуют не только как национальное движение сопротивления, но и как часть иранской региональной сети стран и организаций шиитского блока, направленного на расширение своего влияния в Ливане, Сирии, Ираке. На территориях Палестины, контролируемых Израилем в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан, в настоящее время разгорелся основной вооружённый конфликт Ближнего Востока, в который хуситы вмеша-

лись с помощью современного ракетного вооружения, спроецировав свою военную мощь также на Баб-эль-Мандебский пролив, ключевой для перевозки грузов мирового значения основных экономических держав мира [10, с. 195].

Не следует забывать и о ключевой поддержке со стороны Ирана, преследующего свои стратегические цели в противостоянии с США и проамериканскими странами. Согласно многочисленным данным, Иран поставляет хуситам вооружение, боеприпасы и технологии, такие как беспилотники и баллистические ракеты. Эти ресурсы позволяют хуситам вести активные боевые действия и угрожать безопасности соседних государств, включая Саудовскую Аравию и Объединённые Арабские Эмираты.

Важным аспектом иранской помощи является обучение хуситов тактикам партизанской и асимметричной войны. Хуситы получают поддержку от иранских специалистов, включая Корпус стражей исламской революции (КСИР) и бойцов ливанской «Хезболлы», что позволяет им совершенствовать свои боевые способности и адаптировать методы борьбы к меняющимся условиям ближневосточного конфликта в целом.

Иран оказывает значительное финансовое содействие хуситам, что позволяет им укреплять свои структуры управления и вести эффективную пропагандистскую деятельность. Иран также поддерживает «Ансар Аллах» на международной арене, продвигая их интересы и легитимируя их позицию в медийном и дипломатическом пространстве [2]. Кроме того, в последние месяцы наблюдается рост взаимодействия хуситов с другими странами, включая Россию [6, с. 117]. Сообщается, что Москва проявляет интерес к укреплению связей с хуситами, что отражает общую стратегию поддержки Ирана и его союзников в регионе. Со временем может встать вопрос о расширении гуманитарной, техни-

ческой и экономической помощи населению Северного Йемена, что соответствует традициям поддержки Северного и Южного Йемена со стороны СССР на протяжении всей истории развития Йемена во второй половине XX века¹.

Таким образом, роль движения «Ансар Аллах» в стратегии гибридной войны Ирана состоит в том, что оно превращается в настоящее время в одного из важнейших акторов глобальной политики на Ближнем Востоке с участием ведущих держав мира. Присутствие хуситов в Йемене даёт Ирану стратегическое преимущество, так как Йемен расположен вблизи важного морского пути — Баб-эль-Мандебского пролива, через который проходят ключевые нефтяные маршруты. Благодаря поддержке хуситов Иран может влиять на безопасность этого региона и осуществлять контроль за свободой судоходства, что даёт ему рычаги давления не только на Саудовскую Аравию и ОАЭ, но и на англосаксонские государства².

«Ансар Аллах» действует как гибридная сила, применяя как традиционные, так и нетрадиционные методы борьбы, включая партизанские атаки, ракетные удары и кибератаки. Это позволяет эффективно противостоять более мощным и агрессивным государственным вооружённым силам и защищать собственное население всеми доступными средствами. Использование прокси-сил в виде хуситов позволяет Ирану достигать стратегических целей без прямого военного вмешательства, минимизируя риски для себя и сохраняя возможность отрицать своё участие. Однако сегодня Иран и Израиль столкнулись в прямом вооружённом конфликте, что изменяет и функциональную роль всех прокси-сил в регионе, включая не только «Ансар Аллах», но и движение «Хезболла» в Ливане, и шиитские движения в Ираке и Сирии³.

Недавние действия хуситов на Ближнем Востоке привлекли значительное

¹ Сотрудничество хуситов с Россией: РБК. Россия и хуситы: новый вектор сотрудничества? // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65f66c229a7947c69b9ab0ca> (дата обращения: 30.01.2025).

² Стратегическое значение Йемена и влияние Ирана: Carnegie Politika. Йемен и Россия: новый этап ближневосточного сотрудничества? // URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2024/09/yemen-russia-middle-east-cooperation> (дата обращения: 30.01.2025).

³ Институт стратегического анализа и прогнозирования. Потоки оружия и иностранной помощи в Йемене // URL: <https://www.isap.center/article/34> (дата обращения: 30.01.2025).

внимание международного сообщества, особенно в свете продолжающегося конфликта в Йемене и его влияния на региональную безопасность.

Хуситы активно поддерживают Иран и его союзников в регионе, становясь частью «Оси Сопротивления», в которую также входят такие группы, как ХАМАС и «Хезболла». С октября 2023 года хуситы совершили более 200 атак с использованием дронов и ракет, нацеленных в основном на город Эйлат, расположенный на юге Израиля. Эти операции символизируют не только нарастающее военное присутствие хуситов, но и их способность достигать новых территорий, таких как Средиземное море. В частности, первая успешная атака на израильскую территорию произошла в начале 2024 года, что вызвало значительное беспокойство среди израильских властей несмотря на то, что большинство хуситских ракет были перехвачены.

В ответ на эти угрозы Израиль усилил свои меры по защите, включая удвоение числа операторов радаров и патрулирование воздушного пространства. Кроме того, США и Великобритания начали проводить воздушные удары по позициям хуситов в Йемене, сосредоточив внимание на военных целях, что правительствами обеих стран было охарактеризовано как «необходимая и пропорциональная самооборона». Хуситы также активизировали свои действия в Красном море, совершая атаки на торговые суда и военные корабли, что вызвало международную реакцию. В ответ на это в декабре 2023 года США сформировали международную морскую коалицию, чтобы обеспечить безопасность навигации в регионе. В ее рамках более 20 стран, включая Великобританию, принимают участие в операции «Прцветание стража»⁴.

Эти действия хуситов показывают их растущую роль как прокси-силы Ирана, что усугубляет уже сложную геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. Совершая атаки как на Израиль, так и на международные морские маршруты, хуситы укрепляют свои позиции в качестве ключевого игрока в противостоянии с США и их союзниками, одновременно поднимая уровень опасности в регионе.

На основании последних событий, прогнозов относительно будущих действий хуситов в ближайшей перспективе можно выделить несколько ключевых направлений развития событий. Хуситы продолжают проводить дронные и ракетные атаки на судоходство в Красном море, что они объясняют поддержкой Палестины в свете конфликта с Израилем. Эти операции становятся все более сложными и способны обходить системы обнаружения противника, что говорит о растущих возможностях хуситов⁵.

Это указывает на то, что они, скорее всего, будут продолжать и даже увеличивать свои активные действия в этом регионе, используя современные технологии, возможно даже получая поддержку не только со стороны Ирана [7, с. 2088]. Хуситы продолжают активно координировать свои действия с другими проиранскими группировками. Это может привести к созданию более мощного фронта против США и их союзников в регионе⁶.

Ведущие лидеры хуситов подчеркивают важность стратегического взаимодействия между различными участниками «Оси Сопротивления», включая «Хезболлу» и проиранские формирования в Ираке. Это сотрудничество может углубляться, особенно в контексте ухудшения отношений с США и возможного возобновления застарелых конфликтов в регионе [1]. Ху-

⁴ Радио Свобода. Враг в тысяче километров: хуситы грозят страшной войной Израилю // URL: <https://www.svoboda.org/a/vrag-v-tysyache-kilometrov-husity-grozjat-strashnoi-voinoyu-izrailyu/33262516.html> (дата обращения: 30.01.2025).

⁵ Йеменские хуситы запустили пять противокорабельных ракет в Красном море, сообщает пресс-служба Центрального командования США (CENTCOM) в соцсети X // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6656bae59a79477c18c666e1> (дата обращения: 30.01.2025).

⁶ Повстанцы хуситы заявили, что вместе с проиранской военизированной группировкой «Исламское сопротивление Ирака» нанесли новые удары по израильским объектам // URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/operacziya-ssha-i-soyuznikov-protiv-husitov.html> (дата обращения: 30.01.2025).

ситы, вероятно, будут стремиться к укреплению своей власти внутри Йемена, продолжая конфликты с другими местными фракциями. Это позволит им утвердить свою власть как важного регионального игрока и усилить свои позиции как в местных, так и в международных делах⁷.

Исходя из проведенного анализа, можно сформулировать следующие выводы, определяющие императивную необходимость выработки комплексных рекомендаций для органов государственной власти по реализации политики в отношении группировки «Ансар Аллах» как значимого регионального актора на Ближнем Востоке:

- анализ целей и стратегий группировки демонстрирует ее успешную трансформацию из внутреннего йеменского фактора в дееспособного регионального актора. Признание этой эволюции является основополагающим для формирования адекватной государственной политики, исключающей устаревшие подходы, ориентированные исключительно на внутренние процессы в Йемене;
- подчеркнутая значимость стратегического взаимодействия группировки с другими участниками «Оси Сопротивления» («Хезболла», проиранские формирования в Ираке) свидетельствует о наличии развитой сети внешних связей. В контексте обострения отношений с США и потенциального возобновления региональных конфликтов данное сотрудничество может послужить катализатором для углубления региональной напряженности. Государственная политика должна учитывать этот фактор, прогнозируя и минимизируя риски эскалации, вызванной активизацией таких альянсов;
- интерпретация военного присутствия США как угрозы суверенитету Йемена и акцентирование стремления к национальной автономии

являются ключевыми компонентами идеологии и стратегии группировки. Понимание этой мотивации позволяет выстроить более конструктивные подходы, направленные на деэскалацию и поиск дипломатических решений, основанных на уважении суверенитета;

- оценка поддержки со стороны Ирана как инструмента усиления позиций в йеменском конфликте и противодействия оппонентам указывает на сложную динамику региональных взаимоотношений. Государственная политика должна учитывать многоаспектность иранского влияния, анализируя его воздействие на стабильность региона и определяя адекватные контрмеры или, наоборот, возможности для диалога;
- прогнозирование дальнейших действий группировки требует анализа взаимосвязанного влияния международного сообщества, внутренней политической ситуации в Йемене и региональной геополитической динамики. Государственная политика, основанная на изолированном рассмотрении каждого из этих факторов, будет неэффективной. Необходим интегрированный, динамический подход, учитывающий синергетический эффект всех переменных.

Следовательно, на основании вышеизложенных выводов органы государственной власти должны выработать следующие рекомендации по реализации государственной политики в отношении группировки «Ансар Аллах»:

- разработка многоуровневой стратегии взаимодействия. Учитывая региональный статус группировки «Ансар Аллах» и ее интеграцию в региональные альянсы, необходимо перейти от исключительно локальных подходов к формированию комплексной стратегии, охватывающей как дипломатические, так и,

⁷ Хуситы усилят масштабы ударов по израильским объектам и их координацию с другими проиранскими группировками в случае штурма Рафаха подразделениями ЦАХАЛ, заявили «Известиям» в «Ансар Аллах» // URL: <https://iz.ru/1688461/prokhor-dorenko-marina-kanakina/v-poletreniia-khusity-gotoviatsia-usilit-ataki-v-sluchae-shturma-rafakha> (дата обращения: 30.01.2025).

при необходимости, силовые (оборонные) аспекты;

- усиление аналитических возможностей. Постоянный мониторинг и глубокий анализ внутренней динамики группировки «Ансар Аллах», а также ее внешних связей, включая взаимодействие с Ираном, «Хезболлой» и другими акторами, являются критически важными для своевременной адаптации государственной политики;
- развитие дипломатических каналов. Несмотря на конфронтационную риторику, необходимо поддерживать и развивать дипломатические каналы взаимодействия с группировкой «Ансар Аллах» и ее сторонниками, направленные на деэскалацию конфликта, поиск компромиссов и обеспечение региональной стабильности;
- координация с международными партнерами. Учитывая транснациональный характер угроз и вызовов, связанных с деятельностью группировки «Ансар Аллах», необходимо усилить координацию усилий с ключевыми международными и региональными партнерами, разделяющими схожие цели по обеспечению безопасности и стабильности;
- формирование гибких инструментов реагирования. Государственная политика должна предусматривать наличие разнообразных и гибких инструментов реагирования, позволяющих адекватно отвечать на меняющуюся ситуацию путем санкционного давления, дипломатических инициатив или, в крайних случаях, мер принуждения.

Реализация данных рекомендаций позволит органам государственной власти эффективно управлять рисками и использовать возможности, связанные с присутствием группировки «Ансар Аллах» в системе региональных акторов на Ближнем Востоке, способствуя обеспечению национальной безопасности и укреплению позиций страны на международной арене.

Список литературы

1. *Аулов А.П.* Активизация новых торговых проектов Европейского союза и стран Семерки в Центральной Азии в условиях быстроменяющегося мирового порядка / *А.П. Аулов, И.Ю. Сомова, И.В. Князьков* // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13. — № 6(59). — С. 1363–1373.
2. Вестник Кавказа. Что связывает Иран и хуситов? // URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/cto-svazyvaet-iran-i-husitov.html> (дата обращения: 30.01.2025).
3. *Джафарова Э.Н.* Генезис движения хуситов в Йемене. Выпускная квалификационная работа / НИУ ВШЭ. — 2017. — С. 12.
4. *Жантмиев Д.Р.* «Хуситское» движение в Йемене: генезис и современное состояние // Исламоведение. — 2009. — № 4. — С. 45–52.
5. *Кириченко В.* Йемен: напряженность нарастает // Россия и мусульманский мир. — 2015. — № 12(282). — С. 104–108.
6. *Коренькова Е.К.* История и новые векторы развития российско-иранских отношений: проблемы, вызовы, перспективы / *Е.К. Коренькова, И.Ю. Сомова* // Молодежная дипломатия и новые вызовы времени. Материалы II международной научно-практической конференции: сборник статей. — М., 2024. — С. 116–122.
7. *Тушков А.А.* «Пояс политической нестабильности» Центральной Азии / *А.А. Тушков, Н.Б. Ачкасов, И.Ю. Сомова, Л.А. Алеява* // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13. — № 11(64). — С. 2087–2093.
8. *Федорченко А.В.* Йеменская Республика: преодолевая сепаратистские тенденции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2013. — № 4. — С. 120–135.
9. *Шаринов У.* Йемен — фронтальное столкновение суннитского и шиитского населения и вмешательство внешних сил // Россия и мусульманский мир. — 2017. — № 3(285). — С. 97–104.
10. *Шаринов У.З.* Политический и внутриконфессиональный кризис в Йемене и провокационная роль внешних сил // Труды Института востоковедения РАН. — 2017. — Вып. 4. — С. 189–196.

А.А. Романов

кандидат исторических наук,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**«МИРОВОЙ ПОРЯДОК»:
ПОЧЕМУ ЕГО МОЖНО НАРУШАТЬ****A.A. Romanov**

PhD in Historical Sciences

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

a.a.romanov@uwc-i.ru

**'WORLD ORDER':
WHY IT MIGHT BE VIOLATED**

Аннотация. Ряд западных политиков обвиняет Россию в нарушении существующего мирового порядка. Предлагаемая работа исследует содержание понятия «мировой порядок», принципы его формирования и причины его возможного нарушения. Автор анализирует некоторые определения этого понятия, предложенные рядом российских авторов, приходя к выводу о том, что мировой порядок предпочтительнее рассматривать как фактическое взаимодействие между акторами международных отношений, нежели как совокупность норм и правил. Отмечается, что традиционное представление истории мировых порядков через череду «международных систем» (построенных на основе Вестфальских договоров, итогов конгресса в Вене, в Версале и конференций в Ялте и Потсдаме) не отражает истинного развития международных отношений. Эти «системы» и их нормы были подорваны уже вскоре после их появления, и длительные периоды истории не вписывались в характеристики традиционных систем. Представляется, что описывать историю международных отношений адекватнее через ее разделение на периоды гегемонии отдельных держав, так, как это предлагают Ф. Бродель и Дж. Арриги. С течением времени прежние гегемоны были вытесняемы новыми. Однако чрезмерный акцент этих ученых на экономическом развитии как основе глобальной гегемонии вызывает вопросы; гегемония скорее отражает способность гегемона подчинять другие страны своей власти (иногда через использование вооруженной силы). Соответственно мировой порядок стоит понимать как международный баланс сил, в котором гегемония отдельной страны признаётся большинством других стран. В определенный момент времени некоторые страны становятся достаточно сильными, чтобы бросить вызов существующей гегемонии. Это приводит — рано или поздно — к замене гегемона; новый гегемон формирует свой мировой порядок. Таким образом, смена мировых порядков — естественный исторический процесс. Последние десятилетия могут быть охарактеризованы как время абсолютной гегемонии Соединенных Штатов Америки. Вместе со своими союзниками США сформировали мир в соответствии со своими интересами и идеологическими принципами. Но при этом они злоупотребили своей властью, нарушили международное право и традиционные правила. И потому неудивительно, что некоторые страны, включая Россию, осознали необходимость изменения американского мирового порядка и установления иных условий международного взаимодействия. Россия — как и ряд других стран — не обязана подчиняться нормам американского мирового порядка. И в условиях, когда американская гегемония, несомненно, приходит в упадок, Россия должна занять более активную позицию в новом мировом порядке в полном соответствии с задачами по обеспечению национальной безопасности и национальными интересами.

Ключевые слова: мировой порядок, история международных отношений, глобальная гегемония, американский мировой порядок, Россия в мировой политике.

Abstract. Some Western politicians condemn Russia for violation of the current world order. This study discusses the meaning of the concept 'world order', the principles of its formation and the reasons of its possible violation. The author analyses some definitions of the concept 'world order'

suggested by a number of Russian authors. He draws a conclusion that the best way to understand 'world order' is to consider it as the factual interaction between the actors of the international relations rather than the sum of norms and laws. It is argued that the traditional understanding of the history of the world order as the sequence of 'international systems' (established in Westphalia treaties, on the congress in Vienna, in Versailles, and on the conferences in Yalta and Potsdam) does not reflect the true development of the international relations. These 'systems' and their norms were undermined very soon after their appearances and long periods of the history of international relations did not fit the characteristics of the systems. It seems that the best way to delineate this history is to divide it into the periods of hegemony of different powers, as F. Braudel and G. Arrighi do: in the course of history particular hegemony was replaced by the other. However, the focus of these scholars on the economic development as the foundation of the global hegemony is questionable; hegemony should be better understood as the ability of a hegemon to submit other countries to its power (sometimes by using military forces). Correspondingly the world order should be understood as the international balance of power in which the hegemony of a particular state is recognized by the majority of the actors. However, at a certain moment some countries become strong enough to challenge the existent hegemony. This leads — sooner or later — to the substitute of the hegemon; the new one forms a new world order. Therefore, the change of the world order is a normal historical process. The last decades can be characterized as time of the absolute hegemony of the United States of America. Along with its allies the USA shaped the world according to their interests and ideological principles. But the USA misused its power, broke the international law and traditional rules. It is not then surprising that some countries, including Russia, realized the necessity to change the American world order and to establish different conditions of international interaction. Russia — as well as other countries — is not obliged to obey to the norms of the American world order. And as far as the USA's hegemony is evidently fading today, Russia needs to play an active role in the new world order in full accordance to her national security and interests.

Key words: world order, history of international relations, global hegemony, American world order, Russia in global affairs.

В сентябре 2022 г. президент Франции Э. Макрон, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, обвинил Россию в «разрушении мирового порядка»¹. Вероятно, Макрон ожидал, что подобное обвинение вызовет крайне негативную оценку России со стороны мирового сообщества. Однако любой объективный наблюдатель может задаться рядом вопросов, например: а так ли уж священен «мировой порядок», о котором заботится Макрон? или: почему этот порядок Макрону так дорог? Очевидно, что в период глобальной нестабильности, обострения старых противоречий и появления новых, само понятие «мировой порядок» требует прояснения. И если речь идет об изменении мирового порядка, то важно понять, что это может означать для международных отношений в настоящем и будущем.

«Мировой порядок» — проблема определения

«Мировой порядок» — достаточно популярный термин как в научном, так и политическом дискурсе. При этом его содержание определяется различным образом. Ряд исследователей полагает, что «мировой порядок предполагает участие всего многообразия международных акторов в выработке правил и норм их взаимодействия друг с другом, в принятии решений, касающихся функционирования глобальной международной системы и в этой связи той или иной степени преодоления ее изначальной анархичности» [17, с. 167]. Представляется, однако, что «многообразие акторов» скорее способствует «анархичности», а не ее преодолению: чем больше акторов, тем больше в международных отношениях динамики, неожиданных

¹ См., например, отчет о речи Макрона: «Taking swipe at Russia, Macron says fence sitters need to wake up». — <https://www.reuters.com/world/europe/taking-swipe-russia-macron-says-fence-sitters-need-wake-up-2022-09-20/> (дата обращения: 10.02.2025)/

поворотов, непредсказуемых изменений. Очевидно, что само понятие «порядок» предполагает, что в его рамках должны существовать такие отношения между его участниками, которые обеспечивают относительно стабильный характер этого порядка. Иначе говоря, «миропорядок предполагает <...> высокую четкость структур, связей зависимости и правил» [3, с. 309].

А.В. Фененко определяет мировой порядок как «совокупность правил и норм, определяющих взаимодействие участников системы» [16, с. 9; см. также 14]. Это предполагает, что порядок функционирует, прежде всего, посредством действий, опирающихся на нормы; при этом считается, что нормы не только четко установлены, но и что все участники стремятся их в целом соблюдать. Но такой «порядок» есть скорее теоретическая конструкция, некая идеально-желаемая, но не реальная система взаимодействия. В этом плане более практико-ориентированным представляется мнение П.А. Цыганкова, который утверждает, что мировой порядок — «это определенная организация отношений между политическими акторами, основанная на совместно принятых и соблюдаемых ими принципах и правилах поведения (взаимодействия друг с другом), созданных для этой цели институтах и разделяемых всеми нормами и ценностях» [17, с. 169]. «Организация отношений» — гораздо более гибкая форма определения той системы взаимодействия, которая и делает порядок порядком. Нормы и правила могут считаться фундаментом для выстраивания системы, но действительность определяет фактические отношения, нередко выходящие за границы норм.

Как отмечает Ю.П. Давыдов, мировой порядок — это «состояние системы международных отношений», но «соответствующим образом запрограммированное на ее безопасность, стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества» [5, с. 39].

Другими словами, когда речь идет о «порядке», имеются в виду некие устойчивые принципы взаимоотношений, которым на протяжении определенного (от-

носительно продолжительного) периода готовы следовать международные акторы. Обращает на себя внимание замечание про потребности «самых влиятельных субъектов»; оно, очевидно, подразумевает, что существующий порядок не обязательно поддерживается в интересах всех акторов.

Традиционно историю эволюции мирового порядка рассматривают в рамках описания систем международных отношений, складывавшихся после мирных договоров, заключенных в двух городах Вестфалия (1648 г.), в Вене (1815 г.), в Версале и Вашингтоне (по окончании Первой мировой войны) и после Второй мировой — на основе договоренностей держав-победительниц (система получила название Ялтинско-Потсдамской); в ряде случаев порядок и система используются как взаимозаменяемые термины [см. 15, Введение]. Некоторые отечественные авторы отмечают, что эти системы суть «определенное устойчивое состояние самих межгосударственных отношений в широком международном, прежде всего, европейском масштабе» [8, т. 1, с. 9]. В результате история международных отношений, начиная с XVII в. и вплоть до недавнего времени, представляется в виде последовательной смены систем-порядков.

Однако возникает вопрос: а насколько оправдан такой подход, насколько устойчивыми оставались соответствующие «межгосударственные отношения»? Характеристики каждой системы хорошо известны, и нет нужды их здесь воспроизводить. Гораздо интереснее понять, насколько каждый исторический период, который представляется как период определенной системы, действительно может быть описан через ее основные принципы.

Стоит отметить, что хотя в основе каждой системы лежали некие правила взаимоотношений («нормы»), которые участники должны были соблюдать, сами системы возникали как итоги общеевропейских или мировых войн, в которых победители имели возможность навязывать всем остальным свое видение «порядка». Более того, сами войны, приводившие к смене систем, красноречиво свидетельствовали о том, что принципы ранее существовавшей системы могли игнорировать-

ся и не имели решающего значения, если они противоречили интересам того или иного актора.

Каждая система была результатом договоренностей конкретных стран, находившихся в состоянии определенного соотношения сил. Значительное ослабление одного из участников договоренностей, не говоря уже о появлении новой силы, не принимавшей участия в прежних договоренностях, способствовало постепенному, но бесповоротному размыванию «системы». Выход России на уровень европейской державы в первой четверти XVIII в. и агрессивная политика Пруссии в середине того же столетия положили предел Вестфальской системе, поскольку эти страны не были ею связаны и не считали для себя необходимым ей следовать. Да и Франция, стоявшая у истоков этой системы как победительница в Тридцатилетней войне, не сочла нужным руководствоваться ее принципами, когда появилась возможность получить выгоду от ее нарушения — так, по крайней мере, полагал Наполеон Бонапарт.

«Венскую систему» можно рассматривать как реально функционирующую едва ли дольше, чем до середины XIX в. Приход к власти Наполеона III, стремящегося вернуть Франции доминирующие позиции на континенте, Крымская война 1853–1855 гг., агрессия Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г. — все это превратило в руины хрупкое здание Венской Европы. Но до появления новой «системы» (Версальской) оставалось еще очень много времени. Исследователи признают, что к началу второй половины века Венская система себя исчерпала; некоторые предлагают даже говорить о существовании «Парижской системы», появившейся как итог Парижских соглашений по результатам Крымской войны [см. 15, Введение]. Представляется, однако, что итоги Парижского конгресса имели локальное значение, а Россия объявила об отмене наибо-

лее важного для нее условия уже в октябре 1870 г. При этом Франко-прусская война 1870 г. сформировала новый европейский порядок, новую «систему взаимоотношений», не получившую, однако, какое-либо официальное признание в традиционной истории международных отношений².

Очевидно, что и «Версальская система» прекратила свое существование задолго до Второй мировой войны и, возможно, даже до 1933 г., когда А. Гитлер стал канцлером. Фактически она начала рушиться уже в 1922 г. в Рапалло, при заключении Советско-германского договора. Появились и усилились противоречия между главными архитекторами системы (Британией и Францией), Лига Наций превращалась все более в декоративный орган, Германия открыто или тайно нарушала статьи Версальского договора, а СССР и США вовсе не чувствовали себя связанными путями этой системы.

О судьбе Ялтинско-Потсдамской системы чуть подробнее будет сказано ниже. Однако можно констатировать, что каждая из традиционных «систем» охватывала крайне ограниченный временной отрезок и переставала реально отражать соотношение сил и определять политику различных стран задолго до появления новой «системы». Эти традиционные «системы» служат скорее хронологическими вехами для упорядочения истории международных отношений, но вряд ли являются точным описанием долгих периодов отношений как таковых. Это в большей степени спекулятивные конструкции ретроспективного характера, позволяющие отделить один раздел учебника от другого. Целые десятилетия не вписываются в устоявшиеся представления о принципах той или иной системы, которые чуть ли не изначально были декларациями о намерениях. При этом международный порядок (вначале европейский, а потом и глобальный) как реальные взаимоотношения (а не совокупность уже не действующих норм и правил),

² Любопытно, что член-корреспондент Академии наук СССР А.В. Ефимов в главе, посвященной дипломатии США с конца XVIII в. до доктрины Монро, утверждает, что «доктрина Монро появилась на свет в результате нарушения тогдашней системы государств и возникновения вследствие этого нового соотношения сил». По его мнению, возникновение США и их внешнеполитические шаги «повлекли за собой первый этап нарушения ранее сложившейся международной системы...» [7, т. 1, с. 524].

безусловно, существовал и вне традиционных систем. Представляется, что связывать порядок с историческими конструкциями систем не совсем корректно.

Мировой порядок: несистемный подход

Как уже было отмечено выше, рассматривать историю международных отношений как череду международных систем можно только весьма условно; изначальные принципы этих систем не позволяют описать реально происходившие в Европе и мире процессы, наблюдавшиеся уже буквально через несколько десятилетий после их возникновения. Значительные по продолжительности периоды, причем насыщенные активным взаимодействием государств, не могут быть описаны традиционными представлениями о последовательности систем.

Внимательный исследователь обязательно отметит, что каждая «система», возникшая в результате триумфа одной страны (или группы стран) над другой, разрушалась, прежде всего, потому, что в ее функционирование вдруг вмешивалась неизвестная сила, не учитывавшаяся при составлении первоначального уравнения. После непродолжительного (относительно) периода существования определенного порядка постепенно вызревали новые обстоятельства, не вписывающиеся в этот порядок. И это было естественно, поскольку существовавший до этого порядок выражал интересы только определенных, следуя приведенной выше цитате Давыдова, «самых авторитетных» стран; но рано или поздно им бросали вызов другие страны. Ни один порядок не мог и не может возникнуть как начертанные на небесах скрижали, раз и навсегда устанавливающие правила для всех.

В этой связи обращает на себя внимание название монографии Цыганкова, уже упомянутой выше: «Политическая динамика [!!] современного мира». Чрезмерный акцент на «системе» нередко мешает должным образом оценить изменчивость международных отношений, их постоянное обновление и переформатирование. Ни одна из традиционных международных

систем не существовала в рафинированном виде, поскольку каждая из них возникала как временный компромисс, как уступка, как неизбежное на данный момент «зло». И чернила еще сохли под договорами (Вестфальскими, Венским, Версальским), а их участники уже начинали поиски либо эгоистичного толкования статей договора, либо хитроумного плана их нарушения.

То же можно наблюдать и в отношении Ялтинско-Потсдамской системы — еще задолго до того, как ее внешняя конструкция была потрясена развалом Советского блока в конце 1980-х — начале 1990-х гг. То декларируя непререкаемость авторитета ООН, то накладывая вето на почти единодушные решения членов этой организации, СССР и США как главные архитекторы этой системы злоупотребляли ее принципами как хотели или как могли себе позволить. Как только ситуация предоставляла возможность, великие державы решали свои проблемы, не замечая ограничений, накладываемых существующими нормами. И, более того, — эти нормы никогда не были препятствием и для куда менее сильных стран, также ожидающих нужного момента в динамично меняющемся мире для улучшения своего международного положения. Означает ли это, что в международных отношениях не было порядка?

В свое время А.Д. Богатуров определил мировой порядок как систему отношений, складывающихся «между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом» [2]. Система отношений, как представляется, предполагает, что страны выстраивают взаимодействие с другими странами, исходя из понимания своей выгоды или потребности, вытекающей именно из такого взаимодействия. Каждый занимает место в мировом сообществе в соответствии с балансом своих желаний и возможностей; и каждый стремится улучшить это положение при благоприятной ситуации. Не столько нормы диктуют определенной стране принципы ее взаимоотношений с другими странами, сколько фактически складывающаяся ситуация. Динамика остается, но ограничивается (*не*) возможностями той или иной страны занять определенную позицию в мировом порядке.

Поэтому можно предположить, что более адекватным будет представление истории международных отношений через борьбу вначале за европейскую, а потом и глобальную гегемонию. Ф. Бродель и Дж. Арриги смотрели на историю международных отношений именно как на череду сменяющих друг друга гегемонов [4; 1]. В основу своих теорий они положили экономическую гегемонию, развивавшуюся по трем циклам (производственный, торговый, финансовый). Соответственно, гегемония Испании и городов Северной Италии сменилась гегемонией Голландии, затем Британии и, наконец, США. В этом подходе нормы играют вторичную роль, поскольку они принимаются и используются исключительно в интересах гегемона — для поддержания его гегемонии.

Однако встает вопрос, насколько экономический детерминизм Броделя и Арриги способен объяснить борьбу за политическую гегемонию, которая является решающей в истории международных отношений. Например, Британия никогда не претендовала на гегемонию на европейском континенте; скорее, она стремилась играть там «антигегемонистскую» роль. Британский мировой порядок был ограничен рамками Британской империи, хотя и весьма обширной. Британские успехи в промышленности помогали ей в локальных войнах, но не способствовали превращению ее в решающую силу в европейских делах.

Между тем с 1860-х до 1914 г. очевидным европейским гегемоном была Пруссия/Германия, экономическая позиция которой не вписывается в схему Арриги, но военная мощь которой стала решающим фактором. Европейский порядок того времени определялся искусством политиков Германии привязывать европейские страны к своей гегемонии и (не)желанием этих стран эту гегемонию признавать в зависимости от того, что они считали для себя более выгодным. Почти полвека (с 1871 по 1914 г.) Западная Европа просуществовала без столкновений ведущих держав, что может считаться явным признаком упорядоченных отношений.

После Второй мировой войны в Западном мире бесспорным гегемоном становятся Соединенные Штаты Америки.

Уникальность этого периода истории заключается в том, что примерно на половине земного шара эта гегемония принималась как естественное и должное, даже как необходимое. Амбиции европейских стран потускнели и перестали излучать собственное свечение, превратившись в отражение амбиций США. Однако при этом существовал еще один гегемон, не только не принявший американскую гегемонию, но и активно ей противостоявший, — Советский Союз. СССР имел свою сферу гегемонии, в которой существовали свои нормы и принципы. Именно после Второй мировой войны мировой порядок становится подлинно глобальным, поскольку уже все страны мира вынуждены были выстраивать свою политику в зависимости от их отношений к двум гегемонам. При этом перманентное противостояние гегемонов становилось причиной изменений глобальной системы, что в итоге привело к формированию нового мирового порядка.

В этой связи (и здесь циклы Броделя и Арриги весьма иллюстративны) становятся вполне объяснимыми причины кризисов мировых порядков. Рано или поздно наступает момент, когда отдельные страны бросают вызов существующей гегемонии, поскольку достигнутый ими уровень самооценки (истинной или ложной — вопрос другой) воспринимается ими как несовместимый с их положением в существующей иерархии. И действительно: мировой порядок на протяжении последних 400 лет определялся борьбой гегемона за свою гегемонию. Постепенное ослабление гегемона неизбежно ведет его к отчаянным попыткам «зацепиться» за свое положение, вернуть утрачиваемые позиции, в то время как набирающий силу (прежде всего в самооценке) соперник атакует гегемона со всех сторон. Это рано или поздно приводит к конфликту, который ведет к установлению нового порядка.

Таким образом, мировой порядок можно определить как сложившуюся на определенный момент времени иерархическую систему международных отношений с находящимся во главе этой системы гегемоном (признаваемым таковым большинством акторов), который различными средствами (военными, экономическими,

дипломатическими) свою гегемонию воспроизводит. Но любой порядок не только является описанием существующей реальности в МО; он неизбежно содержит в себе зародыш нового порядка, отражая стремление различных акторов бросить вызов существующей гегемонии.

Современный мировой порядок: основные параметры

События 1989–1991 гг. положили конец дуалистической гегемонии послевоенного периода. Возникла новая ситуация в международных отношениях, которая описывается различными отечественными учеными неодинаково. По мнению А.В. Фененко, нынешний этап международных отношений является продолжением (с определенными модификациями) Ялтинско-Потсдамской системы [16, с. 24–29]. Один из его аргументов в пользу этого тезиса сводится к тому, что Россия, хотя и утратила с 1992 г. статус полноценного соперника США на мировой арене, но сохранила ядерный потенциал, сравнимый с американским, что позволяло ей оставаться реальным полюсом силы.

Представляется, однако, что позиция самостоятельного полюса силы (тем более гегемона) определяется не формальными ресурсами страны (экономическими или даже военными), а её волей к гегемонии, стремлением противодействовать гегемонии других стран. Несмотря на наличие значительного ядерного потенциала, Россия очень долго не проводила самостоятельной внешней политики. Стоит согласиться с мнением Ф.А. Лукьянова, который отмечал, что Россия до середины 2000-х годов мирилась как с данностью с существованием «нового мирового порядка», который Запад установил в начале 1990-х гг. и считал само собой разумеющимся [11, с. 74].

То, что лидеры Запада решили, что настало время «нового мирового порядка»,

стало понятно еще до формального распада СССР. Воспользовавшись ситуацией в Персидском заливе в 1990 г., когда Ирак оккупировал Кувейт, президент США Дж. Буш-старший изложил свое видение нового этапа в международных отношениях в речи перед Конгрессом США³. Обращает на себя внимание, что, провозглашая новый мировой порядок, Буш сразу определяет США как его единственного и незаменимого лидера⁴. И поздний СССР, и обретшая в конце 1991 г. государственную суверенитет Россия были вынуждены согласиться с этим новым положением, поскольку, помимо ядерного арсенала, который был всегда скорее фактором сдерживания, нежели инструментом политики, у страны не было ни сил, ни желания стать альтернативой США. В 1990-е годы в мире господствовал один гегемон, благосклонно поощрявший лояльность и сурово наказывающий неповиновение. Это был искусственно и, говоря откровенно, искусно созданный мировой порядок, в котором свое почетное и безопасное место заняли ближайшие союзники гегемона, прежде всего страны НАТО.

Для поддержания этого порядка гегемон пошел на слом тех норм и правил, которые существовали при дуалистической гегемонии (и во многом определяли Ялтинско-Потсдамскую систему). Целый ряд обязательств, которые США и их союзники взяли на себя в 1970–1980-е годы, были забыты или даже публично отвергнуты. При этом новые «нормы» нередко оказывались односторонними, ориентированными на кабальное подчинение международных акторов интересам гегемона.

В этой связи нельзя не упомянуть речь Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2014 г.; само название темы заседания — «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» — определило

³ С текстом речи можно ознакомиться в отцифрованных американских изданиях того периода, например: The Dallas Morning News. — <https://www.dallasnews.com/opinion/commentary/2017/09/08/the-other-9-11-george-h-w-bush-s-1990-new-world-order-speech/> (дата обращения: 25.08.2025); The Washington Post. — <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/09/12/bush-out-of-these-troubled-times-a-new-world-order/b93b5cf1-e389-4e6a-84b0-85f71bf4c946/> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ «Recent events have surely proven that there is no substitute for American leadership».

и основное содержание выступления Президента России⁵. Основной тезис Президента: Соединенные Штаты в своем стремлении максимально использовать плоды победы в «холодной войне» навязали миру в последние десятилетия новый мировой порядок, который фактически выстроили под себя. Это именно тот порядок, который Э. Макрон считает неприкосновенным.

Однако и логика истории смены гегемонов, и динамика глобальных политических процессов, и появление новых центров силы делают неизбежным замену одного порядка другим. Как в свое время отметил Г. Киссинджер, «международному порядку, не воспринимаемому в качестве справедливого, рано или поздно будет брошен вызов» [9, с. 67]. Соединенные Штаты при выстраивании своего миропорядка не смогли или не посчитали нужным учесть интересы других стран. Поэтому неудивительно, что страны, не являющиеся гегемоном или его ближайшими союзниками, воспринимают данный мировой порядок как несправедливый.

С начала 2000-х годов стало очевидно, что позиция России как младшего партнера в отношениях с коллективным Западом более не устраивала ни руководство страны, ни ее народ. С другой стороны, начался стремительный подъем КНР, превращение Китая в новый экономический центр силы. Эти два фактора стали вызовом американской гегемонии. 30 июня 2005 г. Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтяо приняли «Совместную декларацию Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке»⁶. Лидеры двух стран отметили, что новый мировой порядок уже (!) формируется; тот мировой порядок, который двум странам представляется наиболее справедливым, должен быть свободным от «стремления к монополии и доминированию в международных делах, попыток разделения государств на ведущих и ведомых» (п. 2 Декларации).

Значимость этого момента заключалась не только в том, что две огромные по своей территории страны заявили о намерении выйти из сферы влияния гегемона. Что важнее — у вынужденно зависимых от Запада стран появилась стратегическая альтернатива: возможность переориентироваться на союз с Россией или Китаем.

Эта возможность сразу доказала свою привлекательность. Глобальный Юг запустил новую, вторую волну освободительной борьбы, теперь уже против неокolonизма. В странах Азии, Африки, Латинской Америки заметно усилились антизападные настроения. Центральная Африка, например, стала активно освобождаться от назойливой опеки Франции, взяла курс на союз с Россией. Эта ситуация сегодня крайне болезненно воспринимается, в том числе Э. Макроном⁷. И не случайно в Стратегии национальной безопасности США, одобренной в 2017 г., и Китай, и Россия характеризуются как «ревизионистские державы», ориентированные на пересмотр международного порядка во главе с Соединенными Штатами [6].

В этом и заключается содержание современного мирового политического процесса: объективное разрушение мирового порядка, созданного в 1990-е годы гегемоном и его сателлитами для достижения исключительно их собственных целей. Этот мировой порядок не учитывал интересы ни России, ни Китая, ни тем более других стран. Но именно Россия и Китай сегодня имеют достаточную силу, чтобы претендовать на новую роль в международных отношениях. Как и в начале XVIII в., у России нет никаких причин сковывать свои действия тем порядком, который утверждался, не принимая ее в расчет. Фактически ответственность за разрушение ныне существующего мирового порядка несут его создатели, слишком самонадеянно определившие будущие контуры политической архитектуры планеты исключительно в своих интересах.

⁵ Полный текст речи Президента В.В. Путина размещен на официальном сайте Кремля: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 15.09.2025).

⁶ Полный текст Декларации опубликован на официальном сайте Кремля: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660> (дата обращения: 15.09.2025).

⁷ См., например, <https://www.reuters.com/world/frances-macron-accuses-russia-predatory-influence-africa-2022-11-20/> (дата обращения: 30.08.2025).

Результаты исследования

В своей выше упоминавшейся речи на Генеральной Ассамблее ООН в 2022 г. президент Франции Макрон назвал существующий мировой порядок «единственно возможным». Представленное исследование, конечно, полностью опровергает идею о том, что какой-либо «порядок» может считаться единственно правильным или идеальным. «Мировой порядок» всегда предполагает наличие тех, чьим интересам он соответствует и кого он в целом устраивает, но и тех, кто является его жертвой, кто вынужден на определенном отрезке времени с ним мириться в силу неготовности отстаивать свои интересы. Мировой порядок — это всегда гегемония; но в нем же всегда тлеют угли борьбы против гегемонии. Порядок, о котором говорит Макрон, — это не объективно сложившиеся взаимоотношения, а гегемонистская конструкция во главе с США, в которой Франция греется в лучах силы и славы гегемона. И, конечно, изменение такого порядка ставит под угрозу комфорт Франции. Но это не повод для его сохранения, по крайней мере в глазах нефранцуза. Нет никаких причин держаться за тот порядок, который противоречит интересам значительного количества стран. Нарушение миропорядка, разумеется, ведет на определенных этапах к нарушению стабильности. Но цена стабильности всегда очень конкретная. В дихотомии «порядок-нестабильность» к приверженцам первого относятся, прежде всего, те, кто в свое время извлек выгоду из предыдущей нестабильности. Именно здесь кроется причина смены международных систем. Родившись из нестабильности, они только на время могли обеспечивать порядок — просто потому, что он был выгоден только небольшой группе победителей, которые устанавливали новый миропорядок. Но относительно быстро система начинала рушиться, уступая место новой нестабильности.

Таким образом, можно сказать, что мировой порядок существует в двух измерениях. С одной стороны, есть некое идеальное представление каждой страны о той системе взаимоотношений, в которой эта

страна находилась бы в наилучшем из возможных для себя положений. То есть это тот порядок, к которому конкретная страна стремится и на формирование которого направлена ее внешняя политика. В данном случае успех любой внешней политики определяется искусным сочетанием амбициозности в целеполагании и реалистичности в использовании имеющихся средств, а по сути — в умении верно оценивать свои и чужие силы и в соответствии с этим проводить свою политику. С другой стороны, мировой порядок — это та реальность, от которой любая страна вынуждена отталкиваться для построения того миропорядка, где ее положение значительно усилится. Это фактически существующая система взаимоотношений во главе с гегемоном, со сложившейся привычкой у многих стран подчиняться гегемону, с его явными или потенциальными противниками. Ни одну страну данный порядок не устраивает; даже гегемон, как правило, считает его недостаточно для себя и под себя выстроенным (отсюда, например, перманентная экспансионистская политика США начиная с 1990-х гг. или стремление НАТО расширяться за счет новых членов). Любой мировой порядок носит в себе ростки следующего порядка с новой системой взаимоотношений стран и соотношением их возможностей. На время, на какое-то по историческим меркам мгновенье, страны соблюдают *status quo*, и это позволяет исследователем говорить о «порядке». Но настоящий мировой порядок — это череда порядков, каждый из которых объективно вырастает из предыдущего, готовя условия для последующего.

Другой вопрос, каким образом происходит переход от одного порядка к другому — через локальную или всеобщую войну, через деградацию (экономическую или духовную) гегемона, через стремительное появление нового гегемона, сопротивление которому оказывается бесперспективным. Многое зависит от упорства гегемона, от его ресурсов и резервов, от степени преданности ему его сателлитов. Все страны, наверное, предпочли бы мирный переход от одного порядка к другому, однако такой процесс практически не имеет аналогов в истории, а события XXI в. показывают,

что декларируемый «общественный прогресс» не уменьшил кровожадности народов, находящихся якобы на острие этого прогресса, но использующих все средства, чтобы сохранить свое положение лидеров мирового порядка.

При этом очевидно, что груз гегемонии становится с каждым годом для США все более обременительным, и эта гегемония уже оканчивается естественным образом. Обострение внутривосточной и внутриамериканской борьбы ведет к разрушению образа страны как лидера «свободного мира» у сторонников гегемонии, а противникам гегемонии дает возможность продемонстрировать неуступчивость [12]. Ряд исследователей говорит об «осыпании мирового порядка» [13, с. 59]; другие — о «мировом беспорядке», который сформировался к 2010-м гг. как результат излишне агрессивной политики США [см. 10, с. 19]. Представляется, что именно Россия сегодня должна сыграть роль страны, которая наведет в этом беспорядке порядок.

Список литературы

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. — М.: Территория будущего, 2006. — 472 с.
2. *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // *Международные процессы.* — 2003. — № 1. — С. 6–23.
3. *Богатуров А.Д.* Очерки теории и политического анализа международных отношений / *А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв.* — М.: МОНФ, 2002. — 377 с.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3 «Время мира». — М.: Весь мир, 2007. — 731 с.
5. *Давыдов Ю.П.* Норма против силы: Проблема мирорегулирования. — М.: Наука, 2002. — 287 с.
6. *Ефременко Д.* Двойная ловушка Фукидида: Президентство Дональда Трампа и новая bipolarность // *Россия в глобальной политике.* — 2020. — № 4. — <https://globalaffairs.ru/articles/dvojnaya-lovushka-fukidida/?yclid=larzho5xam60821190> (дата обращения: 01.09.2025).
7. *История дипломатии.* В 6 т. / под ред. В.А. Зорина и др. — М., 1959–1979.
8. *История международных отношений.* В 3 т. / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. — М.: Аспект-пресс, 2022.
9. *Киссинджер Г.* Дипломатия. — М.: Ладомир, 1997. — 848 с.
10. *Лукин А.* Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2016. — Т. 60. — № 1. — С. 17–29.
11. *Лукьянов Ф.А.* Блеск и нищета альянса. Как атлантизм выиграл холодную войну и сделал ее вечной // *Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России* / под ред. А.В. Лукина. — М.: Международные отношения, 2018. — С. 69–91.
12. *Романов А.А.* Глобальная гегемония США: период полураспада // *Вестник Института мировых цивилизаций.* — 2022. — № 4. — С. 62–66.
13. *Сафранчук И.А.* Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав / *И.А. Сафранчук, Ф.А. Лукьянов* // *Полис. Политические исследования.* — 2021. — № 3. — С. 57–76.
14. *Сирота Н.М.* Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* — 2013. — № 3(29): в 2-х ч. — Ч. 2. — С. 177–181.
15. *Системная история международных отношений в 4 т. 1918–1991* / под ред. А.Д. Богатурова. — М.: Московский рабочий, 2000–2003.
16. *Фененко А.В.* Современная история международных отношений: 1991–2022. — М.: Аспект-пресс, 2023. — 500 с.
17. *Цыганков П.А.* Политическая динамика современного мира: Теория и практика. — М.: Изд-во Московского университета, 2017. — 576 с.

А.Е. Арменскийкандидат технических наук, доцент,
ИАЦ «Наука» РАН, Москва**Н.И. Балахонцев**доктор военных наук,
Российский университет транспорта, Москва**С.Э. Кочубей**

академик

Международной общественной академии экологической безопасности и природопользования,
Москва**АЗБУКА ФИНАНСОВОЙ ВАКХАНАЛИИ****A.E. Armensky**PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Science Information Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow**N.I. Balakhontsev**Doctor of Military Sciences,
Russian University of Transport, Moscow**S.E. Kochubey**

Academician

International Public Academy of Environmental Safety and Nature Management,
Moscow**THE ABC OF FINANCIAL ORGY**

Аннотация. Осуществляется оценка односторонности современных денег, утративших качественно-смысловое измерение, что исключает саму возможность их использования в качестве «меры стоимости» и предопределяет несостоятельность системы мирового денежного хозяйства. Приводится непреходящее значение мифологии для понимания мотивов текущей финансовой вакханалии, позволяющего одолеть таковую посредством гармонии при введении меры — [Вт], т.е. восстановления качественно-количественной целостности денежной системы.

Ключевые слова: деньги, мера, вакханалия, мифология, миф, мощь, ценообразование.

Abstract. The authors assess the one-sidedness of modern money, which has lost its qualitative and semantic dimension, which excludes the very possibility of its use as a «measure of value» and predetermines the inadequacy of the system of the world monetary economy. The enduring importance of mythology for understanding the motives of the current financial bacchanalia is given, which makes it possible to overcome it through harmony when introducing a measure — [W], i.e. restoration of the qualitative and quantitative integrity of the monetary system.

Key words: money, measure, bacchanalia, mythology, myth, power, pricing.

Ум дороже денег.

Русская пословица

В своё время известный немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал Карл фон Клаузевиц в своём труде «О войне» (1832) сформулировал *закон непрерывности войны*. Эта мысль в тексте оригинала выглядит следующим образом: «война есть продолжение политики с под-

ключением других средств» (Krieg ist eine Vortsetzung des politischen Verkehrs mit der Einmischung anderer Mittel). Сама же непрерывность обусловлена тем, что всякая вещь (в т.ч. и война) есть единство противоположностей. В самом деле, как наличие севера предполагает наличие юга, так

и видимое просто немислимо без невидимого. При этом заметим, что «*видимое временно, а невидимое вечно*» (2 Кор., 4:18). Здесь же напомним мысль крупнейшего русского мыслителя XX века А.Ф. Лосева (1893–1988) о том, что «время мыслимо только тогда, когда мы, пусть незаметно для себя, оперируем категорией вечности; <...> хотя она, в порядке недомыслия, и может отрицаться как необходимая» [7, с. 271]. И если время есть антитеза смысла, то вечность есть неистощимость жизни смысла.

В свете сказанного уже несложно понять пушкинское замечание о том, что «*односторонность* есть пагуба мысли». В свою очередь Лосев в работе «Вещь и имя» (1929) пишет, что «односторонний «идеализм» и односторонний «материализм» есть **признак вырождающейся** и духовно-обнищавшей культуры» [6, с. 30]. Типичным носителем такой вырождающейся культуры был СССР, исповедовавший односторонний «материализм» и, разумеется, материалистическое толкование истории. На фоне очевидных успехов на материально-техническом поприще на партийном съезде в 1959 году было заявлено, что «*социализм в СССР одержал полную и окончательную победу*». Только этот «буржуазный по природе социализм» [6, с. 85] вполне побуржуазному склонен к рационализации (от *лат. ratio* — счёт, расчёт; разумность) мышления, принимающего в расчёт лишь то, что можно сосчитать. Такое поведение характерно для государственности современного типа с его денежным хозяйством, приучившим людей к *количественному* воззрению на мир. За этим кроется *сведение «качества» к «количеству»*, которое «находит свое наивысшее воплощение и уникальное совершенство в деньгах» (по Георгу Зиммелю). Разумеется, что такая *односторонность* современных «денег», утративших качественно-смысловое измерение и потому именуемых в просторечии *бэблом* (сравни с *англ. bubble* — пузырь, который может оказаться «финансовым» или «ценовым» пузырьём), исключает саму возможность их использования в качестве «меры стоимости». Дело в том, что *мера* есть качественно-количественная целост-

ность. Таким образом, современные «деньги» представляют собой бутафорию или «*пустышку*», которая на языке математики записывается посредством нуля (0, нуль — от *лат. nullus* — никакой, пустой; перен. «ничто»). При таком положении дел пресловутые «курсы» валют представляемы следующим образом:

$$\% = A, \text{ или иначе } A \times 0 = 0.$$

Разумеется, что *A* при этом может быть *любым* числом (5, 25, 30, 50, 150 и т.д.). Понятно и то, что неопределённость с упомянутыми «курсами» служит надёжным средством устрашения и деморализации людей в той непрерывной войне в умах путём обмана, которому потворствует наличие *каши в голове*. Особенно успешно эта «каша» варится при условии вытеснения мышления *пустой болтовнёй*, маскируемой модным словечком «дискурс» (от *лат. discursus* — рассуждение, довод; изначально — беготня, суета, манёвр, круговорот). Лишённое смысла пустословие служит средством *прерывания* «нити мысли», заведомо исключаящего саму возможность мышления. Ведь мышление возможно лишь при условии движения мысли по пространству, «имеющему структуру континуума» (от *лат. continuum* — непрерывный) [4, с. 85]. Примечательно то, что современные информационные технологии, служащие основой современного финансового хозяйства, просто игнорируют коренное различие между континуальным и дискретным (от *лат. discretus* — разделённый, прерывистый), пытаясь свести всё к дискретности.

Итак, измышления на тему современных «денег» просто беспредметны, а беспредметный трёп на эту тему нужен для сокрытия того факта, что денег как таковых просто не существует. Фактически повторяется сюжет знаменитой сказки Ганса Христиана Андерсена (1805–1875) «Новый наряд короля» (1837). Как известно, мошенники, назвавшиеся ткачами, вызвались выткать для нового наряда короля чудесную ткань, невидимую для глупцов. Разумеется, никто из придворных не хотел прослыть глупцом. Не хотят этого и нынешние носители «празднословного и лукавого» языка как бы «денег», слу-

жащего средством искажения реальности и упразднения системы управления государственности.

Уже крушение СССР показало несостоятельность его по-варварски *односторонних* представлений о реальности, привычно полагаемых безусловно правильными, но не выдержавших столкновения с самой реальностью. Оно стало грандиозным знаменем несостоятельности европейской идеи государственности *современного* типа с его по-театральному бутафорским «денежным» хозяйством, отождествляющим в условиях *безвременья* время и деньги. В самом деле, многим памятна чеканная фраза «время — деньги» [2, с. 121] одного из отцов-основателей США Бенджамина Франклина (1706–1790). Речь в ней идёт о *безграничном* потоке «времени-денег» григорианского календаря (1582), возникшего в рамках проекта Нового времени, упразднившего различие между вечностью и бранным существованием [3, с. 136]. Но безграничное неразлично и потому немислимо. Так незаметно происходит погружение в странное состояние *безвременья* — по-франц. *période de tarasme*, т.е. в состоянии маразма (от др.-греч. *μαρασμός* — «истощение», «угасание» жизненных сил). Выходит, что угасание жизненных сил «мира-театра» и нашей страны давно уже носит совсем не случайный характер.

Итак, «современный», поверхностный (т.е. неглубокий и упрощённый) характер мировосприятия, основанный на изначальной подмене целостного мировосприятия *односторонним*, стал определяющим для становления новоевропейской научной (в т.ч. и финансовой) культуры с её акцентом на рациональности и научной точности. Так, известный немецкий физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике (1932) Вернер Гейзенберг (1901–1976) пишет, что «*общей направленностью* новоевропейского естествознания была заранее предопределена одна его характерная черта, позднее нередко подвергавшаяся обсуждению, а именно *упор на количественные показатели*». Стало быть, и «современный» научный подход с его *культотом ratio* полагает реальным лишь то, что счислимо. На деле же, полно-

та реальности простирается за пределы счислимого. Вот и Гейзенберг признаёт, что «выбор целей не может осуществляться внутри естествознания и техники; столь важное решение должно исходить, если мы не хотим блуждать в полных потемках, из понимания *целостного человека* и всей его реальности, а не просто какого-то ее малого отрезка». Далее, говоря о науке, не будем забывать о том, что науку, по словам Гейзенберга, «делают люди». Мотивирует же людей мифология, которая не доказывается и не должна быть доказываемой. В самом деле, всякое доказуемое опирается на недоказуемое и самоочевидное. Словом, всякая *реальная* наука мифологична.

Характеризуя миф как «выдумку» и «вымысел», приверженцы «современного», поверхностного научного подхода не вскрывают сущности мифа, а лишь выражают своё отношение к нему. Убедиться же в том, что миф совсем не выдумка и не вымысел, довольно просто. Для этого достаточно обратить внимание на важнейший символ российской государственности — её официальный герб. Ведь его смысловое ядро составляет «змееборческий» миф, являющий собой истинное утверждение, не нуждающееся в доказательстве. Получается, что этот герб есть своеобразный «щит веры» (Еф., 6:16), а вера, по мысли Лосева, «есть требование максимально развитого ума». Стало быть, миф и воображение имеют аксиологическое (от др.-греч. *ἀξιος* — букв. «ценный») значение, т.е. выражают мир ценностей, пребывающих в сфере алогической свободы духовного выбора. Словом, миф иерархичен (от др.-греч. *ἱεραρχία* — букв. «священный порядок» или «священное устройство») [1, с. 52–53] и аксиоматичен. Вот почему «мифом сознательно или бессознательно руководится всякая мысль» [8, с. 674].

Таким образом, ядро любой культуры (в т.ч. и финансовой) составляет миф, в котором мы имеем дело со смысловым явлением личности, олицетворяющей те начала, которые предопределяют всё последующее и служат *ключом* к пониманию любых культурных явлений. Явное преобладание в современной культуре *количественных* воззрений на мир означает лишь то, что её основу составляет диони-

сийское начало *саморазрушения*. И так, если мифологический Дионис (он же Вакх, Бахус, Либер, Осирис и т.д.) олицетворяет среди прочего идеи разделённости (дискретности) и нецелостности, соотносимые с понятием «количества», то мифологический Аполлон — идеи целостности и непрерывности (континуальности), соотносимые с понятием «качества». Далее, греческому слову *πολλά* (т.е. «количество», «масса» и «множество») противопоставлено др.-греч. *Ἀπόλλων* и лат. *Apollo*, т.е. *само* имя Аполлона, служащее органом самовыявления его личностных свойств, говорит о том, что он есть тот, кто *исключает самую множественность*. При этом бог света Аполлон воспевается эпитетами «световидный», «светлый», «ясный», «освещающий». Ведь наипервейшее условие различения и оформления вещей — свет, который олицетворяет Аполлон, воспеваемый в древнем гимне как «вожде ленный целитель» и «податель жизни» [5, с. 390–393]. Стало быть, *мифо-логическая пара* Аполлона и Диониса олицетворяет собой единораздельную «качественно-количественную целостность», т.е. *меру* — [Вт] — или «исчисленное бытие». Таким образом, *качество* с размерностью мощности — [Вт] — является неизменным в классе открытых, живых систем. Заметим, что ещё в мае 1918 года выдающийся русский учёный-физиолог И.П. Павлов (1849–1936) в публичной лекции «О русском

уме» отмечал то, что «мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом». И его слова всё ещё не утратили своей злободневности.

Согласно А.Ф. Лосеву, «миф есть развёрнутое магическое имя» [5, с. 251], творящее чудеса. В мифе мы имеем дело со смысловым явлением личности, олицетворяющей те или иные мифологические силы, которые и определяют ход жизни. Для пояснения сказанного приведём некоторые примеры. Так, понятие «*вакханалия*» означает крайнюю степень проявления беспорядка. Происходит же это понятие от имени известного по древнегреческой мифологии бога вина и необузданного веселья Вакха (он же «пьяный бог пьяного веселья» Дионис, Бахус, Либер и т.д.). Неизменными участниками финансовой вакханалии оказываются «*безумствующие*» менады (от др.-греч. *μαινάδες* — «безумствующие»), входящие в свиту *бога безумия* Диониса, приносящего людям пьянящее внешнее освобождение. Примечательно то, что Дионис карает *безумием* всякого, *не знающего меры* — по-лат. *impotens*, т.е. становящегося бессильным и немощным. Само собой разумеется, что всякие попытки отвести в дионисийском «мире-театре» *роль* меры стоимости бутылочным «деньгам» оказываются проявлением безумия. Приводимые ниже оценки *реальной* обеспеченности доллара ФРС в РФ и США лишь подтверждают сказанное (табл. 1).

Таблица 1

Оценка динамики реальной обеспеченности доллара ФРС в РФ и США

Годы	2000	2005	2010	2015	2020	2021
Реальная обеспеченность доллара ФРС:						
• в РФ, мВт/\$РФ	1027,3	387,5	209,1	234,1	223,1	206,8
• в США, мВт/\$США	113	98,4	69,9	59,5	50,7	49,1

Столь заметное отсутствие единообразия в уровнях реальной обеспеченности доллара ФРС в указанных странах означает то, что его использование в качестве меры стоимости порождает крайнюю степень беспорядка в сфере ценообразования. Таким примером ценовой вакханалии — неперемного атрибута войны на истощение жизненных сил — могут служить приводимые далее оценки реальных цен

на бензин АИ-95 в РФ и его аналог mid-grade в США (табл. 2).

Мы полагаем, что в подобных случаях комментарии просто излишни. Приведённые оценки позволяют нам сделать вывод об отсутствии какой-либо осмысленной системы ценообразования в РФ. И это ещё одна из сторон непрестанной войны на истощение жизненных сил страны, пребывающей в атмосфере «праздника Безумия»

(по Мишелю Фуко). А язык мощности вполне отчётливо говорит о том, что в этом безумии есть система. Столь абсурдное положение дел возможно лишь при условии верховенства «рептильных» (от *лат.*

reptilis — низменный, ползучий; продажный, угодливый) мотивов поведения, означающих *фальсификацию* подлинной иерархии ценностей в РФ (см. герб). Да-да, мифология мотивирует.

Таблица 2

Оценка динамики реальных цен на бензин АИ-95 в РФ и его аналог mid-grade в США

Годы	2000	2005	2010	2015	2020	2021
Реальная цена бензина:						
• АИ-95 (РФ), мВт/л	332,4	256	187,2	138,7	142,8	133,8
• mid-grade (США), мВт/л	44,2	49,2	55,2	32,1	29,4	30,9

Явным продолжением этой же порочной линии служат усилия по введению в оборот очередной *бутафории* — «цифрового рубля». В этой связи напомним, что слово «цифра» происходит от арабского *sifr* — «пустой, нуль». Выходит, что понятие «цифровизация» есть синоним понятий «обнуление» и «пустословие» и нацелено на примитивизацию и искоренение мышления. Напомним, что вся эта «цифровизация» с её ставкой на дионисийскую дискретность просто игнорирует аполлоническую континуальность, что заведомо исключает саму возможность мышления. Не удивительно, что все идеи подрывной деятельности черпаются из дионисийских культов.

Надо полагать, что совсем не случайно французское слово *crise* означает не только «кризис», но и «приступ веселья», сопровождающего «пьяного бога пьяного веселья» Диониса на «празднике Безумия». Ему сопутствует *переворот* в умах, сопровождаемый характерной для карнавальской культуры переменой местами «верха» и «низа», т.е. верховенством «рептильных» помыслов, которые «из сердца исходят» (Мф., 15:19). Выходит, что утверждения о «рациональности рынка» и рациональности «экономического человека», игнорирующие «логику сердца» (по Паскалю), просто несостоятельны. Суть же логики сердца прекрасно передают пушкинские строки:

...Блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию...

Итак, одолеть финансовую вакханалию позволяет только *гармония*, которую олицетворяет «вожделенный целитель» и бог света Аполлон. Для этого достаточно всего лишь перейти от «празднословного и лукавого» языка как бы «денег» к языку мощности, установив уровень обеспеченности денежной единицы. Например, обеспеченность рубля = 100 мВт/рубль. При этом автоматически снимается проблема «защиты и обеспечения устойчивости рубля», являющаяся основной функцией Центрального банка РФ, а инфляционная проблематика просто исчезает с повестки дня. И для этого совсем не нужны заведомо бесплодные усилия многочисленных представителей финансовой *полунауки*, которую Достоевский в романе «Бесы» (1872) охарактеризовал как «самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны». Как и следовало ожидать, в т.н. «финансовых» проблемах нет ничего финансового, а решение этих проблем немислимо без выхода за пределы «финансового» поля.

В итоге, как водится, возникает вопрос: что же делать? Ответ не только на этот вопрос, но и всю проблематику эпохи Модерна даёт русская икона Чудо Георгия о Змие, безмолвно свидетельствующая о возможности *чудесного нравственного преображения* российской государственности. И то незавидное состояние, в котором пребывает нынешняя РФ, обусловлено фальсификацией подлинной иерархии ценностей, влекущей за собой упорные усилия по опровержению истинности «змееборческого» мифа, хранящего коллективную, сверхличную память о *вечной* шкале ценностей, которая «записана» в сердцах

людей. Разумеется, все её попытки выдавать себя при этом за здоровую исключают саму возможность исцеления. Вот почему нам остаётся лишь повторить давнюю мысль великого математика и литератора Блеза Паскаля (1623–1662), который писал: «Все правила достойного поведения давным-давно известны, остановка за малым — за умением ими пользоваться». И он же заметил, что «всё достоинство человека — в его способности мыслить».

Список литературы

1. *Дионисий Ареопагит*. Корпус сочинений. С приложением толкований преп. Максима Исповедника / пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова. — 2-е изд., испр. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006.
2. *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / пер. с нем. — М.: Айрис-пресс, 2004.
3. *Панченко А.М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. — СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2008.
4. *Паршин А.Н.* Путь. Математика и другие миры. — М.: Добросвет, 2002.
5. *Лосев А.Ф.* Античная мифология с античными комментариями к ней: [энциклопедия олимпийских богов]: собрание первоисточников, статьи и комментарии / предисл. А.А. Тахо-Годи; худож.-оформитель И.В. Осипов. — Харьков: Фолио; М.: Эксмо, 2005.
6. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя. Самое само / А.Ф. Лосев; подг. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; вступ. ст. А.Л. Доброхотова, комм. С.В. Яковлева. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.
7. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. — М.: Академический Проект, 2008.
8. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Махонькова. — М.: Мысль, 1993.

А.Б. Конобеевакандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва**ПРОЕКТНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ****А.В. Konobeeva**PhD in Agricultural Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
a.rjabowa@yandex.ru**PROJECT MANAGEMENT IN THE COMPANY'S ACTIVITIES**

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического обобщения корпоративной системы управления проектами, практического применения проектного метода для ее анализа. Обращается внимание на то, что в компании должны быть определены основные организационные принципы реализации проектов: применение матричных и проектных структур или реализация проектов в рамках существующей линейно-функциональной структуры компании. При принятии решения о внедрении корпоративной системы управления проектами необходимо на первом этапе оценить степень зрелости проектного управления в компании, четко сформулировать цели и ожидания от внедрения, а затем перейти к формированию корпоративного стандарта управления проектами с учетом международных, национальных и отраслевых стандартов, а также специфики деятельности компании и успешного накопленного опыта в области проектного управления. В зависимости от выбранной формы реализации проектов будет меняться степень ответственности и полномочий как менеджера проекта, так и других членов команды проекта. Выделены проблемы, с которыми компании сталкиваются за последние годы, а именно: снижение уровня продаж пекиджированных электростанций в сегменте ПАО «Газпром» (ключевой заказчик), недостаточный рост продаж и низкая рентабельность в рыночном сегменте пекиджированных электростанций, низкая рентабельность комплексных EPC-проектов, неэффективные управленческие процессы, сопротивление изменениям. Реализация типовых проектов нуждается в серьезном улучшении и оптимизации, что крайне важно для обеспечения максимально положительного эффекта в системе проектного менеджмента.

Ключевые слова: проектный менеджмент, проектная деятельность, проектный метод, EPC-проекты, корпоративный стандарт, система менеджмента качества, жизненный цикл, менеджер проекта, команда проекта, сопротивление изменениям, пилотный проект, адаптация.

Abstract. The article presents the results of a theoretical generalization of the corporate project management system, the practical application of the project method for its analysis. Attention is drawn to the fact that the company must define the basic organizational principles for the implementation of projects: the use of matrix and project structures or the implementation of projects within the existing linear functional structure of the company. When deciding to implement a corporate project management system, it is necessary at the first stage to assess the maturity level of project management in the company, clearly formulate the goals and expectations from the implementation, and then move on to the formation of a corporate project management standard taking into account international, national and industry standards, as well as the specifics of the company's activities and successful accumulated experience in the field of project management. Depending on the selected form of project implementation, the degree of responsibility and authority of both the project manager and other members of the project team will change. The problems that companies face over the past 3 years are highlighted, namely: a decrease in sales of pecked power plants in the PJSC Gazprom segment (key customer), insufficient sales growth and low profitability in the market segment of pecked power plants, low profitability of complex EPC projects, ineffective management processes, resistance to changes. The implementation of standard projects needs serious improvement

and optimization, which is extremely important for generating the most positive effect in the project management system.

Key words: project management, project activity, project method, EPC projects, corporate standard, quality management system, life cycle, project manager, project team, resistance to changes, pilot project, adaptation.

Актуальность исследования определяется необходимостью построения оптимальной корпоративной системы управления проектами, снижения затрат на обучение путём использования возможностей самой организации на основе использования существующих в организации корпоративных стандартов (например, системы менеджмента качества) — нормативно-регламентной базы проектной деятельности, которую обычно называют корпоративным стандартом управления проектной деятельностью [8, с. 55].

Цель работы заключается в рассмотрении теоретических и практических аспектов анализа проектного менеджмента и решении следующих задач:

- анализ проектного менеджмента на примере компании из сегмента электрооборудования;
- определение основных организационных принципов реализации проектов в компании, степени ответственности и полномочий как менеджера проекта, так и других членов команды проекта;
- обобщение результатов диагностики ключевых параметров проектного менеджмента исследуемой компании.

* * *

Исторические корни проектной деятельности тесно связаны с именами исследователей Генри Гантта (Henry Gantt, 1861–1919 гг.) и Лютера Гулика (Luther Gulick, 1892–1993 гг.), внесших значительный вклад в развитие концепций, которые позже легли в основу современной проектной деятельности и управления проектами, хотя сами исследователи не использовали данный термин в его нынешней трактовке. Их работы относятся к периоду становления менеджмента как науки [10, с. 123].

Генри Гантт (американский инженер-механик и консультант по менеджменту, ученик Фредерика Тейлора) изобрел

в 1910 году столбчатую диаграмму, используемую для иллюстрации плана-графика проекта и показывающую список задач проекта, даты начала и окончания каждой задачи, длительность реализации задач, зависимости между задачами (хотя в оригинальной форме это было менее выражено, чем в современных версиях) и прогресс в их реализации. Диаграмма Гантта стала одним из первых и до сих пор широко используемых инструментов для планирования, составления расписания и контроля выполнения проектов. Она позволяет менеджерам проектов визуализировать весь объем работ, распределить ресурсы, отслеживать сроки и определять отклонения от графика. Без этого инструмента было бы гораздо сложнее управлять сложными проектами. Работа Гантта была направлена на повышение эффективности производства и управления задачами, что является краеугольным камнем любого проекта [9, с. 87].

Таким образом, Генри Гантт занимался разработкой инструментов для управления тем, что мы сейчас называем «проектной деятельностью». Гантт предоставил конкретный, до сих пор актуальный, инструмент для планирования и контроля — диаграмму.

Лютер Гулик, американский эксперт по государственному управлению и один из ведущих теоретиков классической школы менеджмента, систематизировал управленческие функции, которые должен выполнять любой руководитель, включая менеджера проекта (POSDCORB — 7 ключевых аспектов управления). Его вклад в «проектную деятельность» более опосредован, но не менее важен, поскольку он систематизировал основные функции управления, применимые к любой организации и, следовательно, к проектам [2, с. 1923].

В 1937 году Л. Гулик и Л. Урвик представили акроним POSDCORB для описания семи ключевых функций, которые должен выполнять руководитель:

- Planning (планирование);
- Organizing (организация), т.е. создание формальной структуры власти, через которую работы распределяются и координируются;
- Staffing (кадровое обеспечение) — функция подбора, обучения и поддержания благоприятных условий труда для персонала;
- Directing (руководство) — непрерывное принятие решений и воплощение их в конкретные и общие инструкции, а также лидерство на предприятии;
- Coordinating (координация) — взаимодействие различных частей работы;
- Reporting (отчетность) — информирование вышестоящих органов, подчиненных и самой организации о ходе работы;
- Budgeting (бюджетирование) — все, что связано с финансовым планированием, контролем и учетом.

Работы данных ученых предшествовали формализации «управления проектами» как отдельной дисциплины и заложили основы для её становления.

POSDCORB тесно связаны с проектной деятельностью: каждая из функций является критически важной для успешного управления проектом. Менеджер проекта занимается всеми этими видами деятельности, планирует проект, организует команду, подбирает персонал, руководит им, координирует работу, отчитывается о результатах и управляет бюджетом. Хотя Гулик описывал функции руководителя организации в целом, эти принципы легко переносятся на управление проектом, который, по своей сути, является временной организацией, созданной для достижения конкретной цели [11, с. 205].

В.Н. Фунтов и А.А. Сенько, как и многие другие исследователи в области проектного менеджмента, подчеркивают, что внедрение методологии управления проектами — это не только инвестиция в повышение эффективности, но и процесс, требующий значительных ресурсов [12]. Их рекомендации по снижению расходов при внедрении проектного менеджмента, как методологии системы управления про-

ектами, обычно фокусируются на прагматичном и поэтапном подходе, избегающем излишних затрат и сопротивления персонала.

Хотя конкретные рекомендации могут варьировать в зависимости от контекста выполняемых работ [1, с. 60; 3, с. 33; 5, с. 170; 6, с. 33], можно выделить общие принципы, которые часто предлагаются для снижения затрат:

- постепенное внедрение (фазовый подход) проектной деятельности; вместо попытки внедрить все элементы проектного управления сразу («большой взрыв») предлагается начинать с пилотных проектов или отдельных подразделений, что позволит накапливать опыт и корректировать процессы без больших потерь, избежать крупных единовременных затрат на обучение, ПО и консалтинг, быстро достигать высоких результатов и получать поддержку руководства и сотрудников;
- использование существующих ресурсов и компетенций, таких как корпоративное обучение сотрудников (вместо постоянного привлечения дорогих внешних консультантов для решения всех задач, рекомендуется инвестировать в обучение внутренних тренеров и ключевых специалистов, которые затем смогут распространять знания внутри организации). Следующий ресурс — это адаптация имеющихся инструментов (не всегда требуется покупка дорогостоящего специализированного ПО, часто можно адаптировать уже имеющиеся офисные пакеты, системы документооборота или использовать бесплатные/бюджетные решения для начальных этапов);
- приоритизация и фокусировка на ключевых процессах позволяет внедрять сначала те элементы проектного управления (например, планирование, контроль сроков реализации проектов, управление рисками проектов), которые принесут наибольшую отдачу и имеют наибольшую актуальность для ор-

ганизации, откладывая менее критичные на потом, а также избегать избыточной бюрократии и чрезмерной детализации на начальных этапах;

- стандартизация и унификация, т.е. разработка типовых шаблонов документов (планы, отчеты, уставы проектов), процедур, регламентов, что сокращает время на их создание, уменьшает количество ошибок и упрощает обучение; создание библиотеки типовых решений и лучших практик реализации проектов;
- разумный выбор инструментов. Не всегда самое дорогое и многофункциональное ПО является лучшим решением. Выбор должен основываться на реальных потребностях организации, ее размере и сложности проектов. Часто достаточно бесплатных или бюджетных решений, адаптированных под конкретные нужды;
- управление изменениями и работа с сопротивлением посредством снижения сопротивления сотрудников через информирование, вовлечение и демонстрацию выгод от внедрения проектного управления в организации (неучтенное, скрытое сопротивление может привести к срывам сроков, низкой эффективности и дополнительным затратам на «повторное внедрение» или «корректирующие действия» в проектной деятельности); формирование «чемпионов» изменений внутри организации;
- измерение и анализ эффективности. Регулярная оценка того, как внедренные изменения влияют на затраты и результаты проектов. Это позволяет своевременно корректировать подход и отказываться от неэффективных практик.

В целом, рекомендации Фунтова и Сенько направлены на то, чтобы сделать процесс внедрения проектного менеджмента более экономичным, эффективным и устойчивым, избегая типичных ошибок, связанных с излишними затратами и сопротивлением изменениям [12].

Фундаментом и центром создаваемой корпоративной системы управления проектами является корпоративный стандарт (КС) управления проектной деятельностью.

Методологической основой для разработки КС являются международные, национальные и отраслевые стандарты проектной деятельности. Для создания корпоративного стандарта организации необходимо отобрать те стандарты, на которые компания планирует опираться в организации своей проектной деятельности, однако положения этих стандартов, как правило, носят общий характер, что затрудняет их применение в практике конкретной компании. Задачей организации в этой части становится осуществление перехода от международных, национальных и отраслевых стандартов к корпоративному стандарту с обеспечением требуемого уровня конкретности. Этот переход называют локализацией, суть которой заключается в специализации и детализации.

Специализация — процесс, заключающийся в отборе и включении в корпоративный стандарт только тех положений выбранных стандартов, которые имеют отношение к проектной деятельности именно данной компании и в привязке к ее реалиям.

Детализация — процесс, заключающийся в создании описаний, степень проработанности которых (количество разрабатываемых проектных документов, точность описания действий, выполняемых в ходе управления проектом) позволит качественно выполнять функции управления проектами, опираясь исключительно на созданные описания.

Назначение корпоративного стандарта — обеспечение руководителей проектов описанием технологии управления, которая позволит (при условии следования ей) обеспечить требуемый уровень качества процесса управления проектом, а следовательно, повысить качество создаваемых в проекте результатов и успешность реализации проектов. Корпоративный стандарт управления проектами, разработанный без учёта специфики проектов компании, будет восприниматься как оторванный от реальности и слишком общий [4, с. 45].

Ниже представлена таблица, которая обобщает ключевые требования и области знаний из наиболее известных стандартов: PMBOK Guide (PMI), ISO 21500 и PRINCE2.

Таким образом, при принятии решения о внедрении корпоративной системы управления проектами необходимо на первом этапе оценить степень зрелости

проектного управления в компании, чётко сформулировать цели и ожидания от внедрения КСУП и далее перейти к формированию корпоративного стандарта управления проектами с учётом международных, национальных и отраслевых стандартов, а также специфики деятельности компании и успешного накопленного опыта в области проектного управления.

Таблица 1

Требования стандарта управления проектами

Наименование стандарта	Ключевые требования
PMBOK Guide (Project Management Body of Knowledge)	Свод знаний и процессов, фундаментальный стандарт и всеобъемлющее руководство, разработанное и публикуемое Институтом управления проектами (Project Management Institute, PMI). Традиционно PMBOK организует процессы управления проектами в пять логических групп, которые не являются фазами проекта, а, скорее, наборами действий, которые могут повторяться и накладываться друг на друга на протяжении всего жизненного цикла проекта
ISO 21500/21502	Международный стандарт, разработанный на основе консенсуса экспертов из разных стран и дающий высокоуровневые указания по управлению проектами. ISO 21500/21502 сам по себе не является основой для широко признанных международных сертификаций, в то время как PMBOK Guide является фундаментом для сертификации PMP (Project Management Professional) от PMI
PRINCE2 (Projects In Controlled Environments)	Структурированная методология управления проектами, разработанная правительством Великобритании и широко используемая по всему миру, особенно в Европе, Австралии, а также в государственных и IT-проектах. PRINCE2 фокусируется на четком определении ролей и обязанностей, управлении по этапам (стадиям), управлении по исключениям (management by exception) и постоянном обосновании проекта с точки зрения бизнеса. Высшее руководство (Проектный совет) вмешивается в управление проектом только тогда, когда ключевые показатели (время, стоимость, качество, объем, риск, выгода) выходят за установленные допуски (tolerances)

Рассмотрим сегмент стандартного оборудования в области производства пекиджированных электростанций малой и средней мощности на примере одной из компаний в Санкт-Петербурге. В начале своего развития компания предлагала только инженеринговые услуги, но стремление к лидирующим позициям диктовало необходимость создавать собственные производственные мощности. В результате был образован производственный комплекс, который в настоящее время располагается на арендованной территории более крупного действующего завода. Со временем появилось представительство компании в Москве и сеть разветвлённых сервисных центров [7, с. 137].

Система менеджмента качества компании соответствует требованиям международного стандарта ISO 9001-2015,

национального стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015, а также стандартов ПАО «Газпром» СТО Газпром 9001-2018. Компания внесена в реестр поставщиков ПАО «Газпром», Госкорпорации «Росатом», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Лукойл», ПАО «Транснефть», ПАО «Мосэнерго» и др.

В настоящий момент стратегической целью компании является построение процесса «Управление ЕРС-проектами». Акционер компании видит серьёзные перспективы для роста и развития решений в области малой энергетики, а одним из основных способов повышения эффективности ЕРС — Engineering, Procurement, Construction. 29 комплексных энергетических решений подталкивают к реализации компанией принципов ЕРС — Contracting (инжиниринг, снабжение, строительство;

чаще всего цена всего контракта объявляется Заказчику паушальной суммой, т.е. общей суммой без дифференциации ее составляющих).

Для реализации проектов масштаба ЕРС перед компанией стоит необходимость разработать и внедрить эффективный процесс управления проектами. В связи с поставленной стратегической задачей желанием акционера было выявить основные проблемы, которые препятствуют выходу компании на новый уровень качественного развития, определить пути их решения и разработать рекомендации с целью повышения управляемости ключевыми бизнес-процессами. Руководство исследуемой компании (управляющий директор и управленческая команда) обозначило ряд проблем, с которыми компания сталкивалась в последние 3 года, а именно:

- снижение уровня продаж пекиджированных электростанций в сегменте ПАО «Газпром» (ключевой заказчик);
- недостаточный рост продаж и низкая рентабельность в рыночном сегменте пекиджированных электростанций;
- низкая рентабельность комплексных ЕРС-проектов;
- неэффективные управленческие процессы;
- сопротивление изменениям.

Руководство компании скептически относилось к идее реализации более сложных ЕРС-проектов, учитывая, что реализация даже типовых для компании проектов нуждалась в серьёзном улучшении и оптимизации.

Таким образом, ещё до начала реализации проектов появилась гипотеза о различиях в представлениях относительно текущего положения дел в компании у акционера и руководства компании, в оценке потенциала и перспектив развития. Текущее положение компании, с учётом обозначенной руководством проблемной ситуации, является весьма непростым, ведь достаточные упреждающие меры по компенсации снижения объёмов продаж ключевому клиенту (ПАО «Газпром») предприняты не были. В результате компания постепенно утрачивает клиентоориентированность и не пред-

принимает активных действий по развитию продаж на открытом рынке.

Еще одной проблемой являлась высокая себестоимость выпускаемой продукции, т.к. своевременно не были разработаны стратегии роста замещающих направлений. Руководству и акционерам становилось понятно, что дальше «плыть по течению» уже невозможно — изменения необходимы. И тогда появилась идея с ЕРС-проектами, однако для работы с такого рода проектами необходимы глобальные изменения в самой компании, чёткое ее позиционирование на рынке, улучшение качества продукции и услуг, снижение производственной себестоимости.

Необходимо осуществлять на постоянной основе мониторинг статуса реализации проектов, включая мониторинг целей, показателей, решения задач и достижения результатов, контрольных точек и прочих элементов проектной деятельности; подготавливать аналитические материалы, презентации и периодическую отчетность в рамках мониторинга проектов; участвовать в развитии инструментов мониторинга реализации проектов и проектной деятельности.

Были сформированы модели компетенций остальных сотрудников проектного офиса, а также предложено при подборе сотрудников в проектный офис проводить внутренний конкурс среди сотрудников компании, поскольку данная мера способствует популяризации проектной деятельности и формированию карьеры. На внешний подбор была запланирована должность сотрудника направления методологии и обучения проектной деятельности, поскольку данный специалист должен уметь проводить экспертизы, применимые в методологии проектной работы, применять разные подходы к проектному управлению, иметь компетенции по обучению, оценке и групповому коучингу для эффективного развития проектных команд.

Заключение

Таким образом, для реализации этапов проектного управления необходимо последовательно решить ряд задач, а именно:

- выбрать пилотный проект;
- реализовать пилотный проект по новым требованиям корпоративного стандарта;
- дать оценку реализованному проекту;
- принять решение о дальнейшем внедрении корпоративной системы управления проектами.

Для этого необходимы следующие условия:

- наличие разработанной методологии управления проектами;
- наличие информационной системы управления проектами (ИСУП);
- в качестве пилотного используется проект малого масштаба (малая длительность, стоимость и содержание).

Список литературы

1. Булавина М.А. Зарубежный опыт молодежного предпринимательства в решении социально-экономических проблем / М.А. Булавина, С.А. Попова, С.О. Новосельский // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 3(40). — С. 57–65.
2. Колосова О.А. Роль бренда в региональном менеджменте / О.А. Колосова, А.В. Шлеенко, О.Л. Бегичева, А.Л. Золкин, С.О. Новосельский // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13. — № 10(63). — С. 1921–1933.
3. Конобеева А.Б. Инновационные кадровые технологии как инструмент увеличения рентабельности организации // Маркетинг и логистика. — 2021. — № (34). — С. 30–36. — EDN VILEVV.
4. Конобеева А.Б. Основные проблемы в подборе и отборе персонала организации / А.Б. Конобеева, Ю.А. Тимакина // Маркетинг и логистика. — 2025. — № 2 (58). — С. 39–47.
5. Конобеева А.Б. Проблемы внедрения современных управленческих подходов в практику российских компаний / А.Б. Конобеева, В.А. Прокудин // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2022. — № 2. — С. 164–173. — DOI: 10.52210/2224669X_2022_2_164. — EDN KVVYMLK.
6. Маркова О.В. Актуальные вопросы оценки стоимости бизнеса и перспективы инвестирования в его развитие / О.В. Маркова, А.Б. Конобеева // Маркетинг и логистика. — 2023. — № 5(49). — С. 32–43.
7. Новосельский С.О. Цифровые технологии как инструмент расширения потенциала маркетинговой политики / С.О. Новосельский, О.А. Колосова, А.Л. Золкин // Финансовый менеджмент. — 2024. — № 10. — С. 131–140.
8. Нугайбеков Р.А., Максин Д.Г., Ляшук А.В. Корпоративная система управления проектами: от методологии к практике. — М.: Альпина Паблишер, 2015. — 236 с.
9. Симонова И.Ф. Управление проектами в учреждении культуры: подходы, ценности, технологии: учеб. пособие. — СПб., 2021. — 417 с.
10. Титов В.Н. Теория и история менеджмента: учебник и практикум для академического бакалавриата / В.Н. Титов, Г.Н. Суханова. — М.: Юрайт, 2019. — 487 с.
11. Управление проектами: Основы профессиональных знаний, национальные требования к компетентности специалистов (NCB — SOVNET National Competence Baseline Version 3.0) / под ред. В.И. Воропаева. — М.: ЗАО «Проектная практика», 2010. — 256 с.
12. Фунтов В.Н., Сенько А.А. «Бережливое» управление проектами // Управление проектами. — 2009. — № 1.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-348-74-80

УДК 33

С.М. Никоноров

доктор экономических наук,

Центр исследования экономических проблем развития Арктики,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва**А.Б. Лисянский**

кандидат экономических наук,

Самарский национально-исследовательский университет, Самара

М.В. Сарафанов

магистр,

Высшая школа государственного администрирования,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В СТРАНАХ БРИКС****S.M. Nikonorov**

Doctor of Economics,

Center for the Study of Economic Problems of Arctic Development,

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Nico.73@mail.ru

A.B. Lisyansky

PhD in Economic Sciences,

Samara National Research University, Samara

Lisyanskiy.ab@ssau.ru

M.V. Sarafanov

Master's Degree,

Graduate School of Public Administration,

Lomonosov Moscow State University, Moscow

mishasar@inbox.ru

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ENERGY INDUSTRY IN THE BRICS COUNTRIES

Аннотация. Страны БРИКС стремятся обеспечить экономический рост, энергетическую безопасность и экологическую устойчивость. Государства, входящие в БРИКС, с года основания объединения активно расширяют энергетическое сотрудничество, реализуют совместные проекты и реформируют национальные энергетические стратегии в соответствии с целями устойчивого развития. В то же время каждая страна сталкивается с проблемами, включающими необходимость диверсификации энергетики. Доступ к финансированию и технологиям по-прежнему сопряжен со значительными трудностями. Несмотря на достигнутый прогресс в расширении доступа к энергии и снижении энергетической бедности, миллионы людей в странах БРИКС по-прежнему живут без надежного электроснабжения и энергетических источников для приготовления пищи. Также сохраняются серьезные технологические диспропорции между странами-членами.

Ключевые слова: устойчивое развитие, энергетический сектор экономики, экономический рост, энергетическая безопасность и экологическая устойчивость, развитие энергетики в странах БРИКС.

Abstract. The BRICS countries strive to ensure economic growth, energy security and environmental sustainability. Since the founding of the association, the BRICS countries have been actively expanding energy cooperation and implementing joint projects and reforming national energy strategies in line with the goals of sustainable development. At the same time, each country faces challenges, including the need to diversify its energy supply. Access to finance and technology remains a significant challenge. Despite the progress made in expanding access to energy and reducing energy poverty,

millions of people in the BRICS countries still live without reliable electricity and energy sources for cooking. There are also serious technological imbalances between the member countries.

Key words: sustainable development, energy sector of the economy, economic growth, energy security and environmental sustainability, energy development in the BRICS countries.

Устойчивое развитие — термин, который первоначально связывался со сферой экологии. Впоследствии его содержание расширилось: в нем появились и значения, которые так или иначе коррелируют с понятиями экономической эффективности, особенно если речь идет об энергетике. Н.Г. Михайлов отмечает, что нерешенные экологические вопросы стали ключом к пониманию дальнейшей стратегии устойчивого развития. Оказалось, что «исчерпаемость природных ресурсов, ухудшение состояния окружающей природной среды, усиление взаимозависимости экологических и экономических процессов явились причиной поиска новой парадигмы развития» [4, с. 59].

Стремление к устойчивому миру и развитие концепции устойчивого развития не могут мыслиться без разработки энергетических программ, решающих не только государственные, но и международные проблемы. Устойчивое развитие энергетического сектора экономики стало центральным вопросом глобальной повестки дня. Страны БРИКС как крупнейшие развивающиеся экономики играют все более важную роль в мировом энергетическом ландшафте и в достижении целей устойчивого развития. В совокупности они обладают огромными энергетическими ресурсами. Приведем статистику, представленную Global Energy Monitor в 2024 году: «Мощность по всем технологиям в странах группы БРИКС составляет 4,2 тераватт (ТВт), или чуть меньше половины от общемирового показателя (9,0 ТВт). Структура мощности в блоке разнообразна и охватывает все восемь секторов энергетики, охваченных трекерами GEM, включая два ископаемых источника в угле и нефти и газе, а также шесть неископаемых источников, включая солнечную, ветровую, гидроэнергетику, ядерную, биоэнергетику и геотермальную энергию»¹.

В то же время страны стремятся обеспечить экономический рост, энергетическую

безопасность и экологическую устойчивость. Государства, входящие в БРИКС, с года основания объединения активно расширяли энергетическое сотрудничество, реализовывали совместные проекты и реформировали национальные энергетические стратегии в соответствии с целями устойчивого развития. В то же время каждая страна сталкивается с проблемами, включающими необходимость диверсификации энергетики. Доступ к финансированию и технологиям по-прежнему сопряжен со значительными трудностями. Несмотря на достигнутый прогресс в расширении доступа к энергии и снижении энергетической бедности, миллионы людей в странах БРИКС по-прежнему живут без надежного электроснабжения и энергетических источников для приготовления пищи. Также сохраняются серьезные технологические диспропорции между странами-членами.

Реализация проектов энергетического сотрудничества в странах БРИКС

С начала 2010-х годов страны БРИКС постепенно создавали институциональные механизмы для координации энергетической политики. Важной вехой стал седьмой саммит БРИКС в Уфе в 2015 году. На нем состоялась встреча министров энергетики стран-членов. Она завершилась подписанием важного документа — «Меморандума о взаимопонимании в области энергосбережения и повышения энергоэффективности...».

Рассмотрим одну из задач: «Сотрудничество в области энергоэффективности, энергосбережения и технологий также может осуществляться в следующих формах: совместные научно-технические исследования; проведение конференций, лекций и семинаров; обучение и трансфер технологий; развитие технологий, обмен опы-

¹ Energy in the BRICS. 2024 // GME. — URL: <https://globalenergymonitor.org/wp-content/uploads/2024/10/GEM-BRICS-Oct2024.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).

том и передовыми практиками...»². Особое внимание заслуживает и создание *Рабочей группы по энергосбережению и энергоэффективности* после этой встречи.

В 2017 году на саммите в Сямыне Россия предложила создать Платформу энергетических исследований БРИКС — инициативу по анализу и обмену данными, которая была официально запущена в 2018 году на встрече министров энергетики в Йоханнесбурге (ЮАР). Задачи, обозначенные участниками Платформы, могут быть сформулированы следующим образом: «обеспечение устойчивого развития энергетики путем сотрудничества в области энергетических исследований, технологий, политики и инноваций; установление диалога по вопросам энергетики в целях обеспечения всеобщего доступа к доступным, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех; укрепление энергетической безопасности стран БРИКС; обеспечение более весомого голоса БРИКС в глобальной энергетической повестке»³. Встречи экспертов, входящих в это объединение, проходят практически каждый год. За годы существования Платформы было проведено 10 исследований, связанных с устойчивым развитием энергетического сектора. В них специалисты не только обозревают энергетику БРИКС и делятся актуальной статистикой, но и исследуют кадровый потенциал в процессе энергоперехода (2023 г.), вопросы энергетической безопасности (2023 г.) и решают проблемы справедливого энергетического перехода (2024 г.). Таким образом, к концу 2010-х гг. сформировалась структура сотрудничества, включающая регулярные встречи на уровне министров, взаимодействие рабочих групп экспертов и создание совместной Платформы для обмена знаниями и проведения важных промышленных исследований, которая характеризует

деятельность БРИКС и в первой половине 2020-х гг.

Наряду с институциональным сотрудничеством были реализованы значительные инвестиционные проекты, финансируемые на двусторонней основе или через Новый банк развития (НБР), созданный странами БРИКС в 2015 году. С момента своего создания НБР уделял особое внимание поддержке зеленой инфраструктуры. Его первые одобренные кредиты в 2016 г. включали более 800 миллионов долларов на возобновляемые источники энергии в Китае, Бразилии, Южной Африке и Индии, а также проект гидроэнергетики в России. Они включали в себя кредит в размере 300 миллионов долларов бразильской BNDES на строительство солнечных и ветряных электростанций⁴.

Помимо многосторонних инициатив, набирали обороты двусторонние проекты, особенно с участием России. Наиболее заметным из них является энергетическое партнерство между Россией и Китаем. Например, Россия увеличила экспорт нефти и газа в Китай по ВСТО и газопроводу «Сила Сибири», который был запущен в 2019 году. «Несмотря на все проблемы и недостатки в реализации проектов газопроводов, стабильные трубопроводные поставки менее нервничают Китай, чем закупки на рынках СПГ, где существует риск геополитических “черных лебедей” (блокады проливов и торговые войны) и стихийных бедствий, таких как штормы и ураганы. “Стабильность” — одно из любимых слов председателя Си Цзиньпина, а программа китайского правительства «шесть стабильностей» по снижению воздействия новой пандемии коронавируса конкретно относится и к энергетической безопасности» [2, с. 60]. После геополитических изменений, произошедших в 2022 году, на долю Китая и Индии в на-

² Меморандум о взаимопонимании в области энергосбережения и повышения энергоэффективности между министерствами и ведомствами БРИКС, отвечающими за энергетику и энергоэффективность // Национальный комитет по исследованию БРИКС. — URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/569f96c46272693cc5160000>.

³ Публикации Платформы энергетических исследований БРИКС // РЭА Минэнерго России. — URL: <https://www.rosenergo.gov.ru/press-center/news/obzor-energetiki-stran-briks/>

⁴ BRICS Bank Approves First Loans, \$811mn Investment in Renewable Energy Projects. — URL: https://ndbwebhkwin.azurewebsites.net/media/brics-bank-approves-first-loans-811mn-investment-renewable-energy-projects/?utm_source=chatgpt.com

стоящее время приходится около 90% российского экспорта нефти. Россия и Китай также сотрудничают в области атомной энергетики — «Росатом» помог построить китайскую атомную электростанцию Тяньвань: «В строительстве данной АЭС принимало участие около 160 российских организаций: ЗАО “Атомстройэкспорт”, институт “Атомэнергопроект”, ОКБ “Гидропресс” и РНЦ “Курчатовский институт”» [1, с. 67].

Россию и Индию связывает давнее ядерное партнерство. При содействии России на индийской атомной электростанции Куданкулам завершено строительство двух реакторов и планируется строительство еще четырех. Кроме того, приобретение «Роснефтью» доли в индийской Essar Oil (ныне Nayara Energy) в 2017 году расширило присутствие России на индийском рынке нефтепереработки и розничной торговли топливом. Индийские энергетические компании, в свою очередь, инвестируют в российские проекты по добыче нефти и газа, включая арктическую инициативу Vostok Oil. Эти усилия свидетельствуют о более глубокой интеграции их энергетических секторов: «Государственный Министр нефти и природного газа Республики Индия Д. Прадхан в январе 2020 г. также подтвердил, что Индия вложит средства в проект “Восток Ойл”, а также рассматривает возможность участия в строительстве нового завода в Арктике по производству СПГ компании ПАО “Новатэк”» [9, с. 49].

Двусторонние отношения с другими странами БРИКС не менее динамичны. Китай инвестировал значительные средства в энергетическую инфраструктуру Бразилии: китайские компании, такие как State Grid и China Three Gorges, приобрели доли в гидроэнергетических и передающих активах. Китай и Южная Африка сотрудничают в области ветроэнергетики — компания China Longyuan Power разработала ветроэлектростанцию De Aar, которая обеспечивает энергией более 300 тыс. граждан: «Согласно заявлению китайского оператора China Longyuan Power Group Corp Ltd, дочерней компании CEIC, проект De Aar является первым ветроэнергетическим проектом, финансируемым, построенным и управляемым китайской

компанией в Африке, с момента запуска он ежегодно обеспечивает выработку 760 млн кВт·ч чистой энергии, что эквивалентно количеству энергии, получаемой от сжигания 215,8 тыс. т угля» [6, с. 37]. Индия и Южная Африка сотрудничают в области солнечной энергетики в рамках Международного солнечного альянса (International Solar Alliance): «В рамках продвижения повестки внедрения технологий солнечной энергетики в африканских странах Международный солнечный альянс сотрудничает с такими международными структурами, как Европейский инвестиционный банк, Африканский банк развития, Африканский союз» [8, с. 76]. А Бразилия, лидер в производстве биотоплива на основе этанола, делится опытом с Индией, чтобы помочь ей снизить зависимость от импорта нефти. Эти инициативы иллюстрируют, как БРИКС обеспечивает сотрудничество внутри объединения, не полагаясь на западных посредников.

Заглядывая в будущее от 2025 года и далее, можно сказать, что перспективы энергетического сотрудничества БРИКС заключаются в углублении стратегий «зеленой» энергетики. Все страны БРИКС подтвердили свою приверженность Парижскому соглашению и целям ООН в области устойчивого развития, в частности пункту 7 о доступной и чистой энергии. В мае 2023 года на 8 встрече министров окружающей среды стран БРИКС страны обязались ускорить переход к низкоуглеродной экономике. Партнерство БРИКС в области чистой энергетики способствует обмену знаниями, совместным исследованиям и новым проектам. К примеру, НБР планирует выделить 30 миллиардов долларов в период с 2022 по 2026 год, из которых 40% будут направлены на проекты, связанные с изменением климата. Это включает инвестиции в солнечную и ветровую энергетику, модернизацию энергосистем, а также в гидро- и геотермальную энергетику. На повестке дня также стоит разработка водородной энергетики. Россия и Южная Африка располагают мощными ресурсами водорода (природный газ, уголь и возобновляемые источники энергии для электролиза).

Расширение БРИКС еще больше содействует этим возможностям. В 2023 году

было объявлено, что к группе присоединяются такие энергетические гиганты, как Саудовская Аравия и ОАЭ, а также Индонезия и Египет. Это, мы предполагаем, приведет к созданию новых проектов, в которых ближневосточные производители будут финансировать экологически чистую энергетику в Африке или Азии в рамках БРИКС.

Проблемы устойчивого развития энергетики в странах БРИКС

Несмотря имеющиеся достижения, страны БРИКС сталкиваются со значительными трудностями в достижении устойчивого энергетического развития. Их энергетические системы существенно различаются. Бразилия, например, обладает одной из самых экологичных электроэнергетических систем в мире, а доля возобновляемых источников в отдельные годы в этой стране достигает практически 90%. Однако это делает систему уязвимой по отношению к засухе и ограничивает дальнейшее расширение гидроузла из-за экологических проблем и удаленности оставшихся участков. В то же время Бразилия является крупным производителем нефти.

Россия, напротив, в значительной степени зависит от ископаемого топлива. По состоянию на 2020 г., около 60% электроэнергии в России вырабатывалось на ископаемом топливе, в основном из природного газа. Гидроэнергетика обеспечивает 16–17%, а ядерная энергетика — около 20%. Хотя российский электроэнергетический сектор характеризуется относительно низкой углеродоемкостью благодаря гидроэнергетике и ядерной энергетике, возобновляемые источники энергии оставались недостаточно развитыми до последних лет. Только благодаря программам государственной поддержки ветряные и солнечные проекты появились на юге России и в Поволжье. Основным сдерживающим фактором является низкая стоимость субсидируемого газа, что снижает экономические стимулы для использования возобновляемых источников энергии. Хотя Россия и озвучила цель достижения углеродной нейтральности к 2060 году («Вследствие осознания того, что уже к началу следующего десятилетия спрос на наши основные

экспортные товары — нефть, природный газ и уголь — заметно упадет, поскольку ключевые торговые партнеры России — Евросоюз и Китай — объявили о планах достичь углеродной нейтральности, отношение российского руководства к проблеме климата радикально изменилось» [3, с. 98]), ее стратегия основывается на постепенном сокращении потребления угля и нефти, расширении экспорта газа и на будущих технологиях улавливания углерода и использования водорода — в основном после 2030 года. Более того, международные санкции, введенные с 2022 года, ограничили доступ России к передовым технологиям использования возобновляемых источников энергии и внешнему финансированию, препятствуя ее переходу к чистой энергетике.

Индия сталкивается с другими проблемами. Являясь второй по численности населения страной в мире, она испытывает быстрый рост спроса на энергоносители. Более 70% электроэнергии в Индии по-прежнему вырабатывается из угля. Несмотря на расширение производства электроэнергии из возобновляемых источников, уголь по-прежнему играет важную роль в обеспечении базовой мощности. Индия является третьим по величине производителем CO₂ в мире и должна кардинально преобразовать свой энергетический сектор, не ставя под угрозу цели развития или борьбу с бедностью. Правительство намерено к 2030 году создать 500 ГВт мощностей, не использующих ископаемое топливо. Однако инфраструктура отстает — доступ к сетям и системы хранения энергии остаются недостаточно развитыми, что приводит к сокращению использования возобновляемых источников энергии. Финансирование также является серьезным препятствием — Индии необходимы сотни миллиардов инвестиций в энергетику для достижения своих целей. Кроме того, сохраняется энергетическая бедность — несмотря на осуществляемую электрификацию деревень, многие сельские районы по-прежнему страдают от ненадежного электроснабжения и неподъемных тарифов. Кроме того, есть и проблемы в сфере солнечной энергетике, которые можно решить только с помощью новых технологий: «Дефицит площадей затруд-

няет развитие солнечной энергетики в Индии. Размещение проектов СЭС все чаще вызывает конфликты с местным населением. Решение этой сложной проблемы облегчается «перемещением» создания СЭС с суши на воду» [7, с. 95].

Китай лидирует в мире по производству возобновляемых источников энергии, но продолжает полагаться на уголь. К началу 2025 года общая мощность ветряной и солнечной энергетики превысила 1,48 ТВт, что означает преждевременное достижение страной цели. Такое скорое наращивание мощностей опережает развитие электросетей: хотя на долю возобновляемых источников энергии приходится практически половина мощности, они вырабатывают по объему только четверть электроэнергии, поскольку в сетевых системах приоритет по-прежнему отдается углю. Несмотря на свои обязательства по декарбонизации — максимальные выбросы к 2030 году и угольный нейтралитет к 2060 году — Китай одобрил строительство новых угольных электростанций в 2024 году.

Южная Африка переживает глубокий энергетический кризис. Около 70% электроэнергии в стране вырабатывается на устаревших угольных электростанциях. Недостаточные инвестиции и сбои в техническом обслуживании приводят к хроническим отключениям электроэнергии. В 2015–2023 гг. снижение нагрузки резко усилилось, поэтому приоритетом правительства является восстановление базовой надежности, что затрудняет определение приоритетов в области устойчивого развития. Тем не менее Комплексный план по использованию ресурсов на 2019 год предусматривал снижение доли угля до 59% к 2030 году и создание 20 ГВт новых возобновляемых источников энергии. Также возникают социальные проблемы — тысячи рабочих мест зависят от добычи угля, что требует переподготовки кадров и разработки новых планов энергоперехода. По мнению экспертов, «стране требуется комплексная модернизация всей экономики (создание новых рабочих мест в других отраслях промышленности) с восстановлением энергетической инфраструктуры» [5, с. 831].

Сотрудничество стран БРИКС сталкивается и со структурными препятствиями. Роль стран как экспортеров и импортеров энергоносителей указывает на разные интересы членов БРИКС: Россия и Бразилия стремятся экспортировать углеводороды, в то время как Китай, Индия и Южная Африка — обеспечить доступный импорт. Это затрудняет выработку единой политики в области ценообразования. Кроме того, между странами БРИКС существует конкуренция за энергетические рынки: Китай доминирует в импорте ресурсов из Центральной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, в то время как Индия стремится диверсифицировать свои источники. Внешние связи часто перевешивают торговлю энергоносителями внутри стран БРИКС.

Наконец, важнейшими проблемами остаются финансирование и доступ к технологиям. Хотя доступ улучшился, а энергетическая бедность снизилась, миллионы людей по-прежнему не имеют надежного электроснабжения или экологически чистого топлива для приготовления пищи. Технологическое неравенство сохраняется — Китай доминирует в мировом производстве возобновляемых источников энергии, в то время как другие страны БРИКС полагаются на импорт. Решение этой проблемы требует локализации, создания совместных предприятий и эффективной передачи знаний через Платформу энергетических исследований БРИКС, потенциал которой остается недоиспользованным.

Заключение

С 2009 по 2025 год страны БРИКС добились существенного прогресса в создании проектов по устойчивому развитию энергетики. Появились новые организации, такие как НБР, Рабочая группа по энергосбережению и энергоэффективности и Платформа энергетических исследований БРИКС. Ключевые инициативы включают в себя российско-китайские нефтегазовые проекты, российско-индийские ядерные проекты, инвестиции. В результате доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии в странах БРИКС выросла, а использова-

ние угля начало снижаться. Показатели энергоэффективности также улучшились.

Однако многие проблемы остаются нерешенными. У каждого члена БРИКС есть недостатки, связанные с финансовыми, социальными и географическими особенностями: кризис в Южной Африке, зависимость Индии и Китая от угля, проблемы Бразилии с гидроэнергетикой, ограниченность возможностей России из-за санкций. Координация между столь разными экономиками — сложная задача. Перспективы на период после 2025 года, как нам кажется, выглядят оптимистичными. Благодаря устойчивому развитию, инвестициям в экологически чистые технологии и разработке планов по энергопереходу страны БРИКС могут не только обезуглеродить свои собственные системы, но и сформировать глобальный энергетический переход. Расширение группы открывает новые возможности для интеграции цепочек поставок, объединения финансовых и технологических возможностей и улучшения доступа к энергоресурсам для миллиардов людей. Если БРИКС удастся согласовать интересы и ускорить реализацию совместных инициатив, объединение станет важной платформой, двигающей развитие концепций устойчивого развития вперед в течение нескольких десятилетий.

Список литературы

1. Жучкова Т.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в сфере атомной энергетики // Инновации и инвестиции. — 2020. — № 1.

2. Куань В. Предпосылки развития проекта «Сила Сибири»: Взгляд с китайской стороны / В. Куань, Л.Л. Бияк // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 3.
3. Мастепанов А. Россия на пути к углеродной нейтральности // Энергетическая политика. — 2022. — № 1 (167).
3. Михайлов Н.Г. Возможности и устойчивое развитие энергетики // Культура и экология — основы устойчивого развития России. Культурные и экологические императивы современной экономики. Ч. 1. — Екатеринбург, 2020.
4. Раков И.Д. Энергетический переход и его особенности в Южно-Африканской Республике // Экономические отношения. — 2022. — Т. 12. — № 4.
5. Сазонов С.Л. Китайско-африканское сотрудничество в области развития энергетики в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» / С.Л. Сазонов, Л. Фэн // Китай: общество и культура. — 2023. — № 1.
6. Сдасюк Г.В. Развитие переходной энергетики в Индии: достижения, проблемы, перспективы / Г.В. Сдасюк, Н.Н. Алексеева // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2022. — № 5.
7. Столетов О.В. Особенности международного взаимодействия в энергетической сфере в Африке южнее Сахары в условиях глобальной турбулентности // Перестройка мировой энергетики в условиях экономического и политического кризиса / под ред. С.В. Жукова. — М.: ИМЭМО РАН, 2023.
8. Харитонова Д.В. Энергетика Индии: состояние и перспективы развития // Геоэкономика энергетики. — 2020. — Т. 11. — № 3.

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Е.В. Дуплий

кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет, Москва

А.Л. Золкин

кандидат технических наук, доцент,
Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара

Е.А. Свердликova

кандидат философских наук, доцент,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

УПРАВЛЕНИЕ СТИМУЛИРОВАНИЕМ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
nsvyatoslav@yandex.ru

E.V. Duplii

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Russian State Social University, Moscow
e-4994928284@yandex.ru

A.L. Zolkin

PhD in Technical Sciences,
Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara
alzolkin@list.ru

E.A. Sverdlikova

PhD in Philosophy Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
elena.sverdlikova@gmail.com

MANAGEMENT OF LABOR ACTIVITY STIMULATION IN THE PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM

Аннотация. В статье конкретизируются теоретико-методические аспекты стимулирования трудовой активности в системе кадрового менеджмента с целью повышения эффективности использования человеческого капитала. Стимулирование трудовой активности является важнейшим направлением функционирования кадрового менеджмента. Качественное решение данной задачи происходит только на основе грамотной комбинации инструментов материального и нематериального стимулирования, формируемых с учетом результатов диагностики текущего уровня эффективности мотивационного механизма, в содержании которой заложен показатель производительности труда. Для достижения устойчивой эффективности систему мотивации целесообразно регулярно пересматривать, так как факторы стимулирования труда постоянно трансформируются под воздействием окружающей социально-экономической конъюнктуры или изменения персонифицированных запросов членов коллектива. Таким образом, руководство компании должно постоянно находиться в поиске новых инструментов стимулирования трудовой активности с целью повышения эффективности использования трудовых ресурсов и достижения максимальных результатов при эксплуатации профильных бизнес-процессов. Решение задачи построения эффективной системы стимулирования трудовой активности носит многофункциональный

характер, требующий постоянного мониторинга текущего уровня производительности труда и качества использования доступного ресурсного потенциала.

Ключевые слова: трудовая активность, стимулирование, мотивация, кадровый менеджмент, производительность труда, человеческий капитал.

Abstract. The article specifies the theoretical and methodological aspects of stimulating labor activity in the HR management system in order to increase the efficiency of human capital use. Stimulating labor activity is the most important area of HR management functioning. A high-quality solution to this problem occurs only on the basis of a competent combination of material and non-material incentive tools formed taking into account the results of diagnostics of the current level of efficiency of the motivational mechanism, the content of which includes the labor productivity indicator. To achieve sustainable efficiency, the motivation system should be regularly reviewed, since labor stimulation factors are constantly transformed under the influence of the surrounding socio-economic situation or changes in personalized requests of team members. Thus, the company's management should constantly be in search of new tools to stimulate labor activity in order to increase the efficiency of labor resources and achieve maximum results in the fairway of operation of specialized business processes. The solution to the problem of building an effective system of stimulating labor activity is multifunctional, requiring constant monitoring of the current level of labor productivity and the quality of use of the available resource potential.

Key words: labor activity, stimulation, motivation, personnel management, labor productivity, human capital.

Построение действенного механизма стимулирования трудовой активности персонала оказывает существенное воздействие на совокупную эффективность эксплуатируемых бизнес-процессов. В классической интерпретации экономической теории труд является одним из трех фундаментальных факторов производства. В этой связи качественное управление данным фактором имеет стратегическое значение для достижения общего коммерческого успеха. Кроме того, трудовые ресурсы являются важнейшим элементом совокупного корпоративного ресурсного потенциала, который в свою очередь в значительной степени воздействует на результативность потребления прочих видов ресурсной составляющей. Важность трудовых ресурсов требует от корпоративного менеджмента системного поиска резервов роста стимулирования трудовой активности. Сложность данного вопроса состоит в том, что факторы мотивационной активности постоянно изменяются в контексте трансформации социально-экономической конъюнктуры. При этом помимо социально-экономических факторов на успешность решения задачи по стимулированию трудовой активности влияет и широкий спектр персонифицированных факторов, определяемых индивидуальными потребностями каждого сотрудника.

При текущих условиях протекания социально-экономических процессов применение классических методов материального стимулирования уже не является гарантированным способом роста трудовой активности. Необходимо учитывать не только материальные, но и нематериальные, а также социальные потребности персонала, которые коррелируют с особенностями восприятия действительности сотрудниками разных поколений. В дополнение к сказанному необходимо отметить, что наблюдающаяся макроэкономическая турбулентность резко ограничивает финансовые возможности материального стимулирования. Опираясь на данный факт, представители корпоративного кадрового менеджмента стремятся внедрять относительно инновационные подходы к росту трудовой активности, основанные на геймификации, гибридной занятости, повышении вовлеченности в управление, достижении корпоративной идентичности и т.п. Интеграция каждого из представленных инструментов требует наличия емких компетенций в системе корпоративного управления, а также проведения тщательной аналитической диагностики мотивационных факторов для доминирующей части персонала. Для достижения устойчивой эффективности систему мотивации целесообразно регулярно пересматривать,

так как факторы стимулирования труда постоянно трансформируются под воздействием окружающей социально-экономической конъюнктуры или изменения персонифицированных запросов членов коллектива.

Результаты и обсуждения

Анализ имеющихся научных результатов позволяет сделать вывод о несомненной значимости построения действенной системы стимулирования трудовой активности персонала. Данное мнение находит свое подтверждение в содержании статей Е.А. Астаповой [3, с. 2147], Д.В. Волович, А.А. Панатовой, И.П. Кульгачева [7, с. 147] и ряда других авторов [5, с. 60; 16, с. 135]. Исследование публикационной активности показывает, что проблема стимулирования трудовой активности носит многоаспектный характер. А.В. Золотов [11, с. 255] рассматривает актуальность стимулирования трудовой активности с точки зрения повышения производительности труда. Поддержание высокого уровня производительности труда при существующих конъюнктурных условиях является значимым элементом достижения стратегической конкурентоспособности. Производительность труда обеспечивает рост объема выполнения трудовых функций в единицу времени, что позволяет создавать большее количество материальных благ и востребованных услуг.

Вторым аспектом актуальности стимулирования трудовой активности, по мнению авторского коллектива в составе Т.В. Петроченко, О.И. Кирюхиной и Н.С. Будниковой [17, с. 615], является рост качества использования корпоративного ресурсного потенциала. В условиях достаточно жесткого дефицита и ограниченной доступности всех видов ресурсного потенциала качественное его использование способствует росту прибыльности и достижению конкурентоспособности. Значительный уровень трудовой активности у сотрудников предприятия обеспечивает большую отдачу от потребления ресурсного потенциала в рамках корпоративных бизнес-процессов.

Опираясь на мнение А.И. Аджиевой, Д.У. Байрамукова [1, с. 18] и Л.А. Илюхи-

ной, И.В. Богатыревой [12, с. 1252], можно заключить, что стимулирование трудовой активности крайне актуально с точки зрения развития инновационного потенциала компании. Присутствие качественных стимулов формирует условия для генерации новых идей, направленных на совершенствование бизнес-процессов или создание перспективных продуктов. В аналогичном ключе рассматривает значимость стимулирования труда Л.В. Никиткова и другие члены авторского коллектива статьи, которые выделяют ее роль в расширении потенциала предпринимательского менеджмента трудового коллектива [14, с. 77]. Разработка инструментов предпринимательского менеджмента позволяет не только находить, но и внедрять резервы роста эффективности хозяйственно-экономических процессов, что актуально в контексте обеспечения устойчивой рентабельности.

Помимо отмеченных обстоятельств присутствие действенной системы стимулирования труда важно с точки зрения уменьшения текучести персонала, особенно в отношении наиболее квалифицированных кадров. К такому выводу приходят в своих статьях К.Ю. Гайдук [8, с. 147] и А.А. Федота [19, с. 348]. Они отмечают, что наличие актуальных стимулов трудовой активности обеспечивает закрепление сотрудников на рабочих местах. Важность данного фактора многократно увеличивается в условиях острого и постоянно растущего дефицита квалифицированных кадров на отечественном рынке труда. Грамотное использование инструментов материального и нематериального стимулирования обеспечивает рост вовлеченности сотрудников в трудовой процесс и снижает вероятность их перехода к другому работодателю.

Присутствие в системе корпоративного кадрового менеджмента действенных стимулов трудовой активности, по мнению Л.В. Шкуриной и Е.С. Стручковой, важно с точки зрения достижения максимальной рациональности использования предоставленного рабочего времени [20, с. 27]. При отмеченных обстоятельствах работники стремятся целенаправленно использовать предоставленное рабочее время для качественного решения поставленных хозяйственно-экономических задач.

В контексте научных статей [6, с. 233; 13, с. 1927] можно отметить роль стимулирования в росте вовлеченности сотрудников в трудовой процесс. Вовлеченный сотрудник максимально заинтересован в достижении положительных корпоративных результатов, а проблемы компании он воспринимает как свои собственные. При достижении эффекта вовлеченности персонал находится в постоянном поиске резервов роста эффективности не только своей деятельности, но и компании в целом. Вовлеченный сотрудник готов тратить свое личное время дополнительно для достижения высоких общекорпоративных целей. Базой для формирования эффекта вовлеченности является грамотно выстроенная система стимулирования труда.

В целом нельзя не согласиться с мнением И.В. Богатыревой и Л.А. Илюхиной, которые пишут о том, что построение действенного механизма стимулирования трудовой активности персонала оказывает существенное воздействие на совокупную эффективность эксплуатируемых бизнес-процессов [4, с. 958]. На наш взгляд, качественное управление системой стимулирования труда имеет стратегическое значение для достижения общего коммерческого успеха, так как труд является одним из трех фундаментальных факторов производства в классической интерпретации экономической мысли.

На рисунке 1 представим основные аспекты значимости стимулирования трудовой активности персонала.

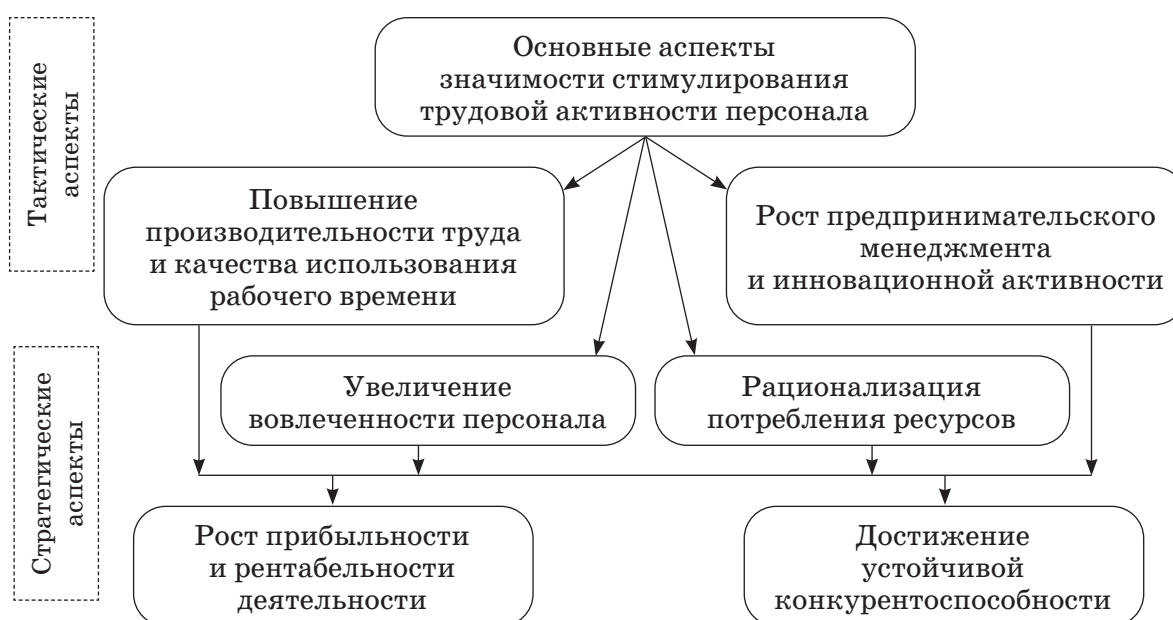

Рис. 1. Основные аспекты значимости стимулирования трудовой активности персонала

Выявленные аспекты многовекторной значимости трудовой активности требуют того, чтобы руководство компании постоянно находилось в поиске новых инструментов стимулирования трудовой активности с целью повышения эффективности использования трудовых ресурсов и достижения максимальных результатов при эксплуатации профильных бизнес-процессов. Значимость эффективного решения данной задачи упирается в достижение стратегической устойчивости хозяйственно-экономической деятельности в условиях неопределенности и макроэкономической турбулентности.

Перечень представленных на рис. 1 аспектов не является исчерпывающим, он носит сугубо общий группировочный характер. В условиях социально-экономической трансформации он будет постоянно расширяться и тиражироваться.

На следующем этапе исследования необходимо раскрыть сущность самой категории «стимулирование трудовой активности». Для решения данной задачи воспользуемся методом контент-анализа в отношении результатов публикационной активности различных авторов. С учетом материалов статьи П.И. Ананченковой можно сделать вывод о том, что стимулирование трудовой

активности представляет собой процесс активного воздействия на поведенческие факторы персонала для роста интенсивности выполнения трудовых функций [2, с. 17].

На основе данного определения можно отметить, что исследуемая категория:

- носит активный характер, то есть выражается в активной позиции руководства и кадрового менеджмента по отношению к персоналу предприятия;
- имеет свойство определенного процесса, который распространяется по контролируемому временном промежутке;
- стержневая цель состоит в повышении интенсивности выполнения трудовых функций сотрудниками.

Своё виденье стимулирования трудовой активности предлагают Н.А. Зинченко и Д.Г. Ермолович, которые пишут

о том, что оно является одной из функций кадрового менеджмента, направленной на эффективное потребление доступного человеческого капитала [9, с. 533]. Исходя из данного определения, также можно отметить, что исследуемая категория:

- является одной из важнейших функций кадрового менеджмента, требующей повышенного внимания со стороны руководства;
- в качестве объекта управления выступает человеческий капитал, имеющийся в конкретный период времени в корпоративной системе;
- стержневая цель состоит в системном повышении эффективности использования человеческого капитала компании.

На рисунке 2 обобщим ключевые существенные характеристики категории «стимулирование трудовой активности».

Рис. 2. Ключевые существенные характеристики категории «стимулирование трудовой активности»

Для комплексного рассмотрения существенных аспектов исследуемой категории рассмотрим трактовку, которую представляют в своей статье Е.В. Таркова и А.В. Шабанов [18, с. 48]. На основе мнения указанных авторов можно отметить, что стимулирование трудовой активности требует постоянного системного поиска действенных инструментов мотивации в труде для членов коллектива на основе грамотной комбинации материальных и нематериальных инструментов

воздействия. С учетом данного определения можно констатировать, что авторы отождествляют стимулирование трудовой активности и мотивацию персонала. При этом выделяются следующие особенности данного процесса:

- обязательная системность, которая должна обеспечить вовлечение всех элементов в орбиту корпоративного управления мотивацией персонала;
- качественное сочетание материальных и нематериальных инстру-

ментов на основе анализа лучших практик и использования научного подхода кадрового управления;

- стержневая цель состоит в постоянном повышении мотивационной составляющей труда для персонала.

Для оценки эффективности управления трудовой активностью персонала в теории кадрового менеджмента имеется ряд методик, большая часть из которых опирается на расчет относительных показателей. Решение задачи построения эффективной системы стимулирования трудовой активности носит многофункциональный характер, требующий постоянного мониторинга текущего уровня производительности труда и качества использования доступного ресурсного потенциала. Ключевое место в системе показателей оценки эффективности управления трудовой активностью

занимает производительность труда. Основным показателем оценки уровня производительности труда в организации является выработка.

Представители корпоративного кадрового менеджмента стремятся внедрять относительно инновационные подходы к росту трудовой активности, основанные на геймификации, гибридной занятости, повышении вовлеченности в управление, достижении корпоративной идентичности. Интеграция каждого из представленных инструментов требует наличия емких компетенций в системе корпоративного управления, а также проведения тщательной аналитической диагностики мотивационных факторов для доминирующей части персонала. На рисунке 3 обобщим основные направления стимулирования трудовой активности.

Рис. 3. Основные направления стимулирования трудовой активности

Комплексный характер производительности труда допускает возможность применения широкого спектра инструментов для ее повышения, к числу которых можно отнести методы материального и нематериального стимулирования, внедрение инновационных разработок и цифровых технологий, применение прогрессивных систем нормирования и оплаты труда. Руководство компании должно постоянно находиться в поиске новых

инструментов стимулирования трудовой активности с целью роста эффективности использования трудовых ресурсов и достижения максимальных результатов при эксплуатации профильных бизнес-процессов. Объективность производительности труда заложена в относительном характере данного показателя. Использование критерия относительности при определении текущего уровня производительности труда создает информацион-

но-управленческий фундамент для проведения сравнительных исследований. Вторым направлением анализа уровня производительности труда в организации является трудоемкость.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что построение действенной системы стимулирования трудовой активности является фундаментальным элементом корпоративного кадрового менеджмента, обеспечивающего максимальную эффективность использования доступного человеческого капитала. Весь спектр аспектов значимости стимулирования трудовой активности разделен на две большие группы тактического и стратегического характера. К числу тактических аспектов отнесены повышение производительности труда и качества использования рабочего времени, развитие предпринимательского менеджмента и инновационной активности, увеличение вовлеченности персонала, рационализация потребления ресурсов. В числе стратегических аспектов в первую очередь выделяются рост прибыльности и рентабельности деятельности, а также достижение стратегической конкурентоспособности. В результате рассмотрения сущностной составляющей исследуемой категории можно заключить, что стимулирование трудовой активности представляет собой процесс активного воздействия на поведенческие факторы персонала для роста интенсивности выполнения трудовых функций. К числу ключевых сущностных характеристик категории «стимулирование трудовой активности» отнесены: системный характер, активное воздействие, использование в качестве объекта управления корпоративного человеческого капитала, сочетание материальных и нематериальных инструментов. Стержневые цели применения стимулирования в системе кадрового менеджмента состоят в интенсификации выполнения трудовых функций, росте производительности труда и устойчивой мотивации персонала к труду.

Список литературы

1. *Аджиева А.И.* Стимулирование персонала как фактор повышения его трудовой активности на предприятии / А.И. Аджиева, Д.У. Байрамуков // Вестник Академии знаний. — 2020. — № 40 (5). — С. 17–20.
2. *Ананченкова П.И.* Корпоративные программы стимулирования трудовой активности работников старших возрастных групп: от гибкой занятости до обучения навыкам // Научград — наука — производство — общество. — 2022. — № 4. — С. 16–20.
3. *Асташова Е.А.* Нормирование труда как фактор повышения производительности труда / Е.А. Асташова, Е.А. Дмитренко // Экономика труда. — 2022. — Т. 9. — № 12. — С. 2145–2158.
4. *Богатырева И.В.* Система мотивации и материального стимулирования как источник трудовой активности персонала компании / И.В. Богатырева, Л.А. Илюхина // Экономика труда. — 2022. — Т. 9. — № 5. — С. 955–970.
5. *Булавина М.А.* Зарубежный опыт молодежного предпринимательства в решении социально-экономических проблем / М.А. Булавина, С.А. Попова, С.О. Новосельский // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 3(40). — С. 57–65.
6. *Булавина М.А.* Наука и образование в России и Донбассе: сравнительно-правовой анализ и перспективы сотрудничества / М.А. Булавина, С.О. Новосельский // Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции. Материалы международной научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 230–234.
7. *Волович Д.В.* Проблемы повышения производительности труда работников турфирмы: факторы и пути роста производительности труда / Д.В. Волович, А.А. Панатова, И.П. Кульгачев // Спорт, туризм и гостеприимство в образовательном пространстве: инновации и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 145–150.
8. *Гайдук К.Ю.* Мотивирование эффективного исполнения работниками трудовой функции // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. — 2020. — С. 146–150.

9. *Зинченко Н.А.* Мотивация и стимулирование персонала / Н.А. Зинченко, Д.Г. Ермолович // Матрица научного познания. — 2023. — № 6-1. — С. 532–537.
10. *Золкин А.Л.* Управление миграционной политикой как фактор национальной безопасности / А.Л. Золкин, С.О. Новосельский, М.Н. Игнатова, А.Е. Терентьева, А.М. Михайлов // Вопросы политологии. — 2024. — Т. 14. — № 9(109). — С. 3183–3196.
11. *Золотов А.В.* Производительность труда, трудоемкость и экономия труда в условиях цифровизации экономики // Цифровой контент социального и экосистемного развития экономики. — Симферополь, 2022. — С. 254–256.
12. *Илюхина Л.А.* Совершенствование условий труда на предприятии как фактор повышения производительности труда / Л.А. Илюхина, И.В. Богатырева // Экономика и предпринимательство. — 2023. — № 2(151). — С. 1250–1254.
13. *Колосова О.А.* Роль бренда в региональном менеджменте / О.А. Колосова, А.В. Шлеенко, О.Л. Бегичева, А.Л. Золкин, С.О. Новосельский // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13. — № 10(63). — С. 1921–1933.
14. *Никиткова Л.В.* Повышение производительности труда за счет материального стимулирования труда / Л.В. Никиткова, М.В. Поляков, М.Ю. Пикушина, В.В. Чурилова // Проблемы развития современного общества. Сборник научных статей 7 Всероссийской национальной научно-практической конференции, в 5 т. — Курск, 2022. — С. 75–79.
15. *Новосельский С.О.* Социально-экономическое развитие сельских территорий с учетом принципов «зеленой» экономики / С.О. Новосельский, Д.И. Жилияков, И.П. Салтык, И.А. Рашидова, Р.Г. Хащина, И.С. Пожилов // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2023. — № 7. — С. 216–224.
16. *Новосельский С.О.* Цифровые технологии как инструмент расширения потенциала маркетинговой политики / С.О. Новосельский, О.А. Колосова, А.Л. Золкин // Финансовый менеджмент. — 2024. — № 10. — С. 131–140.
17. *Петроченко Т.В.* Оплата труда как стимулирующий фактор производительности труда в условиях цифровизации экономики / Т.В. Петроченко, О.И. Кирюхина, Н.С. Будникова // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса. Сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции. — 2022. — С. 613–619.
18. *Таркова Е.В.* Материальное стимулирование персонала как элемент стратегии управления человеческими ресурсами организации / Е.В. Таркова, А.В. Шобанов // Интернаука. — 2023. — № 11-3(281). — С. 48–50.
19. *Федота А.А.* Анализ производительности труда, факторный анализ годовой выработки в экономическом анализе // Менеджмент в социальных и экономических системах. — Пенза, 2023. — С. 347–350.
20. *Шкурина Л.В.* Аудит рабочего времени как инструмент повышения производительности труда / Л.В. Шкурина, Е.В. Стручкова // Экономика железных дорог. — 2023. — № 1. — С. 25–33.

А.Д. Палкин

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**«ЯПОНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»
НА ФОНЕ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1950–1953 гг.:
ПАРАДОКС ПРОЦВЕТЕНИЯ ПОСРЕДИ ХАОСА**

A.D. Palkin

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Linguistic University, Moscow,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
p-alexis@yandex.ru

**THE “JAPANESE ECONOMIC MIRACLE”
AGAINST THE BACKDROP OF THE KOREAN WAR OF 1950–1953:
THE PARADOX OF PROSPERITY IN THE MIDST OF CHAOS**

Аннотация. В статье рассматривается влияние Корейской войны на восстановление экономики Японии и ее последующий экономический рост. Хотя первоначально Япония испытывала многочисленные сложности в связи с послевоенной оккупацией, ее географическая близость к Корейскому полуострову и развитая инфраструктура в начале 1950-х гг. превратили страну в важнейшую материально-техническую базу для сил ООН. Это привело к массивному притоку инвестиций за счет военных расходов США, получившему название «специальные закупки», что оживило различные сектора экономики, включая текстильную промышленность, производство автомобилей, металлургию, строительство и сферу услуг, и стало главным катализатором «японского экономического чуда». Миллиарды долларов, вложенные в японскую экономику, обеспечили приток жизненно важной иностранной валюты, стимулировали возрождение промышленности и создание рабочих мест, способствовали модернизации оборудования, сдерживали инфляцию и познакомили японские компании с высокими американскими стандартами качества. Это вливание капитала и повышение спроса в сочетании со стратегическими реформами под руководством США обусловили восстановление экономики Японии, заложив основу для устойчивого роста в последующие десятилетия. В статье утверждается, что Корейская война, несмотря на свою жестокость, непреднамеренно создала исключительно благоприятные условия для экономических преобразований в Японии, что стало поворотным событием в экономической истории XX века.

Ключевые слова: «японское экономическое чудо», Корейская война, Япония, Соединенные Штаты, торговля.

Abstract. This article examines the transformative impact of the Korean War on Japan's economic recovery and subsequent growth. While initially subject to a punitive post-war policy, Japan's geographic proximity and infrastructure unexpectedly positioned her as a crucial logistical base for UN forces in the early 1950s. This led to a massive influx of US military spending, termed “special procurement”, which revitalised various sectors of economy, including textiles, vehicle production, metallurgy, construction, and services, and became a major catalyst for the “Japanese Economic Miracle”. The billions of dollars injected into the Japanese economy provided vital foreign currency, spurred industrial revival and job creation, facilitated equipment upgrades, curbed inflation, and exposed Japanese companies to high US quality standards. This injection of capital and demand, coupled with strategic US-led reforms, stipulated Japan's economic recovery, laying the foundation for the sustained high growth of the following decades. The paper argues that the Korean War, despite its brutality, inadvertently created a uniquely favorable environment for Japan's economic transformation, a pivotal event in 20th-century economic history.

Key words: “Japanese Economic Miracle”, Korean War, Japan, United States, trade.

Introduction

The Korean War (1950–1953) was a bloody conflict that divided the Korean peninsula into two parts and left an everlasting legacy. Paradoxically, this period of chaos and destruction was one of the catalysts for Japan’s spectacular economic rise, known as the “Japanese Economic Miracle.” At first glance, the connection between the brutal war on the Korean Peninsula and Japan’s rapid economic growth does not seem obvious, but a detailed analysis shows how the war, albeit indirectly, created favourable conditions for the reconstruction and prosperity of the Japanese economy.

After the defeat in World War II, Japan was in ruins. The economy was devastated, infrastructure destroyed, and the population was suffering from poverty and hunger. The population also had a hard time from the psychological point of view. For decades, official propaganda had been convincing its citizens of the correctly chosen militaristic path of development of Japanese politics and economy, of the greatness, wisdom, and infallibility of the emperor, a direct descendant of the gods, and the foresight of his decisions. All of a sudden, overnight, it became clear that the chosen strategy, which brought many hardships to the Japanese themselves, turned out to be not just wrong, but criminal, and the emperor himself was deeply mistaken, as he personally candidly confessed during his address to the citizens regarding Japan’s surrender in World War II. The Japanese nation was suppressed in every sense of the word.

However, the Korean War, which began on June 25, 1950, unexpectedly presented Japan with a unique opportunity. The United States, being South Korea’s main ally, needed reliable logistical support for its troops deployed in Korea. Japan, located geographically close to the Korean Peninsula, was ideally suited for this role. She became a kind of “unsinkable aircraft carrier” of the American army. Under the leadership of the US occupation authorities, a process of profound transformation began, which, it would seem, was intended only to

demilitarize and democratize the country, but in fact laid the foundation for future economic growth.

The «Japanese Economic Miracle» is an exceptional phenomenon in the history of the world economy of the 20th century. In just a few decades, the country, which had lain in ruins after World War II, not only recovered, but became one of the world’s leading economic powers, demonstrating unprecedented growth and technological advances [14]. This period, which spans from the 1950^s to the 1980^s, became an object of fascination and study for economists, politicians, and sociologists around the world.

Military orders as a growth engine

The US policy towards Japan was gradually changing from a punitive one to a “reverse course” policy aimed at turning Japan into a reliable ally in countering the communist threat in Asia. However, a full-fledged economic recovery and the issue of sovereignty remained open.

On June 25, 1950, North Korean troops crossed the 38th Parallel, launching a full-scale invasion of South Korea. This conflict immediately turned Japan into a vital logistical base for the UN forces, which consisted mainly of American troops [4; 10]. The geographical proximity to the Korean peninsula, the presence of developed infrastructure (ports, railways, airfields) and the growing industrial potential made Japan an indispensable pillar for warfare.

One of the most significant and immediate consequences of the Korean War for Japan was the unprecedented economic stimulus known as “special procurement.” The military actions in Korea led to a huge demand for all kinds of goods and services:

- 1) Textiles and uniforms: The need for clothing for thousands of military personnel revitalised the Japanese textile industry.
- 2) Vehicles and repairs: cars, trucks, spare parts, as well as repair and maintenance services for military equipment.

- 3) Metallurgy and mechanical engineering: demand for steel, machinery and industrial components.
- 4) Construction and infrastructure: construction and repair of bases, barracks, hospitals, and ports.
- 5) Services and logistics: transportation services, catering, medical services, laundries, etc.

The United States, being the main consumer, invested lavishly into the Japanese economy [2]. In the course of the three years of the war, Japan saw a total funding of over than \$3.5 billion from special purchases. This sum almost equalled the amount of all foreign aid received within previous six years since 1945. These funds played the role of a windfall, providing:

- 1) The inflow of foreign currency: vital for the import of raw materials and technologies.
- 2) Industrial revival: capacity utilization, creation of new jobs.
- 3) Equipment upgrades: Companies used the profits they made to upgrade their equipment and increase efficiency.
- 4) Reducing inflation and stabilizing the economy: military orders contributed to deflation and price stabilization, which was critically important after the post-war hyperinflation.
- 5) Experience and standards: Japanese companies gained valuable experience working with high American standards of quality and punctuality.

“Special purchases” triggered the Japanese economy soaring development. The country achieved sustainable growth that lasted for several decades.

Assistance from the United States

In addition to the military orders, Japan received significant financial assistance from the United States as part of the reconstruction program. These funds were used for the reconstruction of infrastructure, the development of education and healthcare, as well as to create a solid foundation for further economic development. It is important to emphasize that American aid was not just charity, but also a strategic investment in an ally that

could play an important role in the fight against communism in Asia [3]. The United States realized that a stable and prosperous Japan represented a reliable partner in the region.

By the middle of the year 1950, Japan was under almost five years of occupation by the Allied Powers, effectively led by the United States under the command of General Douglas MacArthur. The main objectives of the occupation were demilitarization, democratization, and preventing the resurgence of Japanese militarism. The United States, realizing the geopolitical importance of Japan in the conditions of the beginning of the Cold War, provided significant financial and technical assistance [16]. The Marshall Plan for Europe had its counterpart for Japan, aimed at stabilizing the economy and preventing the spread of communism.

After Japan gained sovereignty, Prime Minister Shigeru Yoshida formulated a strategy known as the “Yoshida Doctrine”. It involved the abandonment of significant military spending and the concentration of all resources on economic recovery and development. The defence of the country was largely entrusted to the United States, which allowed Japan to redirect huge funds from the military budget to industry and infrastructure [7].

The Korean War also radically changed the political landscape and accelerated the process of Japan’s return to sovereignty:

- 1) Speeding up the signing of the peace treaty. The United States, realizing the importance of Japan as a strategic ally, sought to conclude a peace treaty as soon as possible and end the occupation. As a result, the San Francisco Peace Treaty was signed in September 1951 [17], thus officially putting an end to the state of war (although de facto the war ended in 1945).
- 2) Japan secured its security agreement with the United State. Following the treaty signature, the United States and Japan concluded a security treaty. This treaty gave Japan the “nuclear umbrella” which the country still values highly, seeing the United

States as a trustworthy military defender. It is stated in the Japanese Constitution that Japan renounces any right to wage war or possess a full-fledged army [6]. This allowed Japan to minimize military spending and focus on economic development.

- 3) The National Police Reserve. Although Japan declared a course towards pacifism, the United States insisted on Japan creating her own self-defence forces, fearing the communist threat. In July 1950, immediately after the outbreak of the Korean War, a National Police Reserve of 75,000 people was created. Although it was not formally an army, it became the prototype of the future Japan Self-Defence Forces (JSDF), formed in 1954 [8]. It was a compromise between constitutional constraints and the security needs of the new cold war.

Reforms and structural changes

The Korean War also indirectly contributed to the implementation of important economic reforms in Japan. A substantial change took place in agriculture: the land reform redistributed land from large landowners to peasants, stimulating agricultural development and creating a more equitable social base. The pursuit of economic growth and security required structural changes. Initially, the American authorities sought to dissolve large industrial and financial conglomerates (“zaibatsu”), considering them a source of militarism. However, this policy was relaxed, and instead “keiretsu” were formed — less centralised, but still powerful groups of companies united by cross-ownership of shares and a common bank. These structures played a key role in coordinating investment and industrial development. Keiretsu were horizontally or vertically integrated groups of companies that included manufacturing enterprises, trading houses, banks, and insurance companies. Mutual ownership of shares, long-term relationships between companies, and the presence of a “common bank” provided stability, access to financing,

and the opportunity for long-term planning and investment, regardless of short-term stock market fluctuations. In addition, active investments in technological innovations carried out by Japanese companies contributed to the scientific and technical development of the Land of the Rising Sun.

The logical result was an increase in the competitiveness of Japanese products on the world market. Against the background of such successes, the development of human capital became inevitable. The country and business obtained the means to improve the quality of education and professional training for ordinary Japanese. The number of highly skilled workers grew steadily, which in turn had the most beneficial effect on economic growth. The Japanese population traditionally had a very high savings rate. These savings were sent to banks, which, in turn, provided capital for investments in industry. This ensured a constant flow of funds for the modernisation and expansion of production facilities.

Foreign trade policy

Another contribution of the US to the “Japanese economic miracle” was in the fact that Japan acquired a strong economic ally. This led to the creation of favourable conditions for Japanese exports to the American market. The United States provided Japan with preferential trade regimes, which stimulated the growth of Japanese industry and contributed to its competitiveness in the international arena. The Japanese government made a far-sighted decision to focus on developing an export-oriented economy, which allowed the country to integrate into the global trading system and gain access to new markets. Japan, poor in natural resources, realized that its future lay in producing high-quality goods and exporting them to world markets. This led to the creation of a competitive industry capable of producing electronics, automobiles, ships, and steel at prices and quality superior to Western counterparts. The weak yen at the initial stages also contributed to export competitiveness. The beneficial effects of such a policy had an instant effect. Already in 1951, the Japanese researcher S. Okita

noted the impressive improvement in Japan's balance of payments and the rapid growth of industrial production against the background of the Korean War [9, p. 141].

Japan's phenomenal success was not the result of chance, but the fruit of a complex interaction of many factors. It is important to emphasize that Japan had a highly educated population with a strong work ethic, discipline, and willingness to sacrifice for a common cause. The education system, strongly focused on technical specialties, provided a constant influx of qualified personnel. The concept of "lifelong hiring" and "seniority" created employee loyalty and stimulated companies to invest in the training and development of their staff. At the same time, the Ministry of International Trade and Industry, established in 1949, played a central role in coordinating industrial policy. It was actively involved in identifying strategic industries, providing subsidies, protecting young industries from foreign competition, and stimulating exports. The government encouraged the borrowing of technology, and then their adaptation and improvement, instead of inventing everything from scratch.

For centuries, the Japanese have been known for their skilful borrowing of foreign experience. In the 1950s, Japan actively studied and adapted the best foreign practices in the field of management, technology, and production organization. In particular, Japanese specialists organized so-called "industrial tours" to advanced enterprises in the United States and Europe in order to adopt advanced Western experience in the field of technology. This phenomenon was later called "benchmarking". Benchmarking is understood as a set of techniques that allows you to study the business processes of competitors and choose the best production methods in order to implement them in the work of your own companies. It was in the 1950s that the Japanese started so-called "industrial tours". Their purpose was to visit successful enterprises in the USA and Europe, conducting benchmarking of the best companies. "The main focus was not on the object of production, but on its process. The Japanese did not call it benchmarking, but the meaning was the same. As a result

of the 'industrial tours', the Japanese not only caught up with, but also surpassed some Western competitors, who were models for borrowing" [12].

However, it was not just about benchmarking. Instead of expensive research and development from scratch, Japan actively bought licenses for Western technologies, and then systematically improved them, achieving higher efficiency, quality, and reliability. An example is the automotive industry, which initially copied American designs, but then developed its own unique production methods, such as the just-in-time system and the principles of "kaizen" (continuous improvement). It is important to emphasize that the Korean War, by making Japan a strategic ally of the United States, ensured stable access for Japanese manufacturers to the American market.

Social consequences

The "Japanese economic miracle" had both positive and negative consequences. E. Rios-Serrano highlights the main ones, which we will summarize below [13].

The positive consequences include the following:

- 1) extremely high GDP growth rates (often more than 10% per year for decades);
- 2) export-oriented model (Japanese companies' products have successfully conquered global markets);
- 3) constant technological innovation and quality improvement (Japanese goods have become synonymous with reliability and high quality);
- 4) full employment and increased prosperity (the unemployment rate was extremely low, and the standard of living of the population increased significantly);
- 5) a unique model of corporate governance (a symbiosis of the state, banks and large companies).

However, there were also negative factors. The most conspicuous of them are:

- 1) the growing stratification of society (rapid economic growth was accompanied by increasing inequality);

- 2) environmental pollution (environmental protection measures could not keep up with the rapid growth of industry and technology);
- 3) labour market tension (the newly-established strict business rules were the cause of psychological discomfort);
- 4) urbanization and agglomeration (a sharp the growth of cities led to overpopulation and deterioration of living conditions for many Japanese).

Conclusion

The Korean War, despite its horrific human costs, played an unexpected but significant role in launching the “Japanese Economic Miracle”. Military orders, American aid, and reforms created favourable conditions for Japan’s rapid economic growth. However, Japan’s success was also driven by internal factors, such as effective governance, the perseverance and hard work of the Japanese people, as well as the ability to quickly assimilate and apply new technologies. The story of the “Japanese Economic Miracle” demonstrates the complex relationship between geopolitical events and economic development, as well as the nation’s ability to use even tragic circumstances to achieve economic prosperity. At the same time, it is necessary to keep in mind the social costs that accompanied this rapid rise and learn from Japan’s experience in order to achieve economic growth while minimizing its negative impact on society and the environment.

To directly link the “Japanese Economic Miracle” solely to the Korean War is an oversimplification, although the war played a role. The “miracle” was a complex phenomenon with multiple causes spanning several decades. The Korean War was a turning point for Japan, which determined its development for decades to come:

- 1) Accelerating economic growth: the war provided the initial impetus and financial resources that were expertly used for industrialization and modernisation [1; 11].
- 2) Strengthening the US-Japanese alliance: the treaties concluded in

1951 became two solid strongholds for security not only in Japan, but also in the whole in East Asia [5].

- 3) Affirming a pacifist course: although Japan created Self-Defense Forces, her constitutional pacifism and rejection of offensive military power were retained. This made it possible to devote maximum resources to the development of economy and technology.
- 4) The formation of a unique foreign policy: the focus on “economic diplomacy” and the rejection of an active role in international military conflicts have become the hallmark of Japan.

The “Japanese Economic Miracle” is not just a set of statistics on GDP growth, but also the evidence of the nation’s incredible resilience, adaptability, and strategic thinking. It demonstrates how one can not only recover from a disaster, but also achieve unprecedented heights if there is a clear vision, coordinated efforts by government and business, as well as perseverance and a talented workforce. Although the “miracle” has ended, its lessons and contribution to the global economy continue to be relevant and valuable to this day. The Korean War, a tragic event for the Korean Peninsula, turned into a “tailwind” for Japan. She was not a direct participant in the fighting, but her geographical location and status as a controlled power made her an indispensable rear.

The “special purchases” provided the Japanese economy with a critical initial boost needed to break out of the post-war depression and begin rapid growth. At the same time, as a developing capitalist power, Japan saw the necessity to contain communism in the region. The prerequisite for that was a strong alliance with the United States. This strong alliance facilitated Japan’s economic progress. The country could easily pursue economic prosperity, provided that military expenditures were no longer a serious burden.

Thus, the Korean War became not just an external event, but also a determining factor that brought Japan out of the ruins of the war and set it on the path of global economic

dominance. The Korean War became one of the key events of the early Cold War period and was of tremendous importance for the geopolitical map of East Asia [15]. For Japan, which had barely recovered from the devastating effects of World War II and had been under US occupation, this conflict turned out to be unexpected, but truly fateful. It not only accelerated the country's path to sovereignty, but also served as a powerful catalyst for economic revival, laying the foundations for the subsequent "Japanese Economic Miracle".

References

1. *Boltho, A.* Was Japanese Growth Export-Led? // *Oxford Economic Papers*. — 1996. — Vol. 48. — No 3. — P. 415–432.
2. *Cohen, J.B.* Japan's Foreign Trade Problems // *Far Eastern Survey*. — 1952. — Vol. 21. — No 16. *Japan Faces the Future*. — P. 167–170.
3. *Dingman, R.* The Dagger and the Gift: The Impact of the Korean War on Japan // *The Journal of American-East Asian Relations*. — 1993. — Vol. 2. — No 1. *Special Issue: The Impact of the Korean War*. — P. 29–55.
4. *Gupta, K.* How Did the Korean War Begin? // *The China Quarterly*. — 1972. — No 52. — P. 699–716.
5. *Hara, K.* 50 Years from San Francisco: Re-examining the Peace Treaty and Japan's Territorial Problems // *Pacific Affairs*. — 2001. — Vol. 74. — No 3. — P. 361–382.
6. *Huong, H.T.M., Cuong, T.L.* Tác Động Của Chiến Tranh Triều Tiên 1950–1953 Đến Nhật Bản Và Quan Hệ Nhật – Mỹ Giai Đoạn 1951–1960 // *Vinh University Journal of Science*. — 2022. — Vol. 51. — No 2B. — P. 16-24 (in Vietnamese).
7. *Kim, N.G.* US-Japan Relations during the Korean War. — Denton, 1995. *Dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy*.
8. *Masuda, H.* Fear of World War III: Social Politics of Japan's Rearmament and Peace Movements, 1950-3 // *Journal of Contemporary History*. — 2012. — Vol. 47. — No 3. — P. 551–557.
9. *Okita, S.* Japan's Economy and the Korean War // *Far Eastern Survey*. — 1951. — Vol. 20. — No 14. — P. 141-144.
10. *Park, H.-K.* American Involvement in the Korean War // *The History Teacher*. — 1983. — Vol. 16. — No 2. — P. 249-263.
11. *Patrick, H., Rosovsky, H.* Asia's new giant: How the Japanese economy works. — Boston, MA: Brookings Institution, 1976.
12. *Rachek, S.V., Zhigalova, L.N.* Osmovnye tendentsii i osobennosti ispolzovaniya tekhnologii benchmarkinga // *Internet Journal "NAUKOVEDENIE"*. — 2016. — Vol. 8. — No 2. — URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/23EVN216.pdf> (accessed: 30/06/2025) (in Russian).
13. *Rios-Serrano, E.* An Economic Miracle in East Asia? The Case of Japan in the Post-War Period: Korean War Dichotomies and the Effect of Industrial Policies and Strong Fiscal Institutions as Causes for Long-Term Economic Development, Approaches to Sustained Prosperity from 1950 to the Present // *International Journal of Scientific and Research Publications*. — 2021. — Vol. 11. — No 3. — P. 47–55.
14. *Schaller, M.* The Korean War: The Economic and Strategic Impact on Japan, 1950–1953 // *The Korean War in World History*. — Lexington: University Press of Kentucky, 2004. — P. 145–176.
15. *Stueck, W.* The Korean War as International History // *Diplomatic History*. — 1986. — Vol. 10. — No 4. — P. 291–309.
16. *Wada, H.* The Korean War, Stalin's Policy, and Japan // *Social Science Japan Journal*. — 1998. — Vol. 1. — No 1. — P. 5–29.
17. *Weathersby, K.* The Soviet Role in the Early Phase of the Korean War: New Documentary Evidence // *The Journal of American-East Asian Relations*. — 1993. — Vol. 2. — No 4. — P. 425–458.

Д.А. Свищевдепутат Государственной Думы РФ,
кандидат педагогических наук,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

РОЛЬ СПОРТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИТИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ**D.A. Svishchev**Deputy of the State Duma of the Russian Federation,
PhD in Pedagogical Sciences,V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
economy.imc@gmail.com**ROLE OF SPORTS MANAGEMENT OF THE TERRITORY IN THE DEVELOPMENT OF YOUTH POLICY**

Аннотация. В статье рассматривается роль спортивного менеджмента в развитии молодежной политики на территориальном уровне. Автором актуализируется значимость спортивной составляющей в формировании качественного человеческого капитала нации. В условиях гибридных вызовов дополнительную важность приобретают мероприятия, связанные с прогрессивным развитием молодежи, которая является будущим нашей страны. Разработка и реализация спортивно-массовых проектов в области физической культуры способствуют росту вовлеченности молодежи в систему координат здорового образа жизни. Эффективное решение данной задачи должно стать одним из приоритетных направлений функционирования территориального менеджмента с учетом текущих особенностей социально-экономического развития подконтрольного пространства. Трансформационные процессы, происходящие в мире, связанные в первую очередь с глобализацией и цифровизацией, требуют рационального подхода к воспитанию молодого поколения в контексте национальной идентичности. Парадигма стратегического развития Российской Федерации в качестве одного из центральных моментов своей реализации избрала формирование здоровой нации. Действенное управление молодым поколением имеет крайне важное значение не только для социально-экономического развития страны, но и для сохранения необходимого уровня национальной безопасности в условиях существующих геополитических вызовов. В этой связи государственные органы власти прикладывают максимальные усилия для проведения результативной молодежной политики, основанной на вовлечении граждан в физкультурно-спортивное пространство.

Ключевые слова: молодежная политика, спортивный менеджмент, муниципальные проекты, физическая культура, спорт, здоровье нации.

Abstract. The article considers the role of sports management in the development of youth policy at the territorial level. The author actualizes the importance of the sports component in the formation of high-quality human capital of the nation. In the context of hybrid challenges, events related to the progressive development of young people, who are the future of our country, are of additional importance. The development and implementation of sports and mass projects in the field of physical culture contributes to the growth of youth involvement in the coordinate system of a healthy lifestyle. An effective solution to this problem should become one of the priority areas of functioning of territorial management, taking into account the current features of the socio-economic development of the controlled space. The transformation processes taking place in the world, primarily related to issues of globalization and digitalization, require a rational approach to the education of the younger generation in the context of the national identity. The paradigm of strategic development of the Russian Federation has chosen the formation of a healthy nation as one of the central points of its implementation. Effective management of the young generation is extremely important not only for the socio-economic development of the country, but also for maintaining the necessary level of national security in the context of existing geopolitical challenges. In this regard, state authorities make every effort to implement an effective youth policy based on involving citizens in the physical culture and sports space.

Key words: youth policy, sports management, municipal projects, physical culture, sports, health of the nation.

Развитие физкультурно-спортивного потенциала территории является залогом формирования здорового образа жизни населения страны. Важным аспектом социальной жизни общества являются физическая культура и спорт, которые при этом входят в систему нематериального производства и обеспечивают здоровое развитие нации в целом. В этой связи А.А. Корнев утверждает, что одним из видов деятельности человека, направленным на его развитие, являются физическая культура и спорт, которые способствуют совершенствованию личности и развитию его физического потенциала [10, с. 298]. С этих позиций особое значение приобретает создание механизмов и условий для развития физкультурно-спортивного потенциала на местном уровне, так как уровень муниципалитета из всех уровней власти наиболее близко соприкасается с гражданами страны.

Механизм управления физической культурой и спортом на современном этапе имеет ряд отличительных закономерностей, одной из которых, по мнению И.Н. Шемаева, является дифференциация [14, с. 40]. Раскрытие сущности данной закономерности производится в публикации А.В. Аверина [1, с. 12], который отмечает, что применение принципа дифференциации в управлении физической культурой и спортом ориентируется на создание комплексного механизма его развития на основе закономерностей менеджмента в условия развития конкретной спортивной организации.

В публикациях Р.М. Балакишиева [2, с. 23], М.А. Булавиной, С.А. Поповой, С.О. Новосельского [3, с. 58] и О.А. Колосовой в составе авторского коллектива [9, с. 1927] отмечается, что управление физико-культурным и спортивным потенциалом региона в условиях рыночной экономики ориентируется на использование следующих принципов:

- трансформация физической культуры и спорта в сферу услуг, реализуемых на коммерческой основе или предоставляемых за счет государственных средств, с целью повышения активности в физическом воспитании граждан;

- формирование механизмов, направленных на децентрализацию управления физической культурой и спортом в рамках регионального развития;
- создание правовых условий для развития большого количества организационных форм управления физической культурой и спортом;
- повышение экономической эффективности реализации мероприятий в области физической культуры и спорта.

* * *

Развитие физической культуры и спорта как объекта экономического управления способствует:

- повышению предпринимательской активности в системе управления физической культурой и спортом;
- увеличению количества частных объектов для занятия физической культурой и спортом, а также коммерциализации значительного числа инфраструктурных сооружений в данной области;
- расширению ассортимента и повышению качества услуг, предоставляемых населению в области физической культуры и спорта.

На основе анализа научного пространства можно выделить следующие базовые методы управления физической культурой и спортом в рамках муниципального менеджмента:

- организационно-стабилизирующие методы, которые направлены на создание механизмов дисциплинарного воздействия управляющей подсистемы на управляемую подсистему;
- распорядительные методы, которые направлены на управление текущей деятельностью в области спортивного менеджмента с целью решения основных тактических задач в рамках меняющейся внешней среды;
- административные методы, основанные на реализации государственных властных полномочий в области управления физической культурой и спортом;

— методы правового регулирования, включающие систему мер, направленных на развитие физической культуры и спорта, посредством нормативно-правового воздействия со стороны государства.

В таблице 1 представим варианты трактовки понятия «управление физической культурой и спортом».

Как отмечает В.С. Ставинская, управление физической культурой и спортом должно строиться на ряде основных принципов, которые представляют собой основные правила, которые применяют органы управления спортивными объектами и спортивной инфраструктурой региона при осуществлении своей деятельности [13, с. 100]. Перечень этих принципов представлен нами на рис. 1.

Реализация указанных принципов возможна при условии применения ряда методов управления физической культурой и спортом. В этой связи С.О. Новосельский и М.А. Булавина отмечают, что при управлении физической культурой и спортом в основном используются организационные методы управления, которые в свою очередь основываются на отношениях между органами управления и управляе-

мыми объектами в виде спортивных организаций, обществ и комитетов [11, с. 67].

При рассмотрении вопросов управления физической культурой и спортом как объекта муниципального менеджмента, пишут Е.А. Ветрова и другие члены авторского коллектива статьи, нельзя не уделить внимание структуре органов управления в данной области [4, с. 1800]. Основным органом, осуществляющим управление физической культурой и спортом на федеральном уровне, является Федеральное агентство Российской Федерации по физической культуре и спорту. Однако ключевой спецификой управления физической культурой и спортом является тесное взаимодействие федеральных, региональных и местных органов власти. В этой связи авторы Н.А. Гуныга и А.Ю. Любах [6, с. 30] и А.Л. Золкин и другие члены авторского коллектива публикации [8, с. 3190] отмечают, что на уровне муниципалитета управление физической культурой и спортом осуществляется специально созданными для этих целей структурными подразделениями администрации муниципального образования, которые решают вопросы в области управления физической культурой и спортом.

Таблица 1

**Трактовка понятия «управление физической культурой и спортом»
в публикациях различных авторов**

Автор [источник]	Сущность понятия	Ключевая дефиниция
Г.Ф. Галиуллина, Д.А. Туркина [5, с. 559]	Совокупность форм и методов, используемых для обеспечения поступательного развития отраслей физической культуры и спорта	Приемы и методы обеспечения поступательного развития
И.В. Енченко [7, с. 131]	Механизм удовлетворения потребностей граждан в физическом развитии и совершенствовании путем использования инструментов управления и создания условий для культурно-спортивной деятельности	Комплекс мер удовлетворения потребностей граждан в поступательном развитии физической культуры
И.Н. Селиверстова, М.В. Шакиров [12, с. 47]	Принципы формирования механизмов управления спортивными сооружениями и объектами физкультурной инфраструктуры для создания условий развития массового спорта и индивидуальных спортивных достижений	Принципиальные основы управления спортивными объектами и спортивной инфраструктурой
З.М. Янько, А.К. Крюков [15, с. 133]	Набор инструментов управленческой деятельности, механизмов государственного регулирования и финансирования отраслей физической культуры с целью удовлетворения потребностей граждан в занятии спортом	Механизмы государственного регулирования занятия физической культурой

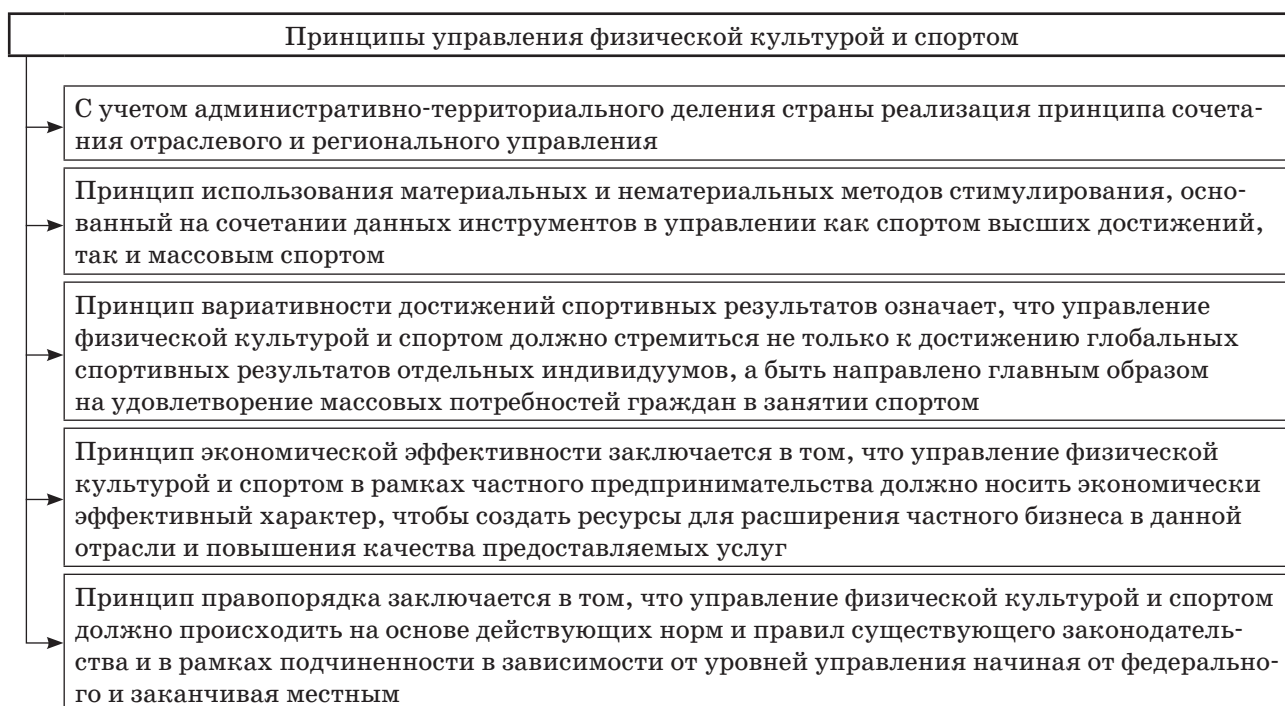

Рис. 1. Принципы управления физической культурой и спортом

Для качественного обоснования направлений оптимизации физкультурно-спортивной политики в системе муниципального менеджмента воспользуемся методикой SWOT-анализа, которая позволяет раскрыть сильные и слабые стороны, а также возможности и вероятностные угрозы. В таблице 2 отражены результаты обобщений и рекомендаций, сделанных в рамках SWOT-анализа физкультурно-спортивной политики муниципального образования.

По итогам проведенного SWOT-анализа физкультурно-спортивной политики можно выделить основные возможности для ее развития:

- рост финансового обеспечения физкультурно-спортивной политики, как за счет средств городского бюджета, так и за счет привлеченных ресурсов в формате концессионных соглашений и повышения интенсивности социальных инвестиций в рамках социально ответственного поведения корпораций;
- увеличение интенсивности проведения массовых физкультурно-спортивных мероприятий;
- увеличение вовлеченности молодежи в социальные и гражданские процессы;

— реализация фокусных муниципальных проектов, способствующих росту вовлеченности населения территории в физкультурно-спортивное пространство.

С учетом выделенных закономерностей для совершенствования молодежной политики территории предлагается провести реализацию муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм». С учетом сказанного на рис. 2 представим основные цели и задачи реализации муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм».

Проведенные социологические исследования подтвердили гипотезу о том, что основной группой риска для восприимчивости к пагубным привычкам является молодежь в возрасте от 14 до 17 лет. Таким образом, именно данная возрастная группа граждан станет целевой аудиторией для реализации данного проекта.

Реализация муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм» будет проходить в несколько основных этапов, которые сгруппированы нами в виде дорожной карты. Очередность алгоритма реализации мероприятий данного проекта имеет ключевое значение для достижения его основной цели и решения стоящих задач. В таблице 3 представим дорожную карту муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм».

Таблица 2

**SWOT-анализ физкультурно-спортивной политики
в системе муниципального менеджмента**

Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1) актуальность мероприятий физкультурно-спортивной политики для общественного развития; 2) наличие четких программных мероприятий реализации физкультурно-спортивной политики; 3) рост финансового обеспечения физкультурно-спортивной политики; 4) интенсивность проведения физкультурно-спортивных мероприятий; 5) увеличение вовлеченности населения в целом, и молодежи в частности, в физкультурно-спортивные процессы 	<ol style="list-style-type: none"> 1) снижение функциональных характеристик объектов физкультурно-спортивной индустрии; 2) недостаточный уровень вовлеченности молодежи в системное занятие спортом; 3) растущие потребности финансирования физкультурно-спортивной политики; 4) увеличение износа капитальных объектов физкультурно-спортивной инфраструктуры; 5) отсутствие масштабной пропаганды активного образа жизни и занятий спортом
Возможности	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1) интенсификация мероприятий физкультурно-спортивной политики; 2) повышение вовлеченности обучающихся в физкультурно-спортивное пространство; 3) формирование партнерского сотрудничества со спортивными федерациями и организациями; 4) активная пропаганда занятий спортом и физической культурой; 5) использование инновационных подходов для развития физической культуры и спорта 	<ol style="list-style-type: none"> 1) доминирование цифровых технологий в образе жизни молодежи; 2) дефицит квалифицированных специалистов в области реализации муниципальной физкультурно-спортивной политики; 3) рост пассивности и инертности молодежи; 4) сокращение финансовой поддержки проектов в области физкультурно-спортивной политики; 5) утрата профильных характеристик объектами физкультурно-спортивной инфраструктуры

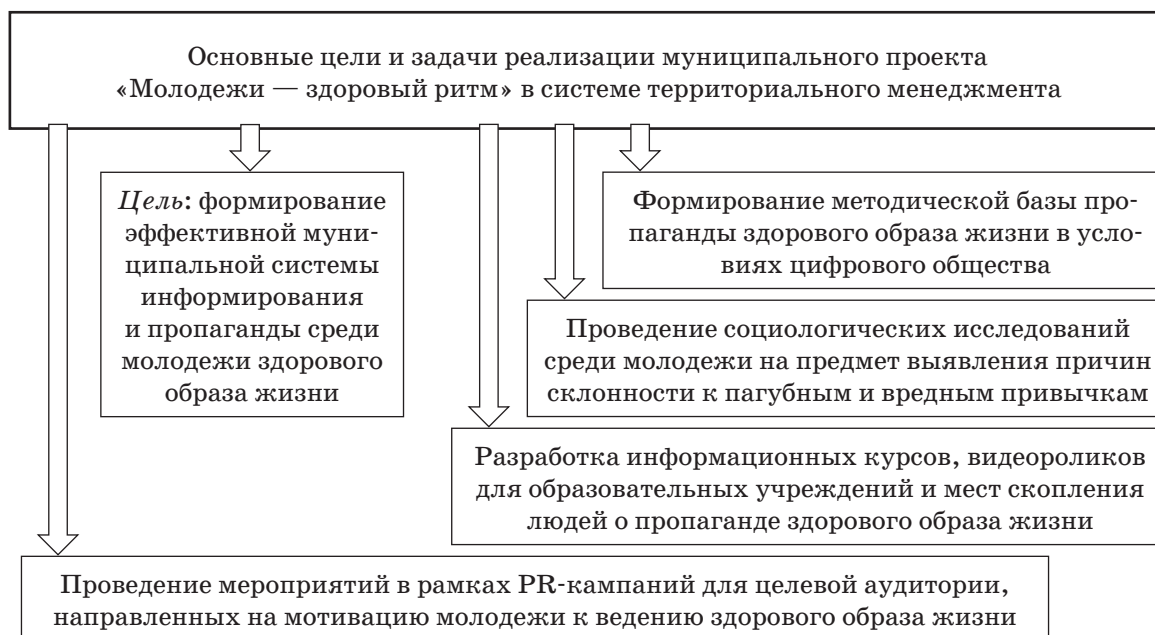

Рис. 2. Основные цели и задачи реализации
муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм»

Дорожная карта реализации муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм»

Наименование мероприятия	Период реализации	Ответственное лицо	Примечания и уточнения
Проведение социологических исследований среди молодежи на предмет выявления причин склонности к пагубным и вредным привычкам	Апрель-май 202X года	Руководитель территориального отдела по делам молодежи и спорта	Репрезентативная выборка для проведения опроса должна составлять не менее 1 000 человек
Формирование методической базы пропаганды здорового образа жизни в условиях цифрового общества	Июнь-июль 202X года	Руководитель территориального отдела по делам молодежи и спорта	Разработка и обоснование всего комплекса инструментов, которые в рамках цифрового общества могут быть использованы как инструмент пропаганды
Разработка информационных курсов, видеороликов для образовательных учреждений и мест скопления людей о пропаганде здорового образа жизни	Июль-август 202X года	Руководитель территориального отдела по делам молодежи и спорта	Создание интерактивных курсов пропаганды здорового образа жизни, запуск их в социальных сетях и на рекламных платформах города (билборды, супермаркеты, торговые центры)
Проведение мероприятий в рамках PR-кампаний для целевой аудитории, направленных на мотивацию молодежи к ведению здорового образа жизни	Сентябрь-октябрь 202X года	Руководитель территориального отдела по делам молодежи и спорта	Проведение мероприятий предусматривает как личную форму участия (при условии отсутствия карантина), так и интерактивную. Инструментами реализации должны стать: видеоконференции, круглые столы, ярмарки здоровья, интерактивные презентации и видеofilмы, деловые ролики, рекламные социальные посты

Важным замечанием является то, что проведение многих мероприятий допускается в интерактивной форме, без личного непосредственного участия.

Реализация муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм» будет способствовать получению определенных положительных эффектов, основные направления которых представим на рис. 3.

Перечень участников проекта имеет широкий масштаб охвата, основными представителями являются:

- служащие территориального отдела по делам молодежи и спорта, на которых возложены основные функции в области организаторов и модераторов проекта;
- волонтеры молодежных объединений и общественных организаций, которые способствуют продвижению идеалов здорового образа жизни в молодежную среду;

— представители территориальных учреждений образования, которые должны стать соучастниками данного проекта, так как основную его целевую аудиторию составляют их подопечные;

— представители бизнес-структур, общественники, которые должны предоставить медийное пространство для реализации информационного фона муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм».

В целом реализация предложенного муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм» будет способствовать формированию эффективной муниципальной системы информирования и пропаганды среди молодежи здорового образа жизни, что положительно скажется на ее прогрессивном развитии и на демографической ситуации в целом.

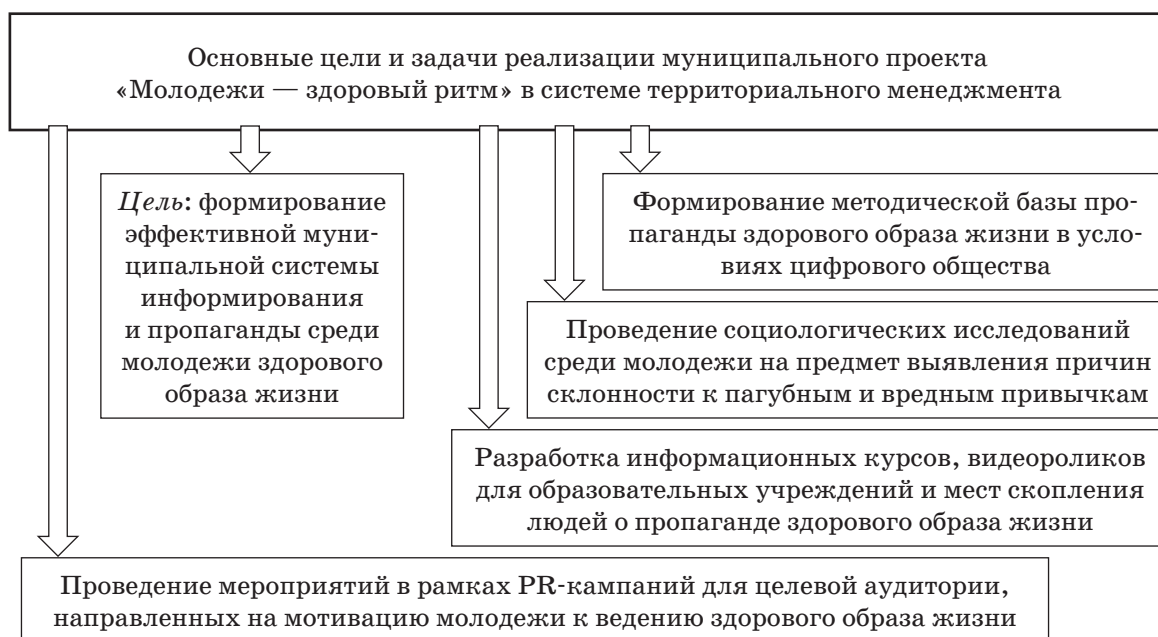

Рис. 3. Ожидаемые результаты реализации муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм»

Заключение

Стратегическим ресурсом нации является молодежь, от качества воспитания которой зависит развитие государства в перспективе. Весь социально-экономический потенциал будущего развития страны на данном этапе существования гражданского общества формируется в сознании нынешней молодежи. Существующая в России молодежная политика на данном этапе своего развития сильно трансформируется под воздействием огромного числа внешних факторов. Вариативность развития общественного сознания требует выстраивания системного подхода для управления молодежной средой, который позволит консолидировать и направить ее инициативы в русле национального прогресса и повышения уровня социально-экономического развития государства. Управление средой развития современной молодежи происходит на всех уровнях функционирования властной вертикали. Особое место в данном процессе принадлежит органам местного самоуправления. Именно на муниципальном уровне приобретают конкретную практическую форму все стратегические инициативы развития молодежной среды, обоснованные на федеральном и региональных уровнях. Органы местного самоуправления должны макси-

мально тщательно подходить к разработке и реализации программ в области молодежной политики с учетом динамичности развития внешней среды и общественных отношений. В работе для оптимизации управления физкультурно-спортивной составляющей молодежной политики предложена реализация муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм» в системе территориального менеджмента. Основной стратегической целью данного проекта является формирование в сознании молодежи понимания не только необходимости, но и значимости ведения здорового образа жизни. Элемент пропаганды в данном случае должен быть направлен на то, что ведение здорового образа — это не просто необходимость, но определенный статус благополучного и перспективного молодого человека. К числу основных ожидаемых результатов реализации муниципального проекта «Молодежи — здоровый ритм» отнесены: рост демографического потенциала, создание позитивного образа «здорового человека» и необходимости его развития, повышение числа молодежи, активно занимающейся спортом на постоянной основе, увеличение заинтересованности в творческом развитии и повышении личностной самооценки, рост вовлеченности молодежи в общественные объединения и волонтерские организации,

формирование у молодежи отрицательного отношения к вредным привычкам. Положительными генерируемыми эффектами в рамках проекта являются также укрепление здоровья населения территории, формирование комфортной среды для массового активного отдыха, повышение качества человеческого капитала, повышение вовлеченности населения в физкультурно-спортивные процессы.

Список литературы

1. *Аверин А.В.* Совершенствование механизмов управления спортивной инфраструктурой и спортивными сооружениями города Владивосток: проблемы и перспективы / А.В. Аверин, Ю.О. Иванова, Д.В. Микрюкова // Экономика устойчивого развития. — 2020. — № 2(42). — С. 10–14.
2. *Балакишиев Р.М.* Административные вызовы и проблемы развития физической культуры и спорта в городе Владимир // Мировая наука. — 2023. — № 9(78). — С. 22–25.
3. *Булавина М.А.* Зарубежный опыт молодежного предпринимательства в решении социально-экономических проблем / М.А. Булавина, С.А. Попова, С.О. Новосельский // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 3(40). — С. 57–65.
4. *Ветрова Е.А.* Реализация бюджетной политики России в условиях геополитических рисков / Е.А. Ветрова, С.О. Новосельский, Г.Р. Темижева, А.Л. Золкин, Н.А. Фоменкова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2025. — Т. 13. — № 9(62). — С. 1796–1809.
5. *Галиуллина Г.Ф.* Развитие системы управления физической культурой и спортом в городе Набережные Челны / Г.Ф. Галиуллина, Д.А. Туркина // Экономика и предпринимательство. — 2021. — № 2(127). — С. 558–560.
6. *Гуныга Н.Г.* Анализ реализации программы «развитие физической культуры и спорта. Молодежная политика в городе Севастополе» на 2017–2020 годы / Н.Г. Гуныга, А.Ю. Лябах // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. — 2021. — № 2(36). — С. 28–38.
7. *Енченко И.В.* Развитие физической культуры и спорта в городе Севастополь // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. — 2020. — Т. 5. — № 3. — С. 129–136.
8. *Золкин А.Л.* Управление миграционной политикой как фактор национальной безопасности / А.Л. Золкин, С.О. Новосельский, М.Н. Игнатова, А.Е. Терентьева, А.М. Михайлов // Вопросы политологии. — 2024. — Т. 14. — № 9 (109). — С. 3183–3196.
9. *Колосова О.А.* Роль бренда в региональном менеджменте / О.А. Колосова, А.В. Шленко, О.Л. Бегичева, А.Л. Золкин, С.О. Новосельский // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13. — № 10 (63). — С. 1921–1933.
10. *Корнев А.А.* Анализ состояния отрасли физической культуры и спорта в муниципальном образовании г. Краснодар / А.А. Корнев, Н.Н. Качулина // Молодые — науке. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых. — М., 2023. — С. 297–301.
11. *Новосельский С.О.* Сущность и особенности функционирования системы социального партнерства в рамках модели корпоративной социальной ответственности / С.О. Новосельский, М.А. Булавина // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 2(39). — С. 66–70.
12. *Селиверстова И.Н.* Физкультурно-спортивная работа по месту жительства в городе Челябинске / И.Н. Селиверстова, М.В. Шакирова // Научно-спортивный журнал. — 2023. — Т. 1. — № 2. — С. 45–48.
13. *Ставинская В.С.* Характеристика управления в сфере физической культуры и спорта в городе Балашиха // Мировые тенденции развития науки и техники: пути совершенствования. Материалы X Международной научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 99–102.
14. *Шемаев И.Н.* Эволюция цифровой трансформации в области физической культуры и спорта в Санкт-Петербурге // StudNet. — 2022. — Т. 5. — № 5. — С. 39–45.
15. *Янько З.М.* Развитие системы управления физической культурой и спортом в городе Москве / З.М. Янько, А.К. Крюков // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе. Материалы VII Международной научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 133–135.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-348-104-114
УДК 332.1

А.В. Шлеенко

кандидат экономических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет, Курск

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

И.А. Рашидова

кандидат экономических наук, доцент,
Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса, Курск

О.И. Рашидов

кандидат экономических наук, доцент,
Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса, Курск

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ

A.V. Shleenko

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
South-West State University, Kursk
shleenko77@mail.ru

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow
nsvyatoslav@yandex.ru

I.A. Rashidova

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Kursk Institute of Management, Economics and Business, Kursk
rashidovaia@mail.ru

O.I. Rashidov

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Kursk Institute of Management, Economics and Business, Kursk
oleg-rashidov@yandex.ru

MANAGEMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN THE REGION

Аннотация. В статье конкретизируются отдельные аспекты управления развитием малого и среднего предпринимательства (МСП) на основе расширения потенциала инфраструктурной поддержки. Авторы заявляют, что в условиях существующего системного финансово-экономического кризиса в экономике России особая роль отводится МСП, так как именно предприятия данной категории должны стать драйвером для выхода отечественной экономики из сложившейся негативной ситуации. Основным преимуществом МСП является высокий уровень их предпринимательской гибкости, то есть способность подстраиваться под вариативные изменения внешней среды. Если для предприятий крупного бизнеса сложно изменить вектор своего коммерческого или производственного развития, то для малого предприятия это не является сложной задачей. Значимость развития МСП в системе социально-экономического функционирования региона трудно переоценить, так как именно оно является основным драйвером экономического роста территории. В этой связи региональные органы власти при формировании комплексных программ социально-экономического развития территории стремятся уделить существенное внимание аспектам повышения эффективности функционирования предприятий МСП. Дополнительную значимость развитие МСП для функционирования социально-экономической системы региона имеет и как источник поступления налоговых платежей, которые являются способом пополнения бюджета. Высокий уровень активности МСП в регионе решает ряд

проблем на рынке труда, так как существенная часть населения занята в релевантных бизнес-процессах. Увеличение деловой активности МСП положительно сказывается на уровне жизни региона, так как способствует росту доходов домашних хозяйств. Таким образом, расширение потенциала МСП является не только существенным фактором повышения уровня социально-экономического развития региона, но и источником роста благосостояния его населения, что требует качественной проработки инструментов релевантной инфраструктурной поддержки на всех уровнях власти.

Ключевые слова: малый бизнес, малое и среднее предпринимательство, региональная экономика, государственное регулирование, управление, предпринимательская активность.

Abstract. The article specifies certain aspects of managing the development of small and medium-sized businesses (SMEs) based on expanding the potential of infrastructure support. The authors state that in the context of the current systemic financial and economic crisis in the Russian economy, a special role is given to SMEs, since it is the enterprises of this category that should become the driver for the domestic economy to emerge from the current negative situation. The main advantage of SMEs is their high level of entrepreneurial flexibility, that is, the ability to adapt to variable changes in the external environment. If it is difficult for large businesses to change the vector of their commercial or industrial development, for a small enterprise this is not a difficult task. The importance of SME development in the system of socio-economic functioning of the region can hardly be overestimated, since they are the main driver of economic growth in the territory. In this regard, when forming comprehensive programs for the socio-economic development of the territory, regional authorities always strive to pay significant attention to aspects of increasing the efficiency of SMEs. The development of SMEs for the functioning of the socio-economic system of the region is also of additional importance as a source of tax payments, which in turn are a way to replenish the budget. The high level of SME activity in the region solves a number of problems in the labor market, since a significant part of the population is engaged in relevant business processes. The increase in SME business activity has a positive effect on the standard of living in the region, since it contributes to the growth of household income. Thus, the expansion of SME potential is a significant factor in increasing not only of the level of socio-economic development of the region, but also a source of growth in the well-being of its population, which requires high-quality development of relevant infrastructure support tools at all levels of government.

Key words: small business, small and medium entrepreneurship, regional economy, government regulation, management, entrepreneurial activity.

Значимость развития МСП отмечает огромный числом авторов [2, с. 227; 4, с. 58; 14, с. 135], которые в своих публикациях аргументируют мнение о том, что без создания условий для прогрессивного развития МСП невозможно достичь высоких темпов роста показателей функционирования социально-экономической системы на региональном уровне. Значимость прогрессивного функционирования предприятий МСП для развития региональной социально-экономической системы носит многоаспектный и разноплановый характер. С.С. Балоян и А.Е. Сенникова считают необходимым в первую очередь обратить внимание на экономические эффекты, которые могут быть сформированы в региональной экономической системе за счет поступательного развития МСП [1, с. 490]. Среди основных экономических эффектов,

которые может получить региональная социально-экономическая система за счет развития МСП, необходимо выделить следующие:

- расширение уровня материальной и инвестиционной базы в экономике региона. Развитие МСП ведет к росту производственной базы в рамках экономической системы региона, в том числе за счет инвестиций организаций данного типа в расширение собственной материальной и производственной структуры и инфраструктуры с целью роста предпринимательской активности и делового потенциала;
- увеличение налоговых поступлений в бюджетную систему региона за счет роста налогооблагаемой базы по региональным налогам и расши-

рения предпринимательской активности в системе коммерческого и делового оборота;

- рост инвестиционной привлекательности региональной экономической системы для сторонних инвесторов и более крупных предприятий за счет улучшения общего положительного экономического фона, деловой активности и оборачиваемости инвестиционных вложений;
- повышение общего уровня деловой активности в рамках данного региона, что служит катализатором для активизации всех основных финансово-экономических процессов.

Помимо экономических эффектов развитие МСП способствует решению ряда социальных проблем, обеспечивающих снижение уровня социальной напряженности и поддержание устойчивости социальной структуры общества в регионе. К числу авторов, которые раскрывают в своих работах ключевые социальные эффекты, возникающие в результате активизации развития предприятий МСП в региональном масштабе, можно отнести М.А. Булавину [5, с. 70] и Р.В. Олехновича [15, с. 81]. В научных трудах указанных авторов раскрывается сущность следующих социальных эффектов, которые образуются в масштабе региона в результате прогрессивного развития предприятий МСП:

- образование новых рабочих мест и рост уровня самозанятости населения территории. За счет развития МСП в масштабах региона происходит в первую очередь расширение уровня самозанятости населения территории. Граждане используют свою предпринимательскую активность, сами создают малые предприятия и снижают нагрузку на рынок труда. Предприятия среднего бизнеса имеют возможность обеспечить рабочими местами не только своих собственников и учредителей, но и дополнительных сотрудников, что также способствует росту уровня занятости населения в регионе;
- повышение уровня средних доходов населения региона. Очевиден тот факт, что люди «работающие на

себя», осуществляют свою трудовую деятельность с большим энтузиазмом и качеством, что приводит к росту финансовых результатов по её результатам. В этой связи граждане, осуществляющие свою качественную трудовую деятельность на предприятиях МСП, имеют возможность получать доходы выше среднего уровня, что приводит к росту общего уровня благосостояния населения в масштабах региона;

- несмотря на то что предпринимательская деятельность осуществляется «на свой страх и риск» и «не гарантирует прибыль», при определенных условиях с экономической точки зрения предприятия МСП социально более защищены от внешних потрясений, так как, с одной стороны, могут просчитать возможные потенциальные риски, а с другой стороны, деятельность предприятий МСП носит весьма гибкий характер и может варьировать с учетом изменения факторов внешней среды.

Важная роль предприятиям МСП отводится и в процессе развития инновационного потенциала региона. По мнению С.А. Поповой и А.В. Русавской [17, с. 270], предприятия МСП способны стать драйвером для повышения уровня инновационной активности в региональной экономической системе. Их значимость в решении данного вопроса определяется тем фактом, что более крупные предприятия являются менее гибкими и менее восприимчивыми к внедрению инновационных процессов, идей и технологий. В свою очередь, предприятия МСП быстро могут внедрить инновационные идеи, технологии и проекты в свой контур управления и производственный цикл. Кроме того, для реализации инновационного проекта в рамках предприятий МСП существенно сокращается срок коммерциализации инноваций и повышается уровень инвестиционной отдачи от данного мероприятия.

Результаты и обсуждение

Инфраструктура поддержки МСП в наиболее общем виде представляет со-

бой систему структур, объектов и организаций, обслуживающих деятельность предприятий МСП с целью повышения результативности их функционирования. В таблице 1 представим ключевые дефиниции и сущностные характеристики понятия «инфраструктурная поддержка МСП».

Задачей органов региональной власти является обеспечение механизма качественного функционирования инфраструктуры поддержки МСП. По мнению О.Б. Репкиной и А.В. Русавской, формирование качественного механизма функционирования ин-

фраструктуры поддержки МСП возможно только при условии тщательного исследования потребностей и проблем коммерческой деятельности организаций данного типа, а также регулярного мониторинга показателей и результатов их развития в рамках региональной социально-экономической системы [19, с. 101]. По итогам реализации данных мероприятий региональные органы власти должны выработать стратегические, тактические и оперативные цели и направления функционирования инфраструктуры поддержки МСП.

Таблица 1

Ключевые дефиниции и сущностные характеристики понятия «инфраструктура поддержки МСП» в трактовке разных авторов

Автор [источник]	Сущность понятия	Ключевая дефиниция
С.Г. Борисова [3, с. 65]	Инфраструктура поддержки МСП — комплекс организаций и учреждений, основной целью которых является создание благоприятных условий для качественного развития МСП в рамках той или иной территории	Организации и учреждения, функционирующие для улучшения развития организаций МСП
А.О. Карева [8, с. 55]	Инфраструктура поддержки МСП — созданный государственными органами механизм, направленный на формирование благоприятной социально-экономической и административной среды эволюционного развития предприятий МСП	Механизм создания благоприятной среды для развития МСП
Э.М. Кариева, А.И. Иванов, С.А. Зеленина [9, с. 23]	Инфраструктура поддержки МСП — совокупность программно-целевых мероприятий федерального и регионального уровня, реализуемых соответствующими организациями для поддержания устойчивости функционирования организаций МСП	Комплекс программно-целевых мероприятий по развитию МСП
О.А. Колосова, А.В. Шлеенко, О.Л. Бегичева, А.Л. Золкин, С.О. Новосельский [10, с. 1927]	Инфраструктура поддержки МСП — определенная совокупность государственных и негосударственных учреждений, способствующих повышению социально-экономического потенциала МСП	Государственные и негосударственные учреждения, помогающие расширению предпринимательского потенциала МСП
С.Н. Орлов, Ю.В. Федотова [16, с. 30]	Инфраструктура поддержки МСП — система структур, объектов и организаций, обслуживающих деятельность предприятий МСП с целью повышения результативности их функционирования	Группы организаций, обслуживающих поступательное развитие предприятий МСП

Значение создания качественной и, главное, результативной инфраструктуры поддержки развития МСП проявляется в следующих аспектах:

- инфраструктура поддержки развития МСП способствует преодолению организационных и правовых

дефектов в процессе функционирования организаций данного типа. В данном ракурсе особенно существенным представляется преодоление данных дефектов при осуществлении процедур образования предприятий МСП, что должно най-

- ти своё отражение в снижении административных барьеров для «ново-рожденных» компаний;
- особое значение деятельность организаций инфраструктуры поддержки предприятий МСП имеет для создания благоприятной среды их текущего функционирования и ведения предпринимательской деятельности. Создание благоприятной среды имеет многоаспектный характер, но должно быть направлено на увеличение коммерческого и финансово-экономического потенциала предприятий МСП, что, безусловно, положительно скажется на повышении уровня социально-экономического развития любой региональной системы;
 - использование ресурсов инфраструктуры поддержки МСП должно быть направлено на рост инвестиционного потенциала предприятий МСП, а также на повышение уровня коммерциализации инноваций. Высокая значимость инфраструктуры поддержки МСП в указанном контексте определяется прежде всего тем, что организации данной категории не обладают существенным объемом собственных финансовых ресурсов и для осуществления расширенного производства за счет реализации инвестиционных проектов им необходимо привлекать заемные источники финансирования. Привлечение заемных источников финансирования со стороны организаций кредитно-банковского сектора для предприятий МСП является весьма проблематичным по причине их низкого уровня кредитоспособности для финансовых учреждений. В этот момент и должна проявляться роль инфраструктуры поддержки МСП, отдельные институты которой должны стать гарантами при выдаче кредитных ресурсов перед кредитно-банковскими учреждениями;
 - важная роль институтам инфраструктуры поддержки МСП отводится в процессе осуществления проектного финансирования и реализации

механизма государственно-частного партнерства. Именно институты инфраструктуры поддержки МСП должны обеспечить приток инвестиционных и финансовых ресурсов со стороны государственных источников для реализации наиболее актуальных для развития региона проектов под инициативой организаций МСП;

- в условиях вариативности рыночной конъюнктуры в стране и колебаний спроса и предложения на тех или иных сегментах рынка именно деятельность институтов инфраструктуры поддержки МСП должна быть направлена на поддержание устойчивости, а в некоторых случаях и «спасение» организаций МСП, которые в перспективе могут оказать существенное положительное влияние на развитие экономического потенциала региона и решение ряда его социальных задач.

Основными показателями роста результативности функционирования МСП являются критерии увеличения общего уровня их совокупного финансового результата, прирост инвестиций в основной капитал, увеличение совокупной величины капитала, расширение производственной базы и коммерческого оборота. На рисунке 1 представим направления инфраструктурной поддержки предприятий МСП.

С учетом взглядов А.Е. Муратовой и И.Ю. Поспеловой [12, с. 55] и Р.Р. Рахимова [18, с. 290] тактические цели функционирования инфраструктуры поддержки МСП должны, с одной стороны, дополнять и конкретизировать её стратегические цели, а с другой — быть ориентированы на среднесрочную перспективу их реализации. В частности, важным инструментом обеспечения роста численности организаций МСП является снижение административных барьеров как для создания новых малых предприятий, так и для вхождения организаций данного типа в те или иные сегменты рынка. Вторым условием достижения стратегической цели в виде обеспечения роста численности предприятий МСП является создание благоприятной рыночной конъюнктуры.

Для расширения своей коммерческой деятельности предприятия МСП обращаются в коммерческие банки или другие финансово-кредитные институты, но часто получают там отказ. Причиной отказа в основном является низкий уровень потенциальной кредитоспособности представителей МСП. В данном ракурсе основной тактической целью функционирования инфраструктуры поддержки МСП является обеспечение

максимальной доступности кредитных ресурсов для организаций данного типа. Инструментом решения данной проблемы является предоставление гарантий со стороны уполномоченных институтов инфраструктуры поддержки МСП с целью роста уровня кредитоспособности организаций МСП.

На рисунке 2 отражены концептуальные цели функционирования инфраструктурной поддержки МСП.

Рис. 1. Направления инфраструктурной поддержки предприятий МСП

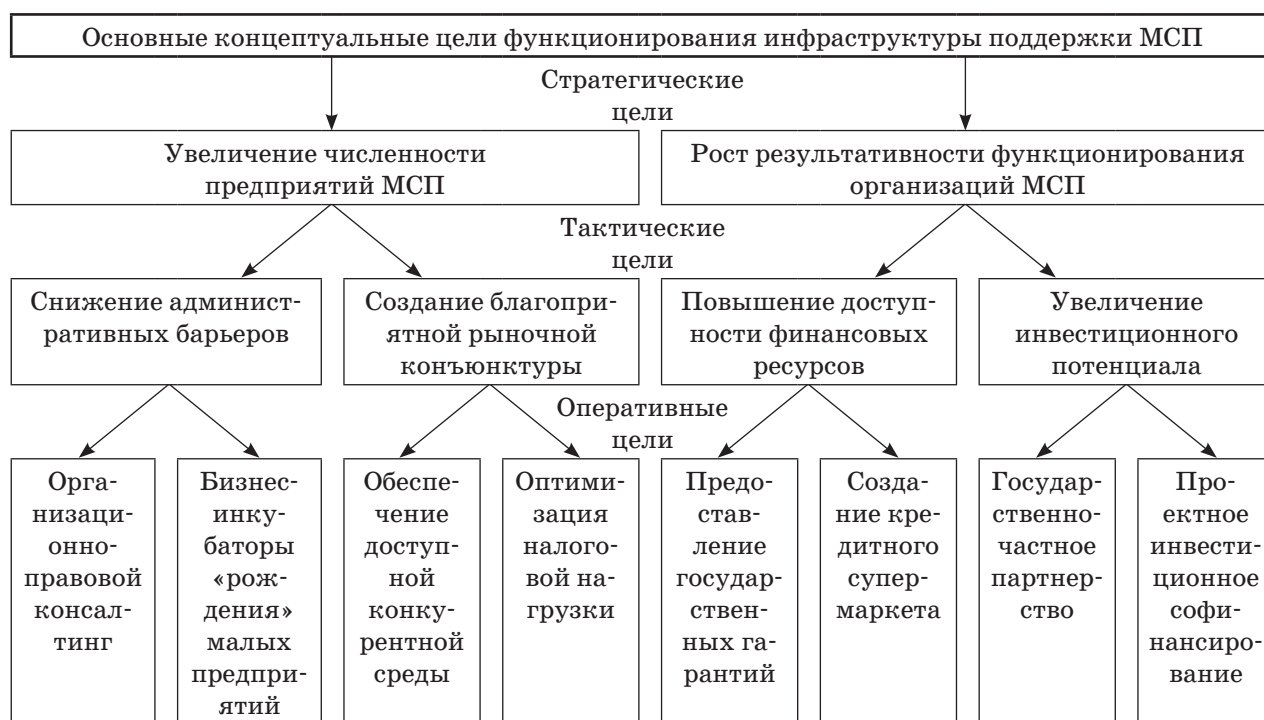

Рис. 2. Основные концептуальные цели функционирования инфраструктуры поддержки МСП

При формировании концептуального подхода функционирования инфраструктуры поддержки МСП необходимо выделить основные принципы, которыми должны руководствоваться органы регио-

нальной государственной власти при активации данного механизма. Ряд авторов [7, с. 3185; 11, с. 7] отмечают, что основным принципом, на который должны опираться региональные органы власти при по-

строении качественной инфраструктуры поддержки МСП в регионе, является принцип адресности. Суть принципа адресности в данном контексте состоит в том, что действия и мероприятия, осуществляемые институтами инфраструктуры поддержки МСП, должны «доходить» непосредственно до своих «получателей», то есть до организаций МСП. В целях реализации данного принципа институтами инфраструктуры необходимо четко понимать потребности МСП, те области их развития, в которых необходимо оказывать поддержку и своевременно проводить мероприятия в этих направлениях.

Относительно схожим по содержанию с предыдущим принципом функционирования инфраструктуры поддержки МСП и в некоторых аспектах дополняющим его является принцип коммуникативности. Специфика адаптации и принципы коммуникативности в процессе построения качественной инфраструктуры поддержки МСП в определенных направлениях исследуются в работах [6, с. 233; 13, с. 1]. Обобщая их, можно отметить, что сущность принципа коммуникативности состоит прежде всего в построении тесной взаимосвязи между организациями МСП и институтами инфраструктуры поддержки МСП. В этой связи важно понимать, что данная связь должна носить как прямой, так и обратный характер. Институты инфраструктуры поддержки МСП при формировании региональных программ развития организаций МСП должны учитывать запросы и потребности именно этих предприятий, а не руководствоваться общими представлениями о конъюнктурной ситуации в данной области социально-экономического развития региона. Для этого необходимо проводить регулярные опросы представителей МСП, форумы, конгрессы, конференции, круглые столы, посвященные проблемам развития данных субъектов региональной социально-экономической системы. И только по итогам указанных мероприятий необходимо определять основные ориентиры и ключевые точки роста повышения результативности функционирования организаций МСП за счет деятельности институтов инфраструктуры поддержки МСП.

Достижение высокого уровня результативности функционирования институтов инфраструктуры поддержки МСП невозможно без использования принципа научности, что должно находиться в основе построения качественного механизма функционирования инфраструктуры поддержки МСП. Сущность принципа научности в данном ракурсе состоит прежде всего в том, что разработка программ развития и поддержки организаций МСП со стороны институтов инфраструктуры должна происходить строго на научной основе, при использовании научных методов координации, обоснования, планирования и мониторинга. Примером использования принципа научности в процессе построения качественного механизма функционирования инфраструктуры поддержки МСП является проведение мониторинга текущих показателей развития организаций МСП в рамках региональной социально-экономической системы, а также обоснование будущих тенденций их развития на среднесрочную перспективу. Результаты выполнения данных исследований ложатся в основу как разработки программ развития МСП в регионе, так и формирования стратегических и тактических целей деятельности институтов инфраструктурной поддержки.

Авторским коллективом также отмечается неизбежность использования принципа индикативности для обеспечения результативности функционирования институтов инфраструктуры поддержки МСП. Использование принципа индикативности подразумевает под собой прежде всего учет интересов и мнений самих представителей МСП относительно направлений необходимой им инфраструктурной поддержки. На основе данной позиции происходит выработка программ и направлений деятельности институтов инфраструктуры поддержки МСП с целью обеспечения поступательных тенденций их развития в рамках социально-экономической системы региона.

Использование принципа системности также является ключевым элементом построения эффективного механизма функционирования институтов инфраструктуры поддержки МСП. Суть и значимость использования принципа системности

для обеспечения поступательного развития МСП рассматриваются в исследовании И.Н. Сайтова [20, с. 153], где отмечается, что для построения результативного механизма функционирования институтов инфраструктуры поддержки МСП необходимо, чтобы все компоненты данного механизма действовали как единое целое, находились в системе и были подчинены общей цели в виде создания максимально благоприятного режима для обеспечения посту-

пательного развития организаций МСП. Если какой-либо элемент функционирования данной системы будет выбиваться из цепочки причинно-следственных связей, то это существенно отразится на качестве функционирования механизма инфраструктурной поддержки МСП.

На рисунке 3 представим основные принципы функционирования инфраструктуры поддержки МСП на региональном уровне.

Рис. 3. Основные принципы функционирования инфраструктуры поддержки МСП на региональном уровне

В рамках представленной на рис. 3 системы принципов функционирования инфраструктуры поддержки МСП на региональном уровне необходимо также обратить внимание на принцип итеративности. Его значение для построения качественного механизма функционирования институтов инфраструктуры поддержки МСП состоит прежде всего в том, что он позволяет наметить определенные контрольные точки мониторинга прогрессивности развития организации МСП и с учетом показателей в данных контрольных точках производить корректировку тактических и оперативных инструментов и программных мероприятий в рамках функционирования институтов инфраструктуры. Принцип итеративности требует регулярной перепроверки результатов деятельности институтов инфраструктуры поддержки МСП с целью оптимизации

их тактических программ по поддержки организаций МСП. При этом для формирования контрольных точек итеративного механизма деятельности институтов инфраструктуры поддержки МСП необходимо выбрать определенный перечень количественных и качественных показателей в зависимости от того или иного направления функционирования инфраструктурного института.

При разработке программ развития МСП на региональном уровне нельзя забывать и об их бюджетной эффективности. Использование принципа бюджетной эффективности при формировании качественного механизма функционирования институтов инфраструктуры поддержки МСП считают необходимым применять С.С. Балоян и А.Е. Сенникова [1, с. 492], С.Г. Борисова [3, с. 70], Э.М. Кариева, А.И. Иванов и С.А. Зеленина [9, с. 25].

Сущность данного принципа в наиболее простом виде состоит в том, что расходы, аккумулированные региональной бюджетной системой для обеспечения качественного функционирования институтов инфраструктуры поддержки МСП, должны быть существенно меньше того положительного социально-экономического эффекта, который должна получить региональная система по итогам создания условий для поступательного развития организаций МСП. Таким образом, использование бюджетных источников финансирования программ развития МСП в рамках деятельности институтов инфраструктурной поддержки должно принести максимальный эффект и обеспечить повышение уровня социально-экономического развития региона.

Выводы

Таким образом, по итогам проведенных исследований можно сделать вывод о том, что предприятия МСП играют существенную роль в обеспечении положительных темпов роста уровня социально-экономического развития региона. В этой связи в первую очередь региональные органы власти должны обеспечить условия по расширению коммерческого потенциала и повышению численности организаций МСП. Прогрессивное развитие организаций МСП обеспечивает формирование широкого круга социальных и экономических эффектов в рамках функционирования региональной социально-экономической системы, что положительно сказывается на повышении уровня жизни и благосостояния населения территории. Одним из ключевых инструментов создания условий для прогрессивного развития организации МСП является использование механизма их инфраструктурной поддержки. Наличие высокого уровня коммерческой гибкости определяет высокий уровень актуальности развития предприятий МСП для эффективного функционирования экономической системы. Коммерческая гибкость предприятий МСП проявляется прежде всего в способности подстраиваться под изменения рыночной конъюнктуры и быстро реагировать на изменения существующей

рыночной ситуации, колебания спроса и предложения. Данные качества МСП особенно ценны на региональном уровне, когда необходимо быстро реагировать на изменения спроса и предложения с целью варьирования коммерческой направленности своей деятельности. На местном уровне роль предприятий МСП особенно важна, так как они в первую очередь создают рабочие места для жителей данной территории и способствуют развитию высокого уровня экономической активности у населения. В статье раскрывается перечень направлений, которые отражают высокий уровень значимости и актуальности деятельности предприятий МСП для функционирования социально-экономической системы на местном уровне. К числу таких направлений авторы относят в первую очередь следующие:

- предприятия МСП создают дополнительные рабочие места для населения;
- они способны быстро реагировать на изменения в конъюнктуре спроса и предложения и менять уровень направленности своей коммерческой деятельности, что обеспечивает высокий уровень их устойчивости в условиях финансово-экономического кризиса в стране;
- предприятия МСП являются плательщиками налогов, часть из которых поступает в региональный и местный бюджеты, а затем используется для роста уровня социально-экономического развития территории;
- деятельность МСП повышает общий уровень коммерческой и деловой активности, что ведет к росту инвестиционной активности на микроуровне, но при этом способствует развитию отдельных мелких отраслей муниципальной экономической системы;
- предприятия МСП в рамках своей коммерческой деятельности заполняют те ниши функционирования муниципальной экономической системы, которые недостижимы или экономически не целесообразны для средних и крупных предприятий;

— деятельность предприятий МСП зачастую приносит их владельцам определенный доход, величина которого выше среднего по муниципальному образованию, что ведет к росту общего уровня благосостояния в рамках данной территории.

В целом представленный перечень пунктов говорит о существенной значимости и актуальности развития предприятий МСП для экономической системы на региональном уровне. Дополнительную значимость развитие МСП для функционирования социально-экономической системы муниципального образования имеет и как источник поступления налоговых платежей, которые, в свою очередь, являются источником финансирования ряда муниципальных программ развития территории.

Список литературы

1. *Балоян С.С.* Анализ развития малого и среднего бизнеса в экономике России / С.С. Балоян, А.Е. Сенникова // *Инновации. Наука. Образование.* — 2021. — № 33. — С. 489–494.
2. *Бархатов В.И.* О развитии малого и среднего бизнеса сельских территорий / В.И. Бархатов, Д.С. Бенц // *Вестник Челябинского государственного университета.* — 2022. — № 6(464). — С. 224–234.
3. *Борисова С.Г.* Оценка состояния и динамики развития малого и среднего бизнеса Воронежской области // *Вестник Воронежского института высоких технологий.* — 2023. — № 1(44). — С. 63–71.
4. *Булавина М.А.* Зарубежный опыт молодежного предпринимательства в решении социально-экономических проблем / М.А. Булавина, С.А. Попова, С.О. Новосельский // *Вестник Университета мировых цивилизаций.* — 2023. — Т. 14. — № 3(40). — С. 57–65.
5. *Булавина М.А.* Зарубежный опыт развития малого и среднего бизнеса / М.А. Булавина, С.А. Попова, С.О. Новосельский // *Вестник Университета мировых цивилизаций.* — 2023. — Т. 14. — № 4(41). — С. 69–78.
6. *Булавина М.А.* Наука и образование в России и Донбассе: сравнительно-правовой анализ и перспективы сотрудничества / М.А. Булавина, С.О. Новосельский // *Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции.* — Материалы международной научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 230–234.
7. *Золкин А.Л.* Управление миграционной политикой как фактор национальной безопасности / А.Л. Золкин, С.О. Новосельский, М.Н. Игнатова, А.Е. Терентьева, А.М. Михайлов // *Вопросы политологии.* — 2024. — Т. 14. — № 9(109). — С. 3183–3196.
8. *Карева А.О.* Поддержка малого и среднего бизнеса в целях устойчивого развития России // *Страховое право.* — 2022. — № 2(95). — С. 52–61.
9. *Кариева Э.М.* Анализ развития проблем развития малого и среднего бизнеса в Пермском крае / Э.М. Кариева, А.И. Иванов, С.А. Зеленина // *Финансовый бизнес.* — 2024. — № 8(254). — С. 21–25.
10. *Колосова О.А.* Роль бренда в региональном менеджменте / О.А. Колосова, А.В. Шлеенко, О.Л. Бегичева, А.Л. Золкин, С.О. Новосельский // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений.* — 2024. — Т. 13. — № 10(63). — С. 1921–1933.
11. *Махмудов С.В.* О развитии малого и среднего бизнеса: меры поддержки и их воздействие на экономическое развитие // *Студенческий.* — 2024. — № 2-6(256). — С. 5–8.
12. *Муратова А.Е.* Проблемы современного развития малого и среднего бизнеса в строительной отрасли / А.Е. Муратова, И.Ю. Поспелова // *Проблемы развития экономики и предпринимательства. Сборник научных трудов XVIII всероссийской научно-практической конференции.* — 2021. — С. 55–59.
13. *Новосельский С.О.* Оценка политической активности российских избирателей / С.О. Новосельский, Н.Ю. Босердт, В.А. Халина // *Политика, экономика и инновации.* — 2017. — № 1(11). — С. 1.
14. *Новосельский С.О.* Цифровые технологии как инструмент расширения потенциала маркетинговой политики / С.О. Новосельский, О.А. Колосова, А.Л. Золкин // *Финансовый менеджмент.* — 2024. — № 10. — С. 131–140.
15. *Олехнович Р.В.* Проблемы развития малого и среднего бизнеса в России // *Экономика и бизнес: теория и практика.* — 2022. — № 12-2(94). — С. 80–83.
16. *Орлов С.Н.* Проблемы развития малого и среднего бизнеса в условиях динамичного развития / С.Н. Орлов, Ю.В. Федотова // *Управление в современных системах.* — 2020. — № 1(25). — С. 27–34.

17. *Попова С.А.* Развитие экономики регионов России на основе институциональных финансово-кредитных факторов / С.А. Попова, А.В. Русавская // Финансовый менеджмент. — 2024. — № 7. — С. 268–276.
18. *Рахимов Р.Р.* Развитие малого и среднего бизнеса как инструмент управления социально-экономическим развитием региона // Анализ состояния и перспективы развития экономики России. Материалы VI Всероссийской молодежной научно-практической конференции (с международным участием). — Иваново, 2022. — С. 288–290.
19. *Репкина О.Б.* Социальная ответственность бизнеса в сложившихся экономических условиях / О.Б. Репкина, А.В. Русавская // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 99–103.
20. *Саитов И.Н.* Развитие малого и среднего бизнеса в регионах как основы для развития страны в целом // Russian Economic Bulletin. — 2024. — Т. 7. — № 5. — С. 151–155.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Университета мировых цивилизаций» рассматривает присланные материалы по тематике журнала с целью возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой «статья принята к публикации в журнале «Вестник Университета мировых цивилизаций»».

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется *строго в соответствии с требованиями*.

Требования, предъявляемые к оформлению рукописей статей

1. Для издания принимаются только ранее не опубликованные авторские материалы — научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике и профилю журнала «Вестник Университета мировых цивилизаций». Допускается до 4 соавторов.

Объем статьи для кандидатов и докторов наук составляет от 13000 до 40000 знаков, рекомендуемый объем статьи для аспирантов и соискателей — до 15000 знаков. Статьи публикуются на русском языке.

2. Сведения об авторе должны быть представлены как на русском, так и на английском языке: имя, отчество, фамилия; ученая степень, ученое звание; должность или профессия; место работы, учебы, включая подразделение (кафедра, факультет), наименование учреждения/организации, населенного пункта, контактная информация (E-mail и другая контактная информация для публикации в журнале), наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже.

В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

3. Аннотация и ключевые слова. Должно быть указание: Аннотация (Abstract) и Ключевые слова (Key words), они должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: предмет, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, новизна, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В аннотации не допускается цитирование. Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Рекомендуемый объем аннотации — минимум 150–250 слов.

Ключевые слова выбирают из текста материала рукописи и приводят в именительном падеже. Указываются от 5 до 10 ключевых слов или словосочетаний.

4. Основные требования к тексту статьи. Текст идет сразу после ключевых слов. Рекомендуется придерживаться данной логической структуры при написании: введение, методика, результаты, обсуждение, заключение.

Шрифт текста рукописи — Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 14, междустрочный интервал 1,5; поля — 2 см со всех сторон. В таблицах шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 12, интервал одинарный. Для сносок и примечаний шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 10, интервал одинарный, абзацный отступ — 1,25 см.

Не допускается использования функции автопереносов. Абзацы («красная строка») должны выставляться автоматически. Для оформления текста не используются специальные стили и шрифты. Римские цифры обозначаются латинскими буквами. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом их употреблении в тексте. Рисунки должны отвечать тексту и быть пронумерованы.

Рекомендуемое минимальное количество источников — 10. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после буквы «с», — на номер страницы в источнике (например, [1, с. 26]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например (1).

Ссылки на официальные документы, нормативные правовые акты, электронные ресурсы, газетные заметки без указания автора — подстрочные, в список литературы такие источники не включаются. Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

5. Пристатейный список литературы должен быть пронумерован — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018, ГОСТ Р 7.0.108-2022 и ГОСТ Р 7.0.5-2008.

6. Все материалы представляются в редакцию в электронном виде по электронной почте:

izdimc@mail.ru.

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Подробную информацию и образец оформления статей можно скачать на сайте журнала:

<http://imc-j.ru/oformlenie-rukopisej>.

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК. ТЕКСТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ:
«ОБЗОР АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ» =
ENGLISH LANGUAGE. TEXTS OF SOCIO-POLITICAL TOPICS:
“A GLIMPSE OF ENGLISH PRESS”**

Учебное пособие

Составители:

Марукян Ж.А. — доцент кафедры теории практики и дидактики перевода института лингвопереводческих технологий и развития международных коммуникаций, АНО ВО «УМЦ»;

Алякина Н.В. — доцент кафедры теории практики и дидактики перевода института лингвопереводческих технологий и развития международных коммуникаций, АНО ВО «УМЦ»

Учебное пособие состоит из 17 блоков (Units), каждый из которых содержит несколько частей. Каждый этап работы подкреплен лексическими и грамматическими упражнениями.

Основной целью пособия является формирование навыков и умений работы с газетными текстами на английском языке и ознакомление с культурными аспектами англоязычных стран, стилистикой газетного текста. Приобретение и формирование навыков чтения и перевода современных англоязычных газет.

Пособие предназначено для бакалавров обучающихся по направлениям «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения», «Лингвистика».

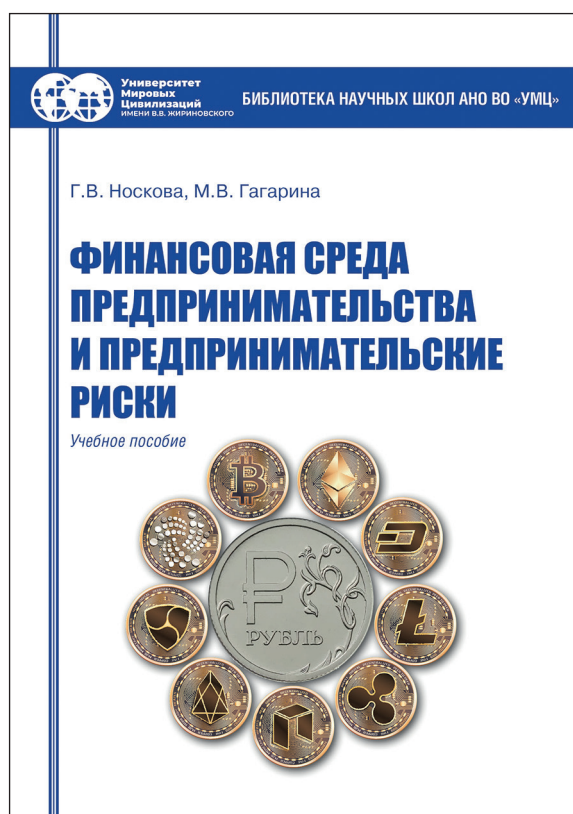
ФИНАНСОВАЯ СРЕДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ РИСКИ

Учебное пособие

Авторы:

Носкова Г.В. — кандидат экономических наук, АНО ВО «УМЦ»;

Гагарина М.В. — кандидат экономических наук, АНО ВО «УМЦ»

Пособие раскрывает как фундаментальные положения теории предпринимательских рисков, включая их классификацию, источники возникновения, методы идентификации и измерения, так и современные прикладные инструменты управления, направленные на снижение вероятности наступления неблагоприятных последствий.

Формирует комплексное и целостное представления о закономерностях функционирования бизнеса в условиях динамично меняющейся и многослойной финансово-экономической действительности.

Предназначено для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки 38.04.01 Экономика.

Книги ИД УМЦ в электронном виде распространяются через компании-партнеры, предоставляющие специализированные сервисы в этой сфере как в России, так и по всему миру.

С крупнейшим российским распространителем электронных изданий — компанией «ЛитРес» — действует удобная партнерская программа. С сайта ИД УМЦ открывается реферальная ссылка на книгу в каталоге компании (<https://www.litres.ru/nano-vo-umc/>), где сразу можно оплатить и скачать книгу. В каталоге «ЛитРес» присутствуют все книги ИД УМЦ, реализуемые в электронном виде.

Книга появляется в продаже в электронном виде одновременно с выходом в свет в бумажном варианте.

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА
МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Том 16 № 3 (48) 2025

Научный журнал

Научное редактирование — *Герасимов В.И.*
Корректурa — *Шапошникова В.В.*
Компьютерная верстка, макет — *Надворский И.С.*

Подписано в печать 15.09.2025.
Формат 60×90/8. Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 500 экз.

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 261-11-26
www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано ООО «ТОМИК»
115477, г. Москва, ул. Кантемировская, д. 60, помещ. 2, этаж 3

